

Любовь Ануфриева

Ольга Баженова

Мария Игонина

Ирина Леонидова

Анастасия Малдрик

Елена Поваркова

Мария Размыслова

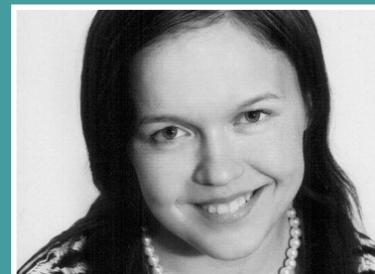
Александр Сальников

Елена Сидорова

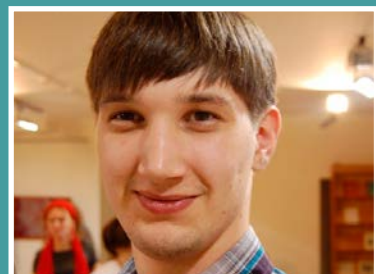
Дарья Снегирева

Алена Старцева

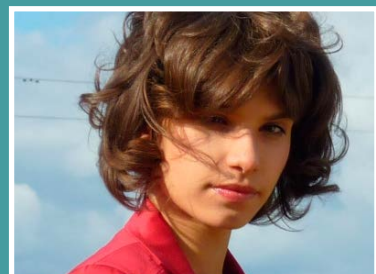
Наталья Стикина

Вадим Торухов

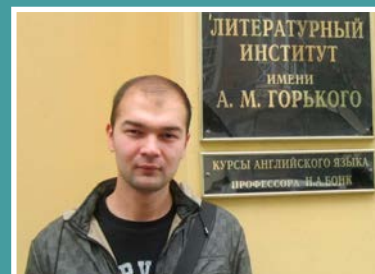
Владимир Устюгов

Анна Чалышева

Мария Черноусова

Максим Чупров

Алена Шомысова

ЮНОСТЬ

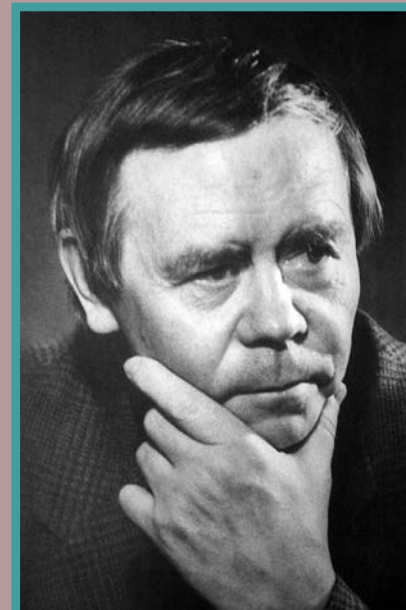

Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Выходит с июня 1955 г.

12+

Наше всё

Валентин РАСПУТИН

Валентин Григорьевич Распутин — последний русский писатель, к которому можно было пойти с вопросом «Как жить!». Пусть вопрос и условный. Но именно с ним, к примеру, дед Солженицына ходил к Толстому. Вопрос этот часто бывает и последним перед решающими историческими событиями. Последний писатель, последний вопрос, последний срок... «Последний срок» — может быть, самое глубокое и загадочное распутинское творение, самое проникновенное уж точно. На образе старухи Анны ведь до сих пор держится наше родное литературное пространство.

Валентин Распутин — писатель великий. Но величие его напитано состраданием к простому человеку, более того — открывает удивительные родники души этого человека. В недавнем обращении Валентина Распутина к вам, дорогие читатели, есть и такие слова: «Надеюсь, что читатели "Юности" откроют для себя новые яркие имена, которые обогатят нашу душевную и даже духовную жизнь, да и просто помогут задуматься о происходящем вокруг».

Вспомним и о том, что лишь Валентин Распутин просил президента России озаботиться судьбой толстых журналов.

Представления о жизни у гениального писателя и журнала "Юность" очень схожи. В 2004 году литературную премию имени Александра Невского в области прозы получил именно Валентин Распутин, а в области поэзии — главный редактор журнала «Юность» Валерий Дударев. Так что связь времен не прервалась.

■ Екатерина КОРНЕЕНКОВА: «Любви не нужен безлимитный трафик»

■ Иосиф БРОДСКИЙ: «Советская многонациональная литература — это настоящая школа!»

■ Льву АННИНСКОМУ ближе зрители московские

■ Александр ГРАНОВСКИЙ нашел квиритов... в Крыму

■ Елена ПОВАРКОВА и другие молодые поэты Республики Коми

■ Молодые прозаики Республики Коми: сострадание к простому человеку!

■ Николай НЕКРАСОВ — последний великий поэт из господ

■ Лгать пятидесяти коровам

■ Китайская поэтесса ИАНЬ

■ Отрезок, равный тысяче шагов римского воина

■ В монастырях Хинаяны ступа (культовое сооружение с мощами Будды) всегда стоит в отдалении от монастыря

■ Американский прозаик Лоуэлл Ховард МОРРОУ

■ Андрей ШАЦКОВ: «Где вместо снегов — расцвели маргаритки»

■ Донецкая трагедия в прозе молодого Станислава АСЕЕВА

■ Простая экзотика эстонской писательницы Хелью Нt,fyt

■ Александр МЕНЬ. Бесконечная дорога в небо

■ В детективе неожиданная развязка

■ В зеленом портфеле любовные эсэмэски

■ Галка ГАЛКИНА: «Вы, дорогой наш автор, внесли смятение в стройный хор критиков: АННЕНСКИЙ или АННИНСКИЙ, Иннокентий или Лев!»

■ Проказник Гео: «Я к Юпитеру летел, тихо песенку гудел!»

9 770132 203600

Екатерина Корнеенкова
Читайте на стр. 4

Андрей Шацков
Читайте на стр. 46

ЮНОСТЬ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Выходит с июня 1955 г.

№4 (711) 2015

«ЮНОСТЬ» © С. Краусаускас. 1962 г.

Главный редактор
Валерий ДУДАРЕВ

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

Наша почта: unost-contact@mail.ru

Наш сайт: <http://unost.org>

Страница на «Фейсбуке»:

<https://www.facebook.com/unost>

Редакционный совет:

Ильдар АБУЗЯРОВ
Анатолий АЛЕКСИН
Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Анна ГЕДЫМИН
Тамара ЖИРМУНСКАЯ
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Елена САЗАНОВИЧ
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ
Андрей ШАЦКОВ

Редакционная коллегия:

заведующая отделом образования и молодежной политики
Славяна БАКУНИНА
обозреватель
Платон БЕСЕДИН
главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ
заведующая отделом критики
Елена МАКСИМОВА
заведующий отделом культуры
Татьяна МАХОВА
заместитель главного редактора, заведующий отделами прозы и поэзии
Игорь МИХАЙЛОВ
заведующий отделом зарубежной литературы
Евгений НИКИТИН
главный консультант
Эмилия ПРОСКУРНИНА
консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ
ответственный секретарь
Светлана ШИПИЦИНА

В НОМЕРЕ:

Поэзия

- Екатерина КОРНЕЕНКОВА 4
Андрей ШАЦКОВ 89

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Елена ПОВАРКОВА (21), Любовь Ануфриева (24), Ольга Баженова (26), Мария Игонина (27), Анастасия Малдрик (29), Мария Размыслова (30), Елена Сидорова (34), Дарья Снегирева (35), Алена Старцева (37), Наталья Стикина (38), Владимир Устюгов (41), Анна Чалышева (44), Алена Шомысова (46)

Проза

- Александр ГРАНОВСКИЙ
КВИРИТЫ РАССКАЗ 14
Станислав АСЕЕВ
**МЕЛЬХИОРОВЫЙ СЛОН,
ИЛИ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ДУМАЛ** РОМАН-АВТОБИОГРАФИЯ.
Продолжение 96
Хелью РЕБАНЕ
ПУБЛИЧНОЕ СОКРОВИЩЕ Повесть. Окончание 115

МОЛОДЫЕ ПРОЗАИКИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Ирина ЛЕОНИДОВА (48), Александр Сальников (51), Вадим Торухов (57), Мария Черноусова (59), Максим Чупров (65)

Страницы Льва Аннинского

ЗАМЕТКИ НЕИСТОРИКА

- БРОДСКИЙ ПРИБОЙ.
«ЕСЛИ ВЫПАЛО В ИМПЕРИИ РОДИТЬСЯ...»** 12

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

- СОБАКА ЗАРЫТА** 13

100 книг, которые потрясли мир

- Елена САЗАНОВИЧ
**НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ.
«ПОЭТ И ГРАЖДАНИН»** 69

Как беден наш язык!

ПОЖАЛУЙСТА, ГОВОРИТЕ ПО-РУССКИ!

- Марианна ТАРАСЕНКО
**ШАЛЬНЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ:
ДЕЛИ НА ДВА** 72

Женские веды

- Светлана КАЙДАШ-ЛАКШИНА
КИТАЙСКАЯ ПОЭТЕССА ИАНЬ 74

Заведующая редакцией

Лидия ЗЯБКИНА

Заведующий отделом информации

Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент

Екатерина КОРНЕЕНКОВА

Отдел юмора

Генрих ПАЛОЯН

Представитель в Санкт-Петербурге

Максим КОРШУНОВ

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Наталья ГОРЯЧЕНКОВА

Фотокорреспондент

Антон ШИПИЦИН

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Максим ПОПОВ

Заведующая отделом распространения

Яна КУХЛИЕВА

Дежурные по редакции

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Координатор литературного объединения

Марина КУЛАКОВА

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Всякая всячина

Николай МИТРОФАНОВ

ТАК ФУТ — ЭТО ЖЕ НАШ «ЛАПОТЬ»!..... 76

Огарованный странник

Феликс ШВЕДОВСКИЙ

ПАКИСТАНСКИЙ ДНЕВНИК Продолжение..... 78

Уноземный сюжет

РУБРИКУ ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ НИКИТИН

Лоуэлл Ховард МОРРОУ

ОМЕГА, ЧЕЛОВЕК Фантастическая повесть. Продолжение..... 85

Былое и думы

Сергей БЫЧКОВ

ОТМЫВАНИЕ ЖЕМЧУЖИН

Опыт художественного расследования трагедии Александра Меня..... 121

В конце концов

ДЕТЕКТИВ НА НОЧЬ

Валерий ЛАМЗОВ

ВИЗИТ КОРРЕКТОРА Окончание..... 132

ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ

Валентина ЩЕРБАК

ПРОВОДНИК ИГОРЬ..... 156

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Галка ГАЛКИНА

ТАКОГО ЕЩЕ НЕ БЫЛО!..... 159

VERIORA VERIS

Проказник ГЕО, человек-космонавт

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К ЗВЕЗДАМ..... 160

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправлений:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: +7 (499) 251-31-22,

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел. / факс: +7 (499) 250-40-60

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Авторы несут ответственность
за достоверность предоставленных
материалов. Мнения автора
и редакции могут не совпадать.

При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в «Академиздатцентр
«Наука» РАН», ОП ПИК
«ВИНИТИ»—«Наука»

140014, Люберцы, Московская обл.,
Октябрьский пр., 403

Тел. +7 (495) 554-21-86

Тираж 6 500 экз. Формат: 60x84/8

Заказ №

Екатерина КОРНЕЕНКОВА

Екатерина Корнеенкова родилась в городе Гродно Республики Беларусь в 1984 году. Несколько лет работала в районной газете «Факт» города Балашихи, где впервые была опубликована подборка стихов. Учится в Литературном институте имени А. М. Горького (семинар поэзии Станислава Куняева).

Поэзия — миф

Поэзия... Странные чувства возникают при этом слове. Кажется, что все понятно, что вот ее определение — это когда кто-то описывает свои чувства, которое когда-то испытал. Описание расположено в столбик, и слова в конце каждой строчки срифмованы. Вот оно — классическое представление о поэзии простого обывателя, который к тому же добавляет, что не любит стихов и не понимает их. Я обратила внимание на то, как часто приходится перечитывать стихотворение снова и снова, чтобы понять его. Самые простые, казалось бы, строчки скрывают подчас совсем не то, что говорят слова, составленные вряд. Поэзия — миф, иллюзия. Ее нельзя потрогать, поймать, но можно почувствовать. Вот ты уже ухватил поэзию, понял ее, а она, как испуганная куропатка, выпорхнула из-под снега твоего холодного, затуманенного бытом рассудка.

Зачем тогда нужна поэзия? Она — спасение от повседневности, от предопределенности и монотонности жизни. Мне иногда кажется, что у поэтов не зарастает темечко и они навсегда остаются детьми. А иначе как объяснить то, что Пушкин написал Вяземскому в письме: «Твои стихи к Мнимой Красавице (ах, извини: Счастливице) слишком умны. — А поэзия, прости господи, должна быть глуповата». Я бы поправила великого Александра Сергеевича — простодушна! Именно простая душа, открытая, готова понять, что скрывается за рифмованными строками. Поэзия, наконец, — это синтез музыки, изобразительного искусства, изящной словесности, причем синтез этот не где-нибудь, а в самом человеческом сердце. Поэтому поэзия так пленительна и непонятна одновременно.

Екатерина Корнеенкова

КАШТАН

На каштане распускаются соцветия,
Словно свечи зажигаются за тех,
Кто сражался для того, чтобы на свете
Никогда не прекращался детский смех.

Кисти белые с прожилками, дрожащие,
Очень хрупкие, как наш непрочный мир,

Чтобы светлым было наше настоящее,
Под окном каштан сегодня распустил.

Жаль, цветение каштана слишком коротко,
И едва усилит ветер свой порыв,
Облетят его соцветия белым ворохом,
Вновь весною чьи-то чувства пробудив.

Ты есть...

Вновь дождик моросит
По темной мостовой,
И каблук шуршит
Опавшею листвою.

Блестит асфальта гладь,
Распахнуты зонты.
А мне лишь нужно знать,
Что на Земле есть ты.

Ты где-то на Земле...
И в мареве дождей
От этой мысли мне
Становится теплей.

И чтобы продолжать
Жить в мире суеты,
Мне просто нужно знать,
Что на Земле есть ты...

Свидание

Я вновь вспоминаю о давешнем,
Сердце свое бередя,
По шиферу, будто по клавишам,
Бегали капли дождя.

А гром подпевал им раскатами,
Чтобы не быть не у дел,
Мелодию ветер подхватывал,
Листьями в такт шелестел.

Беззвучно, короткими взглядами
Мы разговоры вели,
И были так близко, так рядом мы
Где-то вдали от земли.

Под крышею старого здания
 Свел нас докучливый дождь,
 Как жаль, что такие свидания
 Бывают, когда их не ждешь...

О ТЕБЕ

Мечтаю стать с тобой единым целым
 И знать всех женщин, знал которых ты,
 Чтоб высмеять перед тобою смело
 Их глупые манеры и черты.

И я хочу постричься покороче,
 Явиться женской копией твоей.
 Так нам с тобою, милый, будет проще
 Запутывать завистливых людей.

Закутанные в теплые толстовки,
 По крышам небольшого городка
 Гулять с тобой мы будем без страховки,
 Взирая на прохожих свысока.

Мы зонтик превратим в огромный парус,
 По пенящимся лужам поплывем...
 Прозрачных капель крохотный стеклярус
 Мы станем собирать горячим ртом...

Любви не нужен безлимитный трафик,
 Она превысит сотни байт и бит.
 Но мало кто умеет весла трафить
 Так, чтобы лодку не разбить о быт.

Уличный пейзаж

Как прост бывает уличный пейзаж:
 Обычный дом без флюгеров и башен,
 Но ни одним мазком не передашь,
 Как этот дом был в чьей-то жизни важен.

Там у подъезда желтые цветы
 По осени распустятся, как прежде,
 Но никогда не отразят холсты
 Печали по несбывшейся надежде.

Посередине гипсовой стены
 Такой пейзаж, возможно, будет кстати,
 Но никакие стены не нужны,
 И памяти такой картине хватит.

ПАУПЕР

Вдоль стекол Курского вокзала
Она стремительно шагала,
Спешила к пригородным кассам,
Как, впрочем, основная масса.
Но неожиданно у входа
Ее остановило что-то.
Как будто из глубоких недр
Раздался приглушенный тенор.
Он доносился из далеких,
Забывших дней, где на уроке
Стихи о дяде и о Тане
Учили глупые созданья.
Нет, не послышалось ей это.
Роман любимого поэта
У привокзальных терминалов
Читал какой-то странный мальч.
На вид зачуханный и хилый,
На шее проступили жилы.
Он на ногах стоял некрепко,
А у подошв лежала кепка.
Читал по памяти негромко.
Она заслушалась в сторонке.
Не переврал в стихах ни слова.
Казалось бы, ну что такого?
Какой-то оборванец нищий
Себе выклянчивает пищу.
Возможно, стырили бумажник.
Как стал он бедным, не столь важно.
Таких убогих нищевродов
Полно в столичных переходах.
(Неудивительно. В России
Всегда обласкивали сирых.)
Но лишь ему вполоборота
Она внимала отчего-то.
Тянулись тучные баулы,
И речи становились гулом.
Оставив в кепке две монеты,
Она ушла за турникеты.
Стирает нашу память время,
Но что-то ударяет в темя,
И ерундовый эпизодик
Она тотчас воспроизводит.

ШАРФ

Она не любила метро,
Она обожала трамваи.
Она говорила не то,
Чего от нее ожидали.

Ходила в коротком плаще,
Не длила ненужные споры,
И шарф не носила вообще —
Боялась судьбы Айседоры.

Он был, как Есенин, курчав
И был не обижен талантом.
Так вышло, что шелковый шарф
Он ей повязал элегантно

Неброским обычным узлом,
Случайно притронувшись к коже.
В тот миг он не думал о том,
Что узел распутать не сможет.

Завязанный им узелок
У маленькой ямки под шеей
Красиво и правильно лег
И стал от тоски панацеей.

РАССВЕТ В ОКТЯБРЕ

Осенняя слякоть и яблочных запахов,
И куртки, накинутые на запах.
Дурманящий кофе, воскресный наш завтрак
На даче у общей подруги в гостях.
Еще не проснулись нетрезвые звáнцы,
Заветрился в миске вчерашний салат.
Нам было неловко глазами встречаться,
Мы прятали в чашках свой заспанный взгляд.
А в доме кипел электрический чайник.
И не было мысли в хмельной голове,
Что наше знакомство с тобой неслучайно,
Что врежется в память рассвет в октябре.

ОСЕННЕЕ

Кругами равномерными и плавными
Рябит вода, в которой летом плавали.
На озеро взирает опечаленно
Пожухлая, прожженная прогалина.

Повисла хмарь над дачными проселками,
Дома закрыты крепкими защелками.
Когда же мы любовь свою прощелкали?
Друг друга потеряли между елками.

Но осень обнимает так участливо,
Что вопреки всему я очень счастлива.
Хотела пореветь с дождем и начисто
Судьбу переписать, да вот не плачется.

ФИГУРИСТКА

Она невероятно тонкая.
На остром лезвии конька
Парит над ледяною кромкою,
Коньком касаясь льда слегка.

И ощущение, что просто ей
Скользить по белой глади льда,
И лезвие такое острое
Ей подчиняется всегда.

И вот опять трибуны ахнули,
Ей покорился снова лед,
И только взгляд ее распахнутый
Чуть-чуть усталость выдает.

В ДЕКАБРЕ

В декабре холодной ночью
Разлетелось небо в клочья.
Ветер их уносит прочь, но,
Если небо так непрочное
И растрескалось от стужи,
То тогда как много нужно
Человеческому сердцу,
Чтоб зимою отогреться?!
Как бы холоден и колок
Ни был маленький осколок,
Прикоснувшись острым краем
К жарким пальцам, он растает.

КНИГАМ

Всю суету прошедших дней
Я променяла б на минуту
В просторной комнате моей,
В ее стенах всегда уютно.

Ведь там в рассохшемся шкафу
Стоят в потертом переплете
Тома, хранящие строфу
Шекспира, Пушкина и Гете.

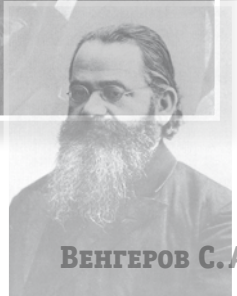
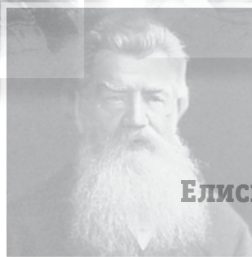
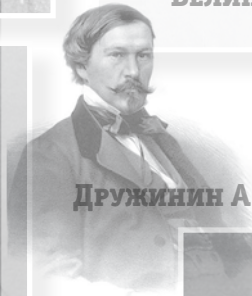
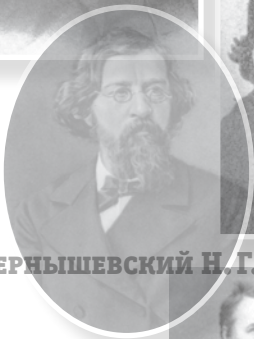
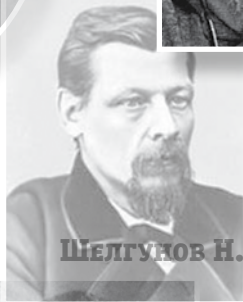
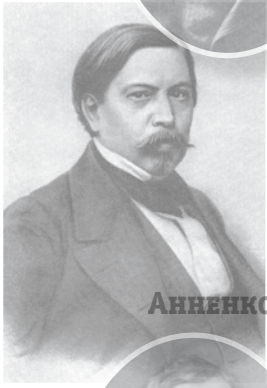
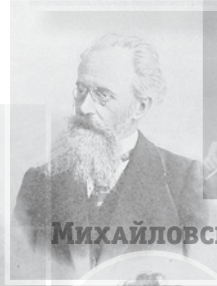
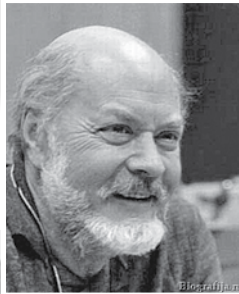
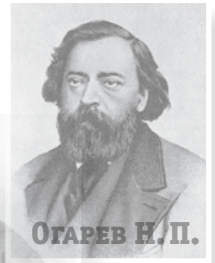
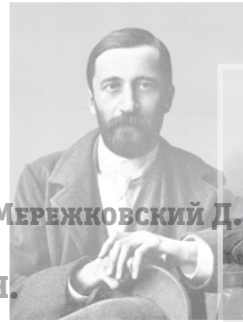
При тусклом свете ночника
Их ненавязчиво листала
Порою мамина рука,
А я под шорох засыпала.

Я повзрослела, и тома
Открыли мне свое богатство.
От впечатлений и сама
Я стала рифмой увлекаться.

Сегодня в каждом доме есть
Петля глобальной паутины.
Там можно обо всем прочесть,
Увидеть разные картины.

Но старый том, как старый друг;
Он, как живой, со мной болтает,
Пусть даже целый мир вокруг
Глобальной сетью обмотает.

Страницы Льва Аннинского

Продолжение. Начало в № 1–12 за 2013 год, в № 1–12 за 2014 год, в № 1, 2, 3 за 2015 год

БРОДСКИЙ ПРИБОЙ. «ЕСЛИ ВЫПАЛО В ИМПЕРИИ РОДИТЬСЯ...»

В 1988 году — одна из первых встреч, в ходе которой на волне перестроечного либерализма советские литераторы, окрыленные неслыханной свободой, могут общаться с эмигрантами, спасшимися от советской власти за рубежом.

Встреча — в Лиссабоне. Я как критик послан возглавлять наших (наши — невозмутимый Грант Матевосян, неунывающий Анатолий Ким и — воплощение темпераментной убежденности! — Татьяна Толстая).

«Ихние»: Зиновий Зиник, Сергей Довлатов и — Иосиф Бродский.

Бродский — нобелевский лауреат, его ждут с замиранием, он запаздывает (другой нобелевский лауреат — Чеслав Милош, приехавший вовремя, — вкушает всеобщее благоговение).

Бродский появляется на четвертый день, к обеду — идет к столу под восторженное гудение жующих участников.

«Узнает ли меня?»

Узнал! Кивнул издали, объяснив кому-то: «Аннинского мы знаем!» — то ли ободряясь, то ли отмахиваясь.

И вот мы сидим рядом, стиснутые в президиуме сессии, на которой обсуждается советская литература в контраст эмигрантской.

В первом ряду — чехи, эмигрировавшие из Праги в Америку, они-то и определяют атмосферу, кипя ненавистью: чего вы, советские, приехали нас учить, лучше бы убрали из Европы свои танки! Империалисты — вот вы кто!

Мне не хочется реагировать на эти выпады... И тут Бродский, в которому я не могу даже повернуться из-за тесноты (только чувствую плечом его учащенное дыхание), — Бродский берет слово и говорит — громко и ясно:

— Зачем вы путаете поэзию с политикой? Советская многонациональная литература — это настоящая школа! И империализм тоже бывает разный!

Ответный вопль наших чешских оппонентов пресекается жестом Милоша — все оторопело созерцают его высоко поднятую руку с большим пальцем, означающим согласие!

Два нобелевца — тут не поспоришь!

Председательствующий Майкл Скэмвелл срочно закрывает заседание.

Мы с Бродским поднимаемся...

— Спасибо за поддержку, — вырывается у меня.

Он, сверкнув взглядом, поворачивается спиной...

— Но я об этом никому не скажу! — посылаю шутку вдогон.

Он поворачивается лицом и... мы улыбаемся друг другу.

Наутро он уезжает из Лиссабона, еще через день отбываем и мы все. Кто куда, а мы — в родную «империю». Я понимаю, что больше встреч не будет. Да мне и не нужно. Все, что мне нужно, — бьется неистово в его стихах.

Продолжение следует.

СОБАКА ЗАРЫТА

Знатоки нынешней британской культурной ситуации лучше меня объяснят успех романа Марка Хэддона «Загадочное ночное убийство собаки» и пьесы Саймона Стивенса по этому сюжету, завораживающему лондонских зрителей.

Мне ближе зрители московские. И я понимаю, почему Егор Перегудов, вооружившись переводом Ольги Буховой, поставил сейчас это загадочное убийство на Другой сцене нашего «Современника». Пятнадцатилетний правдолюб хочет знать, где истина. Почему струи дождя как-то связаны между собой? Откуда взялась Вселенная? Куда идем? Образно говоря, где зарыта собака.

Натыкается правдолюб — на труп собаки, которая не зарыта, а валяется во дворе с вилами в боку.

Философский вопрос обретает определенность:

— Кто убил?!

Взрослые лукавят, уходят от ответа, врут и путаются, — как бы не зарапортовались.

Парень, напротив, крут и последователен (в исполнении Шамиля Хаматова его характер, я бы сказал, «крупнозернист»):

— Почему все это происходит?!

Откуда им знать, почему? То есть и им, и нам...

Наконец гремит тот самый вопрос, который в переводе с нетленного английского на современный русский заставляет меня всерьез остолбенеть:

— Куда мы идем?!

То ли мальчика хотят успокоить, то ли меня, зрителя: выносят на сцену в картонной коробке живого песика.

Ну вот, можно зарывать.

Александр ГРАНОВСКИЙ

Александр Грановский родился в 1950 году. Врач, окончил Литературный институт имени А. М. Горького, прозаик. Автор шести книг прозы и книги публицистики, составитель сборника «Крымский рассказ — 2005», печатался в журналах *Sintagma*, «Берега Тавриды», «Черное море», «Крымуша», «Алые паруса», «Полюс-Крым», «Остров Крым», «Сибирские огни», «Урал», «Соло», «Роман-газета», альманахах «Севастополь», «Братина», «Истоки», «Русское зарубежье», в «Литературной газете». Член Национального союза писателей Украины.

Рассказы переведены на английский, французский, немецкий.

Несколько лет — главный редактор молодежного литературно-художественного журнала «Алые паруса».

КВИРИТЫ¹

РАССКАЗ

Рисунки Настасьи Поповой

«**Т**ак что же ты предлагаешь?» — спросит кто-нибудь из вас.

Прежде всего, все вы должны изменить свой образ действий. Люди с не знающим устали языком, в душе трусы, забывающие о свободе, как только уйдете со сходки. Остерегайтесь их коварства. Ибо, действуя иным способом, они бессильны против вас, если вы будете едины. Будьте бдительны и не называйте рабства покоем, изменяя смысл понятий в меру своей трусости...

Я сразу представил речь этого плебейского трибуна Макра в нашей Верховной Раде и даже слова, после которых должен начаться мордобой.

Если вы считаете это миром и согласием, то одобряйте величайший переворот в государстве

и разрушение его устоев, утверждайте навязанные вам законы, миритесь со спокойствием при рабстве и подавайте потомкам пример, как уничтожить государство ценой его же крови...

Но зазвонил телефон.

— Это Алмаз, — по-военному четко сказал Алмаз. — В шесть у нас собрание. Сбор внизу, на майдане, возле магазина... чайханы...

— А что за сыр-бор?

— Это не телефонный разговор.

— Якши, — сказал я.

— Ничего якши, — сказал Алмаз. — Все, конец связи.

«Ныне, квириды, надо быть рабом или повелевать, испытывать страх или внушать его!» — еще успел сказать консул Лепид в своем обращении к римскому народу.

Но его уже никто не слушал, так как жена включила зомбоящик. Он, как всегда, показы-

¹ Квириды — официальный титул, с которым в древнем Риме обращались к гражданам.

вал «майдан», на котором, как всегда, жгли покрывки и били в барабаны, чтобы отпугнуть злых духов.

Потом со сцены выступали «боксер», «суслик» и «удав». Что говорил «боксер», никто не понял, так как он и сам не понимал, откуда у него берутся слова, которых он еще не думал.

В Интернете писали, что это чип. Чтобы укрепить мозг. Чип, конечно, китайский, хотя фирма американская. Почти «Майкрософт». Сейчас все с такими чипами. Но это тайна, о которой порой не догадывается даже сам юзер. Он думает, что он трибун, политик или звезда порока, а на самом деле это просто чип, который проник в него с пивом.

«Суслик» говорил много и правильно, пока у него не начали мерзнуть зубы, а точнее, протез, вставить который ему посоветовали эксперты ЕС для усиления харизмы. Он даже в порыве благодарности родил слоган:

— ЕС — это yes! ЕС — это... lex¹ (чуть было не вырвалось — «протез», что сразу выводило слоган в заголовки мировых СМИ).

— Дупа! — хищно изрыгнул «удав» и начал прорываться к микрофону, чтобы сказать народу главное.

Но почему-то ничего, кроме этой «дупы», в голову не приходило. И сейчас он стоял, слегка покачиваясь, как перед прыжком в пустоту, которая, как всегда, готова была его принять, а он, как всегда, не готов был прыгнуть.

И тогда из пустоты на сцену выскочил бес по имени Орест Лютый, который начал исполнять «письню» — «Убьй у соби москаля». И пустота подхватила, закружила и понеслась в безумном танце, который было уже не остановить.

На какой-то миг показалось, что все это кино. Что-то типа фильма Тарантино, когда ни сам режиссер, ни толпа не знают, какое в итоге получится кино — то ли это будут «Бесславные ублюдки», то ли «Бешеные псы».

А может, и режиссера никакого нет. А есть пульт и есть кнопка. И каждый из нас может управлять этим миром, только не догадывается. А кто догадывается, тот почему-то долго не живет.

Был у меня друг детства по кличке Ден, который на полном серьезе доказывал, что в каждом телевизоре есть такая штука, которую не определит ни один мастер. С помощью этой штуки можно прослушивать и просматривать, что делается в каждой квартире. Он от этой штуки, можно сказать, и в Афган тогда сбежал.

Но самое интересное — с помощью этой штуки можно не только подсматривать, но и воздействовать.

— Как это — воздействовать? — еще спросил я.

— А кто его знает — как. Это даже не сразу начинаешь понимать. Неужели с тобой такого не было, когда вечером думаешь одно, а утром просыпаешься и делаешь совсем другое?

— Наверное, было, сейчас уже и не вспомнить.

— То-то и оно. Они нарочно так делают, чтобы не вспомнить.

— Да кто... они?

На что Ден даже отвечать не стал. Молча докурив в темноте сигарету и растворился в ночи, из которой уже нет возврата.

После него осталась книга: Гай Саллюстий Крисп, «О заговоре Катилины». Она была издана в 1981 году Академией наук огромным тиражом 150 000 экземпляров, и в этом, казалось, был некий тайный смысл, который я в тот момент не понимал, а Ден понял, и это решило его судьбу.

Несколько раз я даже порывался ее читать, но дальше «Заговора Катилины» не пошел, так и зависнув на фразе: «Когда мужчины начинают вести себя как женщины, а женщины как мужчины — государство рушится».

А несколько дней назад зачем-то снова достал книгу, которую в этот раз читал как-то странно — с любой фразы и с любой страницы, на которой случайно откроется книга. И сейчас это была совсем другая книга, которая необъяснимо вмещала в себя все — и дымящие покрывки майдана, и грозный бой барабанов, и фильмы Тарантино, и «письни» бесноватого Ореста Лютого, и даже этот звонок Алмаза.

— Ситуация такова, — без предисловий начал собрание староста поселка Алмаз. — Сегодня ночью неизвестные с оружием в руках захватили здание Верховной... как его... Рады...

— «Пентагон», — уточнил депутат Петрович.

— «Пентагон», — подтвердил Алмаз.

— Что значит — захватили? Его кто-нибудь не отдавал? — подал голос из черной бороды Фарид.

— Захватили, это значит — захватили. А... давал или не давал... — смерил его цепким взглядом Алмаз.

— И что значит — «неизвестные»? Кому — «неизвестные»? И вообще — откуда они взялись? — загудели мужики.

— Вечером из телевизора узнаем, — сказал Алмаз.

— Из него узнаешь!..

¹ Lex — закон (лат.).

— Вот поэтому мы здесь, — перехватил инициативу депутат. — До полной ясности нам нужно организовать самооборону нашего поселка...

— А то вот так придут к тебе, Тимур, ночью неизвестные с оружием в руках и скажут...

— ...твоя жена теперь моя жена. Или...

— ...ты теперь моя жена.

— Да они и говорить ничего не будут...

— Короче, — прервал этот разгул демократии Алмаз. — По списочному составу в поселке тридцать пять мужиков. На собрании присутствует двадцать шесть. Это где-то семь по четыре... Так и будем нести дежурство, каждая четверка по три часа.

Подвыпивший болгарин решительно прошел к Алмазу и протянул ему замусоленный военный билет:

— Кап-питан зап-паса к месту дис-локации прибыл, — доложил по форме.

— Аусвайс, — пояснил его друг немец с выдавшим виды трофейным биноклем на груди.

— А оружие выдавать будут? — поинтересовались пацаны лет шестнадцати-семнадцати, которые целыми днями на «запоре» без глушителя с жутким ревом гоняли по поселку.

— Вы и без оружия на вашем драндулете страх наводите, — утешила их гречанка Ника.

— Насчет оружия вопрос правильный, — рассудительно сказал староста Алмаз. — В штабе сельсовета сказали, что черенки от лопат можно использовать... Пока. А там будет видно.

— Это пойдет? — спросил Шевкет, доставая сразу из обоих карманов два пистолета — один стартовый, другой — револьвер, который стрелял какими-то писательскими пулями «Флобера».

— По весу как пистолет, — уважительно сказал немец.

— А по пулям как говно, — презрительно цыкнул капитан запаса болгарин.

— Банку от пива пробивает, — сказал Шевкет, пряча пистолеты в карманы. — А если в пульку добавить немного пороха, то можно...

— Еще электрошокер можно, — вспомнил Алмаз, пытаясь подсветить фонариком-электрошокером список присутствующих, но по ошибке нажал не ту кнопку, долбанув искрой. — Еще можно с собой собак взять...

— И котов... — добавила гречанка Ника. — У меня Барсик и без шокера может глаз выцарапать.

— Боевой кот, — сказал Шевкет.

— Отряд боевых котов создать... По типу боевых дельфинов, которые раньше Севастополь охраняли, — подхватил идею зубной техник Юра.

— И всех вооружить электрошокерами, — сказал Шевкет. — Я котов имею в виду. Это будет бомба...

— Точнее говоря — шок.

— А против кого, собственно, война? — на всякий случай уточнил немец.

— Пока не ясно, — сказал Алмаз. — Но в штабе сказали, что надо быть готовым.

— Я готов, — сказал немец, старательно пытаясь устоять под тяжестью своего бинокля.

— Оно и видно, — сказала доктор Ника. — Со всем готов.

Сам поселок располагался над долиной, на горе. Это место выбрали депортированные греки, которые двадцать три года назад стали возвращаться из Средней Азии. Потом к грекам начали подселиться и другие депортированные — крымские и казанские татары, армяне, болгары и даже немцы. И теперь это была как бы Греция в миниатюре, с греческими названиями улиц (Афинская, Олимпийская, Македонского), а поселение назвали Понтос, что в переводе означало «море». Немного странновато, конечно, словно море могло находиться на горе.

Но местный философ Александрос этот феномен объяснил просто — море уходит и приходит, а греки остаются. Они, как ракушки, прирастают к камню, чтобы сделать его крепче и остаться в этом месте навсегда. И в доказательство показал окаменевшую раковину, которую нашел, когда рыл фундамент своего дома.

«Видишь — здесь раньше было море. А там, где море и горы, рано или поздно появляются греки. Или наоборот. Видимо, закон природы такой».

В моей четверке оказались татарин Фарид лет сорока пяти, с бородой, очень верующий, каждое утро к пяти часам ездит с братом в мечеть на намаз, татарин Шевкет лет тридцати в камуфляжной форме со своими пистолетами, молодая врач, гречанка Ника, вышла на дежурство вместо отца, который в это время находился на заработках в Греции, и зубной техник грек Юра, который был всеми событиями очень возбужден, так как своими глазами видел машину непонятной марки, очень похожую на военную.

— Только не надо о политике, — сразу предупредил Фарид. — А то все рассоримся и будем думать друг о друге плохо.

— И телевизор не смотреть, — добавил зубной техник Юра. — Эти рептилоиды на нас гипнозом действуют. Просто вынимают мозг...

— А как же мы узнаем, кто нас захватил? — спросила доктор Ника.

— Телевизор все равно врет, — подтвердил Шевкет.

— И газеты врут, — сказал Фарид.

— Можно еще по телефону позвонить.

— Вопрос только — куда? Уже ночь.

— О, я могу другу позвонить, — загорелся зубной техник Юра. — Он сейчас вояка, в воинской части под Севастополем стоит.

— Лежит... Ты хотел сказать — лежит, — уточнила доктор Ника. — В это время все нормальные люди уже давно лежат. Даже вояки...

— Ты ничего не знаешь, — сказал грек Юра. — Может, нормальные и лежат, а все остальные в это время сидят. А точнее, ведут бой... в своем танчике... До четырех часов утра, порой не смыкая глаз. Там такой адреналин, что и бабу уже не надо. «Мир танков» — игра называется. Поэтому сейчас в армию и народ попер — дома жена, дети, работа, различные дела делать надо. А в армии никто тебя из такого танчика не выгонит. Могут и к награде представить по итогам боев.

— А как же тогда с самолетами? — спросил Ника.

— А то же, что и с танками, — сказал грек Юра. — «Мир самолетов» игра называется. Точно так же сидишь, а точнее — летишь в самолете и ведешь бой. Еще больше адреналина, чем в танчиках. Сегодня во всех армиях в эти игры играют. С одной стороны, тренинг и солдаты при деле. Даже в самоволку перестали убегать. Да и что в этой самоволке делать?

С другой стороны, горючее для танчиков не надо, запчасти не надо, в мазуте ковыряться не надо... Да и сами танчики, получается, не надо. А значит, и ангары с ремонтной базой и прочими железяками — не надо.

Сегодня в принципе и армии не надо. Можно прямо не выходя из квартиры готовить бойцов... И они уже практически готовы. Но, самое интересное, теперь и война не нужна.

То есть она нужна, война всегда нужна, как двигатель прогресса, который никто не отменял. Только теперь это будет совсем другая война.

Просто наши хорошо подготовленные пацаны в танчиках и самолетах смело сразятся с такими же хорошо подготовленными пацанами в танчиках и самолетах других стран, и сразу станет ясно, кто в этом мире главный, а кто прикидывается...

— А кто прикидывается? — спросила Ника.

— Это мы еще узнаем, — сказал грек Юра. — Когда война закончится.

— А что, она уже началась?

— Идет по всем фронтам. Но это сильно не афишируется. Можно сказать, военная тайна.

— А корабли... с кораблями как? — спросил Шевкет.

— Что касается кораблей... «Мир кораблей» игра называется. Только уже сидишь не в танчике или в каком-нибудь «Бэкфайере», а на подводной лодке класса «Тайфун», которой противостоит авианосец «Джорж Буш» или «Нимиц», и твоя задача — долбануть его торпедой, чтобы самолеты не успели взлететь.

— Теперь мне все ясно, — вздохнула Ника.

— Что ясно?

— Куда все мужики подевались.

— Да, сегодня или ты в танчике, или... тебя как бы нет, раз в дальнейшей игре не участвуешь.

— Но я же вот... — возмутилась Ника. — Участвую... Правда, еще не знаю в чем.

— Понимаешь, мать... — Грек Юра на какое-то время замолчал, пока желтый луч его лазерного фонарика задумчиво скользил по лесистым склонам гор и по разноцветным крышам домиков где-то далеко внизу. — Этого никто не ожидал... Короче, жизнь в игре оказалась интереснее самой жизни. Там хоть на «Бэкфайере» можно полетать или из какой-нибудь «Пантеры» пострелять. Мужик словно вспомнил, что он мужик. А здесь... прозябание одно. Дом — работа — пиво... Не тот уже адреналин.

— Да я тебе сейчас такой адреналин покажу! — просто набросилась на него Ника. — Адреналина ему в жизни не хватает!

— Молчи... молчи... задиристая человеческая самка... Вот от таких самок мужики и сбегают в танчики.

— По крайней мере, теперь ясно, где этих мужиков искать. Ну что, давай звони своему танкисту.

На какое-то время грек Юра перестал говорить по телефону и уже с топотом догонял команду.

— Докладываю обстановку на фронтах: нас никто не захватывал.

— А как же тогда... — даже выхватил пистолет Шевкет. — Я сам видел... по телевизору показывали. Зеленые человечки захватили «пентагон».

— Может, они уже... и Бахчисарай захватили, — слегка дрогнул в голосе Фарид.

— Вот в этом-то и весь прикол, — торжествуя сказал грек Юра. — Нас никто не захватывал. То есть, может, и захватывал... но только в телевизоре. В телевизоре кого угодно можно захватить. И зеленые человечки — в телевизоре... с ручными пулеметами типа «Печенег», а точнее,

из игры «Arma 2», который еще и на вооружение не поступал.

— Ты хочешь сказать...

— Я уже сказал. Все это игра... Только не «Мир танков», не «Мир кораблей» и даже не — самолетов. А самое интересное... — Грек Юра от волнения даже попросил у Ники закурить. Слово дымом сигареты готовил их к окончательному прояснению разума. — Что все мы, сами того не подозревая... и не замечая... стали участниками этой игры... в телевизоре...

— И Алмаз?

— И Алмаз...

— И депутат?

— И депутат... Короче, все, кто смотрит телевизор и не сидит сейчас в танчиках... Так как это совсем другая игра.

— А майдан?.. Со всеми его... хероями...

— И колесами...

— И эти придурки с кастрюлями на головах...

— И майдан, — выстрелил горящим окурком в звезды грек Юра, словно подводя черту. — И даже Верховная Рада с ее президентами и мордобоем, который называется демократией... Хотя если подойти клинически... с точки зрения, так сказать, морга...

— Якши, — осторожно начал Фарид. — Но если все это игра, то должен же быть какой-то победитель.

— Который получает все, — подтвердила Ника.

— Я тоже об этом думал, — сказал грек Юра. — Просто за время своей жизни победитель это «все» не успеваешь получить. Разве что в другой жизни. Или в третьей... Как всегда, в игре.

— А я хочу это «все» получить сейчас, — упрямо сказала Ника. — Только чтобы не в танчике сидеть. И не в истребителе. А где-нибудь... на Бали... нежась на пляже, с веселым бананом в руке.

— Тогда у тебя это будет игра в игре — тоже штука интересная, но здесь уже простым бананом не ограничишься.

Незаметно, за разговором, поднялись на вершину Понтоса, где на фоне звездного неба темнел контур дома хромого грека Зорбы, который в это время, наверное, уже спал и видел цветные сны.

Знающие люди рассказывали, что из всей своей жизни хромой Зорба провел в тюрьме в сумме двадцать четыре года. Поэтому и построил дом подальше от людей и поближе к звездам.

С вершины было рукой подать до Чатырдага, за которым находилось море. А в самом Чатырдаге находилась база пришельцев. Они сами выш-

ли на контакт с Зорбой, когда он пил пиво Stella, тоскливо глядя на звезды сквозь дырявый потолок крыши, словно из обсерватории.

На самом деле, это пришельцы смотрели на него сквозь дырявый потолок крыши и даже смогли прочитать, как называется пиво, которое пьют на этой странной планете, чтобы выйти на связь с космосом.

Так Зорба стал контактером.

В первый свой контакт пришельцы сделали ему крышу. Причем не из какого-нибудь отстоя, а из металла, очень похожего на оцинковку.

Во второй контакт вставили окна и двери, чтобы окончательно подготовить его обсерваторию к зиме, которая в горах может прижать не по-детски.

В третий контакт через весь Понтос проложили дорогу на гору к его дому, половину которой даже покрыли асфальтом (что само по себе уже было чудо, а на вторую половину чуда никто и не рассчитывал).

Хотел еще попросить у пришельцев протянуть к нему в обсерваторию воду, но из продажи исчезло пиво Stella, а на контакт с другими позывными пришельцы почему-то не шли.

— Тихо! — сказал Шевкет, прислушиваясь к подозрительному лаю собак, который доносился от дома хромого Зорбы.

— Это они, — прошептала Ника.

— Кто они? — спросил грек Юра.

— Откуда я знаю... зеленые человечки...

— Из телевизора... — пояснил Фарид.

— Короче, сделаем так... — принял командование на себя Шевкет. — Вы тут пока за камнем остаетесь в засаде, а я на разведку. Только не курить. Дым за двести метров можно почувствовать.

— Я тоже хочу... в разведку... — сказала Ника. — Может, кому медицинская помощь понадобится.

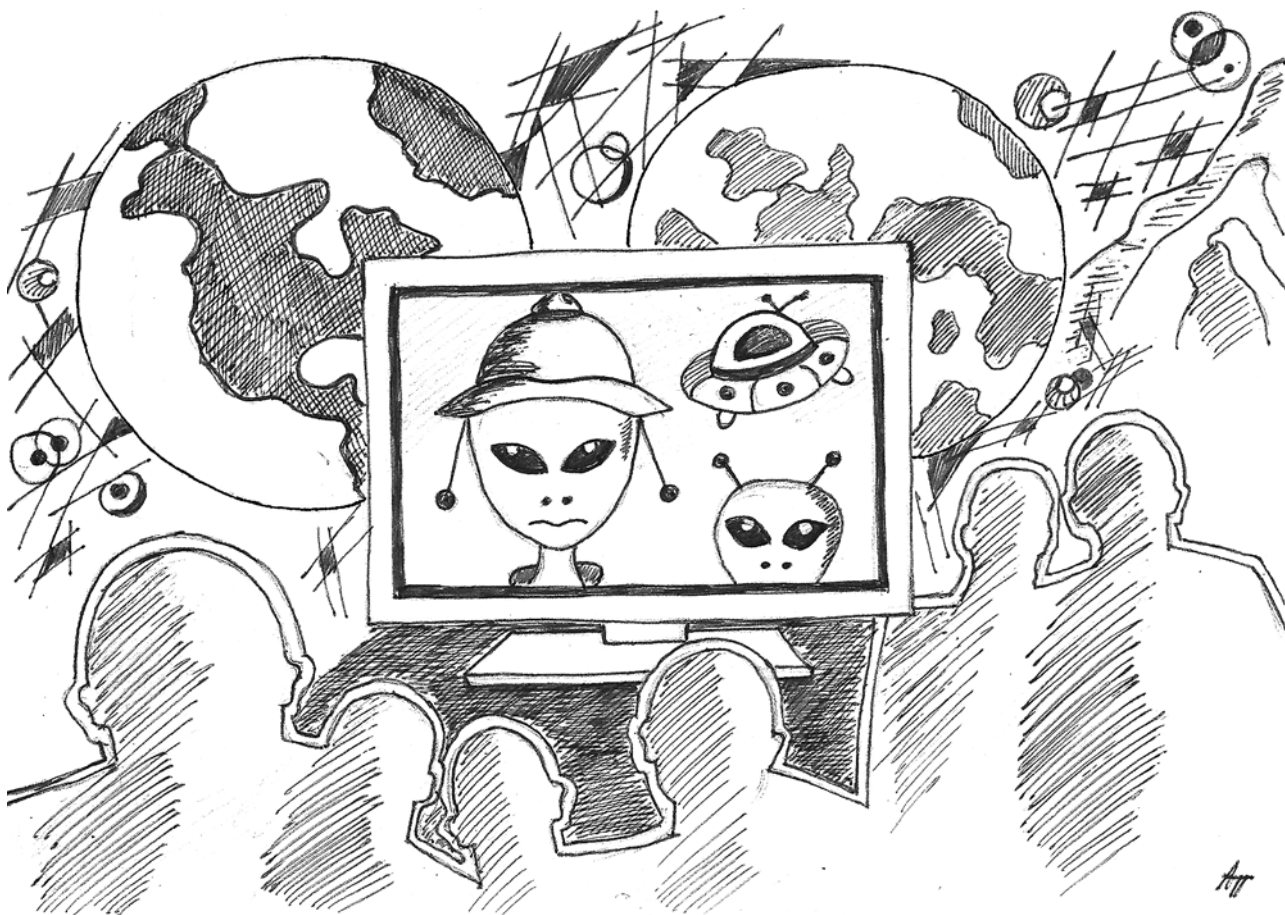
— Труп уже ничего не понадобится, — утешил ее Шевкет, с пистолетом растворяясь в темноте.

— Пока интересно, — сказал грек Юра. — Еще интереснее, чем в танчике сидеть.

— А тем более — в телевизоре, — сказал Фарид. — Хотя тоже интересная игра. Я только одного не могу понять, как от того, что мы сейчас делаем за камнем, где-то далеко в Верховной Раде может начаться мордобой... или не начаться...

— Этого и я не понимаю, — признался грек Юра. — Просто не все обязательно понимать. Ты же не спрашиваешь, откуда в твоём фонарике берется ток, чтобы ты мог видеть Алмаза?

— Из батареек...

— Да, где-то далеко веселые китайцы крутят педали, чтобы зарядить батарейки, чтобы ты мог видеть Алмаза. Я тебе скажу больше — никто не знает, что такое ток, но все думают, что это по проводам бегают электроны, чтобы мы могли видеть, как в телевизоре зеленые человечки захватили «Пентагон». Или — как на майдане люди с кастрюлями на головах делают революцию, чтобы зеленые человечки захватили «Пентагон»... В сущности, человечеству по барабану — бегают по проводам электроны или не бегают, главное — чтобы в домах был свет, а в холодильнике охлаждалось пиво, которое, как сказал Бисмарк, делает людей ленивыми и тупыми... чтобы зеленые человечки захватили «Пентагон»...

Сверху послышался какой-то шум, и за камень, тяжело дыша, десантировал Шевкет.

— На ловца и зверь бежит, — сказал, сваливая со спины мешок.

— Это что?.. — строго спросила Ника.

— У нас в разведке это называется — язык, — сказал Шевкет.

— Тиль алмакъ, — подтвердил Фарид.

— Zuerst, — глухо послышалось из мешка, который зашевелился и в свете фонарика Фариды оказался немцем Гансом с подбитым глазом. И сейчас этот глаз пытался понять, куда он попал и будут ли его еще бить.

— Zuerst, — на всякий случай повторил Ганс, закрываясь рукой от света и судорожно пытаясь сесть.

— Гитлер капут! — на чистом немецком ответил ему грек Юра.

— Совсем капут, — сказала Ника.

— Ja-ja... kaputt, — задергал подбитым глазом Ганс.

— Да откуда я знал... — даже расстроился Шевкет. — Смотрю, какая-то жопа крадется в темноте... И не просто крадется... а качает маятник, чтобы не попасть...

— Но ты попал? — сказал грек Юра.

— Ja-ja... — радостно закивал Ганс.

От удара по голове он теперь говорил только по-немецки, хотя, как все депортированные из Средней Азии, знал и русский, и узбекский, и татарский.

— Тогда мне его надо в позе Ромберга проверить, — сказала Ника. — Сотрясение мозга исключить.

— Ja-ja... — продолжал радостно кивать Ганс.

— Заодно проверить на предмет этого самого мозга, — бухтел грек Юра, помогая Гансу встать и показывая, как стоять в позе Ромберга с вытянутыми перед собой руками.

Но у Ганса то ноги подгибались, то руки не держались, а с закрытыми глазами просто завинчивало в штопор.

— Все ясно, — сказала доктор Ника. — У него травма мозга... Придется нести...

— Что нести — мозг? — не понял Фарид.

— Можно и так, — сказал грек Юра. — Ты, Фарид, будешь нести мозг, а остального языка Шевкет возьмет на себя.

— Ja-ja... — продолжал радостно кивать Ганс.

— Главное — доставить тело, — сказал грек Юра. — А там уже одно из двух — или в морг... или... на трепанацию черепа...

— Что еще за треп... нация? — насторожился Шевкет.

— Это когда в голове делают дырку, чтобы узнать, есть ли там внутри мозг, — охотно пояснил грек Юра.

Он еще хотел сказать, что в свете новых научных данных совсем не важно, есть ли там внутри мозг, так как мы биороботы, которыми управляет Великий Чмо... А уж кто этим Великим Чмо управляет...

Но в темноте что-то произошло, и пока Юра искал и включал свой лазерный фонарик, Ганс уже бежал с горы вниз, нелепо размахивая руками. А точнее, словно отмахиваясь от желтого кружочка лазерного прицела грека Юры, пока не скрылся в придорожной «зеленке».

— Что и требовалось доказать, — удовлетворенно сказал грек Юра. — Знаешь, что в игре главное? Это непредсказуемость... когда никто не знает, что произойдет в следующий момент.

— Да я этого немца... — выхватил какой-то из своих пистолетов Шевкет.

— Спокойно, мои аскеры, — сказал грек Юра. — Все равно из игры ему не уйти. Будем сражаться до последнего... — Он хотел сказать — работа, но тактически исправил на «солдата».

— Στρατιώτης (стратиотиса), — уточнила Ника. — Да и смену уже пора сдавать.

Внизу у магазина, на майдане, стратиотис Ганс рассказывал, как его захватили зеленые человечки и как ему удалось бежать. Но все мужики смеялись и просили дать покурить, чтобы тоже увидеть зеленых человечков.

Дома я первым делом включил зомбоящик. И хотя была глубокая ночь, на майдане, как всегда, жгли покрышки, а Орест Лютый исполнял задорную «письню» «Вагоны повни москалив».

По каналу «Омега» рассказывали, что пришельцы с планеты Нибиру захватили власть. И сейчас этот похожий на Глобу уфолог со знанием дела (а точнее — «тела») научит нас, как определять пришельцев.

Он даже для примера показал нескольких пришельцев-аннунаков. Это были известные политики, олигархи и звезды кино, которых Космос послал, чтобы найти братьев по разуму, но, судя по всему, они пока смогли найти лишь одного хромого грека Зорбу.

Я, конечно, побежал к зеркалу — искать у себя в глазу рептильную перепонку, чтобы знать, как действовать дальше. Жаль, что жена спала, и ее проверить было нельзя.

А еще надо проверить нашего старосту Алмаза и депутата, и «боксера», и «суслика», и «удава»... Да мало ли кого... Весь мир надо проверить (майдан — это лишь отвлекающий маневр) на эту чертову «перепонку»! Весь мир... который все быстрее вращался... со всеми своими ушами и глазами.

В таком темпе я скоро перестану различать лица.

Но те, которые сейчас сидят в танчиках или в своих «Бэкфайерах», не говоря уже о подлодках класса «Тайфун», — тоже не различают лиц, по которым ведут огонь. Как много людей в этом мире не различает лиц... Что, в принципе, в игре и не требуется.

Хотел еще у аннунаков спросить... ну, типа, если ли жизнь на Марсе... И что имел в виду консул Лепид, когда сказал: «Ныне, квириты, надо быть рабом...» А главное — в каком году с майдана снесут эту чертову новогоднюю елку?

— KONEC PROGRAMMY, — ответил за аннунаков мой телевизор «Соня». — YMMARGORP CENOK.

Елена ПОВАРКОВА

Елена Поваркова родилась в Воркуте. Училась в Воркутинском педагогическом колледже. В 2003 году поступила в Литературный институт имени А. М. Горького, окончила первый курс. Работала продавцом, кинологом, вахтером. Дважды отбывала наказание в колонии. Стихи публиковались в коллективных сборниках и альманахах. Елена Поваркова умерла в 2012 году. Посмертно издана ее книга «По пути в бесконечность».

Из автобиографии Елены Поварковой.

Родилась в Воркуте 3 ноября 1977 года. Обучалась в нескольких учебных заведениях, в т. ч. в педагогическом колледже, Литинституте, ФГУ ИК-7. На данный момент завершаю обучение в последнем. Это и будет моим единственным закон-

ченным образованием, не считая средней школы. Аналогично образованию протекала моя профессиональная и семейная жизнь (несколько раз была не замужем). В нынешнем месте пребывания оказалась, заплутав в поисках вселенской гармонии. После освобождения планирую продолжить обучение в других вузах страны.

* * *

Ты спишь... Не здесь ты, хрупкий ангел, — где-то...
Но я не причиню тебе вреда,
Открыв секрет, что этих сказок, детка,
Ты и не покидала никогда.

Любовь моя! Какой безумный аист
Тебя принес, себе сломав хребет?!
...По свету на ресницах догадаюсь,
Где ты сейчас. И прилечу к тебе.

* * *

К картине П. Пикассо «Девочка на шаре»

Пронзительная грация газели!
И кажется таким послушным шар.
Восторженные зрители глазели:
Удержится?.. Сорвется?.. Хороша!
Она блистает. Зал ей благодарен.

Что им до закулисных болей, слез...
 Держись подольше, девочка на шаре,
 Кружащемся в холодном свете звезд.

Нерожденному...

...И такая сияет вокруг чистота,
 До мурашек. И стонет, и мается.
 И такая зияет внутри пустота...
 А весна за окном улыбается.
 А когда резал тело холодный металл,
 Я смогла — губы в кровь — удержала стон.
 Но я, кажется, слышала, как ты кричал:
 «Больно, мама, не надо, пожалуйста!»
 Ты простишь... Но от этого только сильнее
 Власть моей пустоты.
 ...Помолись Ему
 О таких же, как ты, и о чьей-то весне.
 Бедный мой первоцвет. Мой единственный.

* * *

Я когда-нибудь просто пойду...
 Не в ларек, не в сортир и не в бар, а так.
 Свою первую пряжу спряду
 Из дорог, сапогами неверный такт
 Отобью. И закатом напьюсь,
 Покурю терпкий ветер мазутовый.
 Ты не бойся, я только снюсь.
 Тень от тени я. Просто «как будто».
 И в подъезде чужом обниму
 Радиатор, пушистый от инея.
 Он и будет последний, кому
 Прошепчу твоё детское имя я.

Одинокий портвейн у оврага

Я сижу у реки. Лето мается.
 Молча песню из горлышка пью.
 Не страдается мне. Не икается...
 Так же тускло, наверно, в раю.
 Померла, что ль?.. Ни грустно, ни радостно.
 Незабудку сжимаю в горсти...
 Без тебя не до дома — до августа
 Как мне, пьяной такой, доползти?!

* * *

Дождь и листья на ветру,
Ночь, свеча и кошка.
Милый, если я умру —
Погрусти немножко.

Вспомни речку, вспомни лес,
Алые закаты.
Вспомни ветер, что исчез
В море трав покатых.

Вспомни слезы и мечты
Августовской ночи.
Вспомни: синие цветы
Я любила очень.

Не печалься, хмурия лоб,
Ночью этой темной.
Просто я хотела, чтоб
Ты все это вспомнил.

* * *

Сердце, ты еще живо?
Бедное ты мое...
Как в небесах красиво
Кружится воронье.
Как равнодушен к смерти
Солнца усталый глаз.
Кардиограмму чертит
Невозвращения час.

* * *

Вы меня излечите звонком
Бестолковым, ночным, дурацким.
В час, когда я больна потолком
И не помню, пила вчера с кем.
Прогоните агонию прочь,
Этот мокрый болотный морок,
И пускай перемелется ночь
В мясорубке нулей, восьмерок...
И пускай кто-нибудь надоест
Разговором простым, без смысла...
В тихом омуте, как Благовест,
Телефонная трель повисла.

ОТКРЫТКА

Я не знаю, чего желать, —
 Все равно никогда не прочтешь ты...
 Сердце я не могу послать
 И доверить услугам почты.

Я от свечки возьму огня
 И сожгу в Рождество листочек:
 «Я желаю тебе меня...»
 и потом еще пару строчек.

* * *

Какое счастье может быть?
 Лишь понарошку и авансом.
 Когда лишь боль могу любить,
 Когда порок считаю шансом,

И приговоры выношу,
 И устанавливаю сроки...
 Когда в Твоей ночи пишу,
 Бесцеремонно правлю строки

Не мной написанных стихов,
 И на Твои светила вою,
 И самый тяжкий из грехов
 Несу, как нимб над головою.

Любовь АНУФРИЕВА

Любовь Ануфриева родилась в 1987 году в д. Гам Ижемского района Республики Коми. Окончила филологический факультет Сыктывкарского государственного университета. Автор трех книг: на коми, русском, эстонском, английском языках. Лауреат литературной премии «Серебряное крыло». Живет в Сыктывкаре. Работает в Литературном музее И. А. Куратова.

* * *

Сколько ручек ни покупала:
и красную, и синюю,
и зеленого цвета...
Но почему-то стихи мои
всегда получаются
грустными...

* * *

Если бы ты был
моими слезами,
Я никогда бы не плакала, —
Боялась бы потерять тебя.
Перевод с коми Нины Обрезковой

* * *

Даже нагромождение камней
мне порой кажется
церковью.
Вижу, солнечный луч
пробивается
через щели-оконца,
чтобы зажечь свечу.
А я снова, как тень, постою
перед строгими каменными вратами,
не решаясь зайти...
Некрещеная.
Перевод с коми Андрея Попова

* * *

Если бы ты знал,
на какой каменистый берег
вчера
я попала!
Босоногая,
бежала к церкви...
не отставало
от меня
солнце,
словно хотело прошептать мне:
«Оглянись...»
Зашла в церковь
и попросила
Николая Чудотворца
впустить меня
в свою душу.

Но тогда в себе услышала
 всплеск реки.
 Может быть,
 эта река и была
 тем словом,
 какое я хотела услышать
 от святого Николая.
 Я ушла
 из церкви
 домой
 и уснула,
 убаюканная вечерними
 лучами солнца.
 И мне приснился человек
 в одежде
 цвета солнца
 (может, это и был
 Николай Чудотворец).
 Он
 почему-то
 мою душу
 вышивал
 крестиком.

Перевод с коми автора

Ольга БАЖЕНОВА

Ольга Баженова родилась в 1992 году в с. Кожмудор Усть-Вымского района Республики Коми. Окончила филологический факультет Сыктывкарского государственного университета. Автор сборника стихов на коми языке «Шондіа ю» («Солнечная река»). Лауреат литературной премии имени А. Лужикова.

* * *

Твое я позабыла имя.
 В нем утро, вечер или день?
 Я помню свет и ровность линий,
 Но имя не найду нигде.

Я помню душу ветра в каждом
Из звуков и в любой из букв.
Боялась, чтоб оно однажды
С моих не соскользнуло губ

И, самогó дыханья легче,
Не устремилось в край иной...
Как твое имя там, далече?
Лишь вкус его еще со мной.

Перевод с коми Алексея Засыпкина

* * *

Когда-нибудь я стану эвкалиптом,
прорвавшимся корнями в глубину
сквозь пустословья глиняную тьму
к великому Молчанию молитвы.

* * *

Когда в сердце рождается Бог,
ты становишься новым младенцем —
без сомнений, без жалоб, без просьб —
ты сплошное Вселенское сердце.

Перевод с коми автора

Мария ИГОНИНА

Мария Игонина (Рукавичникова) родилась в Сыктывкаре. Окончила факультет информационных систем и технологий Сыктывкарского государственного университета. Публиковалась в журнале «Наш современник», в коллективном сборнике «Стихия». Автор сборника стихов «Тебе снилась я». Живет в Сыктывкаре.

* * *

Ты проснешься за тысячи миль от меня
Один.
Ты увидел до этого тысячи снов —
Картин.

И не думал, что можно влюбиться во сне,
А зря:
После всех неосмысленных грез тебе снилась
Я.

* * *

Одну Бог создал из титана,
Другую вылепил из глины.
Поставил рядом, безымянных,
И подтолкнул к дороге длинной.

Одна за каждый шаг боролась,
Когда вслепую путь искала.
Другая просто шла на голос,
На песню звонкого металла.

Одна просила половину —
Ей в одиночку не согреться.
И создал добрый Бог мужчину
Для металлического сердца.

Другая молча наблюдала,
Ждала, пока они остынут,
Пока ему не станет мало
Одной, чье сердце не из глины.

И он ушел — к простой и теплой,
А я подумала: «Как странно.
Бог включит дождь — она размокнет,
А мне — плевать, я из титана».

* * *

Белой ночью звезды не видны,
Сколько ни высматривай с балкона.
Мне бы наглотаться тишины —
Будто ты молчишь по телефону.

Мне бы перекрыть входящий звук —
Грохот улиц, шепот стен бетонных,
Чтоб казалось — никого вокруг,
Только мы молчим по телефону.

Чтобы створки старого окна
Поддались беззвучно под ладонью...
В проржавевших петлях тишина —
Это я молчу. Без телефона.

* * *

Доиграть до утра
Не смогла и замолкла,
Надломившись по краю,
Пластинка луны.

Я уснула вчера
В твоей старой футболке,
И казались мне раем
Обычные сны.

Анастасия МАЛДРИК

Анастасия Малдрик родилась в Воркуте. Окончила факультет информационных систем и технологий Сыктывкарского государственного университета. Публиковалась в республиканских газетах и альманахах. Живет в Сыктывкаре.

* * *

Автобус подъехал. Пора. Прощай.
Меня больше здесь не ждут.
Оставлю тебе недопитый чай
И пять непростых минут.

В окно не посмотришь: опять дела.
Часов не услышишь бой...
Ты даже не понял, что я могла
Остаться сейчас с тобой.

* * *

Я раньше писать стихи любила,
Чтобы хвалили за них: «Как мило!»
Взять тему о вечном — полет, мечта...
А главное — это любви масштаб.

Но вдруг ты пришел, метод мой испортил...
 И счастье... оно, оказалось, вот —
 Когда ты сидишь за столом напротив
 И, улыбаясь, ешь бутерброд.

Мария РАЗМЫСЛОВА

Мария Размысллова родилась в п. Ярега. Учится на факультете иностранных языков Сыктывкарского государственного университета. Стихи печатались в коллективных сборниках Сыктывкара, Петрозаводска, Екатеринбурга, в еженедельнике «Литературная Россия». Автор сборника стихов «Без четверти восход». Живет в Сыктывкаре.

* * *

Я — дитя девяностых.
 Тех самых, пустивших Россию галопом
 Вдогонку Европам...
 Но век молодой замедляет аллюр,
 И ты понимаешь —
 Прошло увлечение хип-хопом,
 И бритоголовые «новые»,
 И пистолет,
 Прижатый к виску из-за пары зеленых купюр.
 Страна, не зевай!
 У тебя теперь малые дети,
 Четырнадцать душ — накормить, и одеть, и обусть.
 И хочешь не хочешь — придется закидывать сети,
 Ходить за три моря,
 В Великий Челночный Путь...
 А между кварталов свистел неотвязчивый ветер,
 Шифруя в цветах наших граффити пеструю суть.
 Мы мазали стены,
 Когда все бумаги казались немymi,
 И что-то решать было поздно,
 И слышалось слово: «Увы!..»
 И как мы молились

О тех, кто сражался за Грозный,
И тех, кто, утратив из виду кремлевские звезды,
Плутал в лабиринте
Не менее грозной Москвы.
...А время идет,
Продираясь сквозь треск и шипенье в эфире.
Чуть что, так вздыхаем: Москва далека!
А то, что над ней, — высоко.
И по-прежнему в мире
И шапка царя тяжела, и сума «челнока».
А я, побродив по квартире,
Опять возвращаюсь к своей акустической лире, —
Пускай и негромкой, но честной — наверняка.
Осталось раскрыть
Окно — и глаза — чуть пошире,
И тотчас увидеть:
Внизу проезжает «Ока»,
И краска недавних воззваний на стенах районных
Уже выцветает...
И в серых кварталах живет
Тот дух поколения голодных,
Но злых и свободных,
И сытых свободой на несколько жизней вперед.

ВЕЧЕРНИЙ ПРОСПЕКТ

Час пик. Автобус неловкий,
Громоздкий на поворотах.
На каждую остановку —
По тонне чужой заботы.

Привычный душный «Икарус».
...И риффы стального ветра,
Что душу раздул, как парус,
На пройденных километрах.

Проспект, раскаленный за день,
Сзывает по сумеркам стаи.
И страх обрывается сзади,
И сердце скользит по краю.

Хромированные танки
Одарит усмешкой колкой
Дорожный «беспечный ангел»
Под маской «ночного волка».

...Что век тебя не покинет?
Все то же — дорога, дорога.

Наш след на асфальте стынет,
Наш вечер ждет эпилога.

И в бездне звездного свода,
Со скоростью метеорита
Летит над нами Свобода,
Нагая, как Маргарита.

Рождество

Тревожа полумрак неспящих комнат,
Кольшет тени свечка на столе.
Снег и огонь, вино и теплый хлеб
О первозданности миров напомнят.
Блестят на страже под окном деревья,
Пьет молоко луны новорожденный год,
И стужа колыбель хрустальную кует
Для маленькой затерянной деревни.
Вставай — дотронься до стекла рукой;
Нам чудится: в застывшем, мерзлом ветре
Качает вьюга пальмовые ветви
Над только что взошедшею звездой.
Пред нами предстает, как наяву,
Простая живопись в веках дремотных:
Согрета ночь дыханием животных,
Любовь и Старый мир скрываются в хлеву.
Еще все впереди: скитания и слава...
И, кажется, теперь должны мы знать по праву:
Гармония стоит в пределах мировых,
Пока свеча горит, и след морозный звонок,
И в яслях мирно спит родившийся Ребенок
В холщовых пеленах — не в ризах золотых.

Три книги

Женщина, хранящая молчанье,
Направляет в бег веретено.
Бесконечно, словно ожиданье,
Гладко, точно море, полотно.

Женщина выискивает травы,
Чтоб постигнуть тайну Семерых.
Полнолуния святое право —
Полный кубок зелья на двоих.

Женщина пролистывает память,
Ворошит золу своей тоски.

Между обгоревшими листьями
Шелестят сухие лепестки.

...Это я! — в шальном чужом веселье
Взглядом разведу враждебный круг
И, в разгаре пиршества и хмеля,
Протяну тебе тяжелый лук.

Это я! — услышав в звездном хоре
Маятник движения планет,
Выйду в бурю к северному морю,
Где вот-вот покажется корвет.

Это я! — забыв неудержимо
Платье, дом, заветную тетрадь,
Оседлаю швабру — и, незрима,
Вылечу в окно — тебя искать!

Так ответь мне — есть хоть капля толку
В этакой наивной ворожбе?
...Слишком много книг стоит на полке,
Слишком много мыслей о тебе.

ВОСПОМИНАНИЕ

Ты узнаешь городок этот послевоенный?
Май. Озорница-черемуха лезет в окно.
Дробью — звонок. С ним вливается в школьные стены
Голос Марлен, неразлучный с немецким кино.

Вновь, с саксофоном не сладив, хрипит радиола.
Туфли беспечных подружек мелькают легко...
Как этот танец далек еще от рок-н-ролла,
Что рок-н-ролл! — и до твиста ему далеко...

Мальчик, взращенный на хеви, — тебе ли понять их
В эру неистовых ритмов и яростных нот?
Кто нам они — эти ангелы в ситцевых платьях?
Просто девчонки танцуют трофейный фокстрот.

Новое время скупо на счастливые шансы.
Музыка вряд ли сорвет с нас остатки оков.
Встань же, взглядишь — может, в этом бесхитростном танце
Крюются все рок-н-роллы грядущих веков...

Елена СИДОРОВА

Елена Сидорова родилась в Красноярске. В детстве переехала с родителями в Воркуту. Окончила филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета по специальности «балканская филология» (албанский язык и литература). Работала преподавателем немецкого языка в различных учебных заведениях, в настоящее время — переводчик в войсковой части. Публиковалась в республиканских газетах, журнале «Пролог». Живет в Воркуте.

* * *

в отсутствие тонких словес —
летаргия писаний.
графологичность притворств
вместо каракульных правд.
безответны
эпистолы тленья.

* * *

первоснежно.
строга
осень в свадебном платье.
шаг в холодное завтра.
изменчивостьверность

* * *

дрожащие
пальцы дождя.
небо нас ищет на ошупь

* * *

брошена в урну
обертка вечера.
город утилизирован.
обглодан.
рамки здравого смысла
стережет

черный квадрат —
аллегория света,
свихнувшегося впотьмах.
мысленочь.
чувствомрак.
столбняк реализма
симулирует жизнь.
об этом ли
плачут герои и камни?

* * *

сосновое солнце
в иголках.
стволы,
пронзенные
красным —
тонкостью
вверх.
корицей
лесных тропинок
пахнет
жара.

* * *

Белое
оправдано
черным.

Черным по белому
волны речений.
Тушь. Бумага.

Дарья СНЕГИРЕВА

Дарья Снегирева родилась в Ухте. Окончила Современную гуманитарную академию (Ухтинский филиал) по специальности «психология». Работает в рекламном агентстве. Публиковалась в коллективных сборниках, в журнале «Наш современник». Автор сборников «Взрослым мальчикам», «Мосты и стены». Живет в Ухте.

Мои стихи

Мои стихи — беспомощные дети:
 Расхвалены — и даром не нужны.
 Болтаются ночами в Интернете
 И смотрят под шумок чужие сны.
 Воспитывать что толку? Виновата —
 Я с каждым не усядусь визави.
 Мои стихи — нормальные ребята,
 Родившиеся в муках и в любви.
 И все, чего б от жизни мне хотелось, —
 Собрать свою ораву наконец
 (А также — за компанию — всю смелость)
 И выдать: «Познакомьтесь — ваш отец».

* * *

Не нервничать, не дергаться, не плакать...
 Он виноват — понятно и ежу.
 Его заложит первая собака,
 А я скорее душу заложу.
 Хотя... куда ценнее нынче — тело.
 Сошла с ума... Но — Боже помоги! —
 Я, видимо, и правда бы сумела...
 Затем лишь, чтоб вернуть его долги.
 Избита, опорочена, распята
 И — вечна! Это лучшая броня.
 Читайте Достоевского, ребята.
 И бойтесь — сумасшедшую — меня.

Море

Оно проснулось. И заворчалось.
 Я — по сравнению с ним — пуста.
 Мое глобальное одиночество,
 Ребенка северного мечта.
 Мое соленое — но бесслезное.
 Мое глубокое — как твой взгляд.
 Мое — ласкавшееся к утесам, но
 И беспощадное, говорят.
 Ветра, одетые в звуки-запахи
 Радушной набережной ночной,
 Его отправились дружно вспахивать.
 Штормить надумало в самый зной.
 Подкинет, может быть, что-то ценное —
 Обломки сказок, чужих времен.
 Мое большое и одно целое
 С незабываемым детским сном.

* * *

Когда он звонит, говорит, что подъехал,
 Вся гордость моя погибает в зачатке.
 Хоть при смерти буду — и то не помеха,
 Чтоб выбежать вниз, позабыв про перчатки.
 И нет никакой больше здоровой идеи,
 И нет ни одной попрстойнее мысли...
 Когда он откидывается на сиденье,
 Я, кажется, знаю, в чем смысл моей жизни.
 ...Когда я смотрю на его сигарету,
 То волей-неволей считаю затяжки:
 Еще пара вдохов — и кончится это,
 Как будто в пустыне вода в медной фляжке.

Алена СТАРЦЕВА

**Алена Старцева родилась в 1985 году в селе
 Большелуг Корткеросского района Республики
 Коми. Окончила филологический факультет
 Сыктывкарского государственного университета.
 Стихотворения были опубликованы в республиканских
 журналах и газетах. Автор книги «Лольштӧм»
 («Дыхание»). Лауреат литературной премии имени
 А. Лужикова, литературной премии «Серебряное крыло».
 Живет в Сыктывкаре. Работает в Детской национальной
 библиотеке Республики Коми имени Маршака.**

* * *

Расчесала волосы пшеницы
 И вдохнула трели соловья,
 Светлых слез прозрачную водицу
 Выпила из звонкого ручья,

Мне березка о судьбе шептала,
 Научил упрямству муравей,
 Я малину в губы целовала —
 Как же сладко целоваться с ней!

Я волнушки собрала улыбки,
 А когда вошла в сырые мхи,
 Родила и в золотую зыбку
 Уложила первые стихи.

Перевод с коми Андрея Попова

* * *

Ночью
 в одиночестве
 смотрю на звезды
 и читаю в небесной книге
 долгожданную весть:
 чем дышать,
 с кем рыдать,
 о чем писать.

Перевод с коми автора

Наталья СТИКИНА

Наталья Стикина родилась в п. Кебань-Ель Усть-Куломского района Республики Коми. Окончила в Сыктывкаре Северо-Западную академию государственной службы. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Дети Ра», альманахах «45-я параллель», «Слово» (Германия). Автор стихотворных сборников «Осенние сны» (2010), «Рисунки песка» (2011), «Прогулка в белую ночь» (2012). Участница 10-го Форума молодых писателей России в «Липках». Живет в Усинске.

Что рассказать «между прочим»...

что рассказать «между прочим» тебе, умолчав
 снова о главном, теряясь в словах, будто в соснах.
 ты не задашь мне вопрос, только дым папиросный
 будет вокруг тебя строить свой мутный причал.
 книжные полки собрали годичную пыль,
 (с прошлой уборки прошло лишь мгновенье, не боле).
 все хорошо, только стало чуть больше паролей

и меньше памяти, чтобы запомнить... Пустырь,
тот, что за домом, все мнит себя братом луны,
каждую осень ровняя дождями свой череп...
Музы, как рыбы, все реже приходят на нерест,
чтоб отложить строчки в гнезда твоей седины,
что рассказать, если «между» и «прочим» — тоска?
сочность картинок скрывает за патиной время.
в старом шкафу только моль, да коробки кольдкрема...
Что рассказать, если в главном нет счастья. Пока.

ПИТЕРСКИЕ СНЫ. По бесконечности к Литейному

Ты мне сегодня сказала, что явь — это сон,
Перебирая сезоны, как старые четки
Тонкими пальцами. Ветер взлохмачивал челку
Легким касаньем влюбленного. С разных сторон

Вслед нам глядели дома, открывая глаза-
Окна, и хлопали их занавески-ресницы.
Ты мне сказала, что скоро весенние птицы
Будут, сменив оперенье, менять адреса.

«Ближе к Литейному — меньше рассерженных львов», —
Ты говорила. Я слушал. И так, век от века,
Чтобы остаться, на горках последнего снега
Мы рисовали свою паутину следов.

Ты говорила, а день наливался свинцом...
Я шел и думал, считая шагов наших петли,
Что будет с нами и сумрачным Питером, если
Ангел с Дворцовой вдруг к небу поднимет лицо?

За скобкой

Закрты скобки лета. Гибнут травы
Под моросью дождей. И разговоры
Тесны, как тишина. Ни капли правды
В ответном слове. Слишком много сора.

Сухие губы чуть мертвей, чем листья,
Прильнувшие к земле ковром бескровным.
Кольцо на безымянном правой кисти
Не жмет, но давит золотом греховным.

И в форточку уносит стылым ветром
Все горькие слова, а вместе с ними
Конфетный фантик. В каждом миллиметре
Его фольги закат семейной были...

А с улицы (совсем нас не жалея),
 Чужое чудо вдруг поманит робко.
 Пустой квартиры шепот льется в темень.
 Мы на пороге в ночь. Любовь — за скобкой.

Под шкурками лисиц

Ты видишь в небо падающих птиц,
 я — облака, спешащие за ними....
 И кажутся какими-то пустыми
 рисунки сонника. А вырванных страниц
 становится все больше с каждым днем.
 Они бледнеют, запахи теряют...
 Но перьевые росчерки по краю
 их календарности еще дают объем.

Холодная и смятая постель —
 как утреннее чтение на завтрак,
 плюс томик «Тошноты» от Жана Сартра —
 хорошее лекарство от потерь.
 А все к чему? Чтоб вырваться из снов,
 (постылая привычка оживленья).
 В предсердие кольнет иглой сомненье,
 Вливаясь с кровью: надо ли так?

Но...

...Я вижу в небо падающих птиц,
 ты — облака, спешащие за ними...
 И манит к дому запах мандаринов
 Нас, ангелов под шкурками лисиц.

* * *

весенняя лужа
 в дырявых сапогах
 уношу небо

* * *

неизвестная буква
 в каракулях сына
 все о любви

* * *

девять дней без солнца...
затачиваю сыну
желтый карандаш

ПЕСНЯ ФЕВРАЛЯ

февральский ветер
меняет очертанья
печного дыма

вот так и я меняюсь
пред тем, как раствориться

Владимир УСТЮГОВ

Владимир Устюгов родился в 1987 году в Сыктывкаре. Окончил физический факультет и аспирантуру Сыктывкарского государственного университета. Кандидат физико-математических наук. Публиковался в коллективных сборниках, журналах и альманахах. Участник международного семинара молодых писателей в г. Каменске-Уральском (2011). Живет в Сыктывкаре.

* * *

При тусклом свете керосинки
Сидишь на узеньком крыльце.
Две чистых маковых росинки,
Две капли света на лице.

Туманом ночь укроет землю.
Ты затаишься, чутко внемля,
Как зреет северная рожь,
Как холод сны бросает в дрожь,

Как дышит лось на водопое,
И волки оглашают воем
Страну серебряных озер.

Куда ни обрати свой взор —
Увидишь небо и простор
Покинутой родной земли,
И неминуемо вдали
Заметишь
Мой костер...

* * *

Читали молитвослов,
Читали и пели Блока,
Спасались от злобы дня:
Свечу зажигали в банке,
Следили, как вьется огонь;
В родимой ночной тишине
О прошлом смеялись тихо,
В грядущее верили робко.
С утра спозаранку вставали,
Писали рассвет на небе
И снова шептали Блока.
...Куреньями облаков
Растаяли те мгновенья.

* * *

Где мягкая глина,
Ласточки, плес, ивняки,
Господь сотворил нас,
Не отрывая руки.

Мы сущие дети,
Но не шалим, не поем,
Как страшно на свете,
Страшно быть только вдвоем.

По речке, качаясь,
Двигается лодка отца.
Чуть слышен печальный
Шепот седого гребца.

О чем ты молчишь? Я
Тоже тревогой томим.
Господь, тебя ищем,
Плотик себе мастерим.

* * *

Робко греет солнце вешнее,
Зимних мыслей ни следа.
Утро северное нежное,
Словно талая вода.

На замок закрою прошлое,
Ключик брошу в полынью.
Серебро черпну пригоршнею,
Радостью печаль запью.

Северной весны Евангелие
Тише песен во сто крат.
Два прозрачно-тонких ангела
Низко над землей летят.

И нет-нет, души дотронется
Взмахом ломкое крыло.
Что не знал я — то припомнится,
Прорастет листвою слов...

Пьяцолла

Бордель. Рассвет. Прозрачная луна
Исчезла вместе с призрачным неоном.
А под пером — напев бандонеона,
Прохлада из открытого окна.

Изысканная легкость наготы
В чуть брызжущем на простынь свете солнца —
Я с ней давно на родственное «ты»...
Остановись, мгновенье! — Остается! —

В безмолвных закорючках на листе,
Небрежных рифмах, нотах, зарисовках.
...Суть творчества таится в густоте

Взаимовдохновений и уловках,
В изысканной прохладной наготе
Мелодий проникающих и ковких.

* * *

Солнце, касаясь светом
Юных ветвей запястий,
Нежно их тянет к небу.
Также и я во власти

Тихих Твоих призывов —
 Пигалица на ладошке,
 То подмигну шутливо,
 То подбираю крошки.

А предавать бумаге
 Смысла, пожалуй, нету,
 Что мне нашепчет ангел
 В это Господне Лето...

Анна ЧАЛЫШЕВА

Анна Чалышева родилась в г. Шуе Ивановской области. Учится в Сыктывкарском государственном университете. Публиковалась в коллективных сборниках, альманахах, республиканских журналах и газетах. Автор сборника стихов «Дыхание». Живет в Сыктывкаре.

* * *

Лишь в дверной мы глазок поглядим на мир.
 Для кого нам здесь петь и писать стихи?
 Ничего не исправить — прямой эфир,
 Передайте привет для страны глухих.

Микрофон искажает привычный звук.
 После фразы «Мотор!» ты кривишь лицо.
 Жизнь — не самая точная из наук,
 А всего только повесть с одним концом.

По сценарию четко чекань слова,
 Не забудь про нарочно небрежный тон,
 Чтобы всем показалось, что ты жива.
 Остальное — лишь бледный ничтожный фон.

Не смотри за кулисы, там пустота.
 Все, что есть, — до отказа забитый зал.
 Ну а дальше — по тексту, ведь роль проста,
 Если страшно — всего лишь закрой глаза.

Чтоб не видеть застывших и мертвых лиц,
 Чтоб не слышать пустой и холодный смех.
 Жизнь — не самая лучшая из убийц,
 Но в конечном итоге, успешней всех.

АПОКАЛИПСИС

Не уйти нам по лезвию сна,
 Не сбежать до рассвета.
 И когда разразится война,
 Будешь ты не одета.
 Между книжных не спрятаться строк,
 Не уйти до премьеры.
 В тире падает мертвым стрелок
 В лапы черной пантеры.
 Не отдать наши карты другим,
 Не сбежать до расстрела.
 И уже не смывается грим
 На лице твоём белом.
 Мы дошли до последней черты,
 Не найти в себе силы.
 Тебе вспомнятся губы, что ты
 Поцелуем клеймила.
 Не найти нам следов на песке,
 Не сбежать до цунами.
 И в твоей остается руке
 Только рваное знамя.
 Не завесить уже зеркала,
 Не уйти нам без боя.
 Все, кому ты безбожно лгала,
 Вдруг встают пред тобою.
 Не свернуть на крутом вираже,
 Не сбежать до удара.
 Новый мир народился уже,
 А мы все еще в старом.

МОЛИТВА

Любовь без сил — больней всего,
 Но я смеюсь, ее кляня.
 Помилуй, Господи, того,
 Кто не помиловал меня.

Еще горю я... Что с того?
 Ему не больно от огня.
 Помилуй, Господи, того,
 Кто не помиловал меня.

Алена ШОМЫСОВА

Алена Шомысова родилась в 1986 году в д. Скородум Усть-Куломского района Республики Коми. Окончила филологический факультет Сыктывкарского государственного университета. Произведения опубликованы в республиканских журналах, в газете «Литературная Россия». Автор двух сборников стихотворений «Дзар» («Свет»), «Чӧв» («Молчи»). Лауреат литературной премии имени А. Лужикова, литературной премии «Серебряное крыло». Живет в Сыктывкаре.

* * *

Сегодня ночью я собрала
упавшие звезды
в одну большую корзину
и пошла их раздавать.
Но никому
не нужны были
падшие...

Перевод с коми Андрея Попова

* * *

Поздний вечер. Бабочка ночная
бьется, бьется крыльями в окно.
Будто бы открыть ей умоляет,
будто ей так зябко и темно!

Я открыла — в дом впорхнула резво,
гостьей, опоздавшей слегка...
Шорох крыльев воздух мягко резал,
словно дуновенье ветерка.

В танце возле лампы покружилась...
Может, просто грелась у огня?
А потом приблизиться решилась,
закружилась около меня.

Что она поведать мне стремится?
Из каких спешила дальних мест?
Бабочка вспорхнула — и в божницу.
Бабушкин под образами крест,

крылышки сложив, поцеловала...
И в тиши танцующих теней
поняла я: бабочку прислала
бабушка. Чтоб помнили о ней.

Перевод с коми Дмитрия Сиротина

* * *

В душе
всю жизнь
строю мост.
Возвожу из счастья
и возвожу из горя.
По нему и перейду
жизнь.

Перевод с коми автора

Ирина ЛЕОНИДОВА

Ирина Леонидова родилась в Сыктывкаре. Участник республиканского семинара молодых авторов. Публиковалась в республиканском альманахе и коллективном сборнике.

НОВЫЙ ДЕНЬ

Он проснулся сам. Никто его не будил. Светило ослепительно яркое солнце, из открытого окна слышалась музыка, радостная и торжественная. Сонно щурясь от яркого света, Лёничка несколько раз перевернулся с боку на бок и с головой укрылся одеялом. Пролежав так с минуту, он вскочил с дивана и побежал на кухню. В коридоре он чуть было не споткнулся о маленькую дымчатую кошку, которая незаметно выскользнула из бабушкиной комнаты.

— Маюша, Маюша, кис-кис-кис, пойдём, пойдём со мною, — позвал кошку мальчик.

Но Маюша и не думала идти за ним. Он несколько раз оглянулся и открыл кухонную дверь. Там никого не было: бабушка, наверное, еще спит.

Сегодня должна приехать мама, правда, в прошлый раз она была какой-то странной: что-то бормотала себе под нос и слегка пошатывалась, а когда Лёничка спросил, что с ней, начала ругаться и прогнала его. Но мальчик все равно был рад ее видеть. Ему, конечно, и с бабушкой неплохо, хотя она все время молчит, да и гулять с ним выходит только перед Новым годом и в день рождения.

Мальчик открыл холодильник, подставил к нему табуретку, чтобы дотянуться до верхней полки, и достал кастрюлю компота. Если бы день не был таким чудесным, он непременно бы ее уронил, но сегодня все было замечательно. Это потому, что мама придет. Лёня налил два стакана.

— Бабушка, ты компот будешь? — крикнул мальчик.

Ответа не было: наверное, еще спит. Лёничка выпил свой стакан и аккуратно, стараясь не разлить, понес второй в комнату. Оказалось, что бабушка еще не вставала. Он поставил компот на тумбочку рядом с кроватью и дернул старушку за руку, желая разбудить. Она не просыпалась.

— Бабушка, бабушка, вставай! Мама скоро приедет.

Он снова подергал ее за руку. Бесполезно. Громко смеясь, мальчик начал стягивать со старушки одеяло, но она не просыпалась. Он попробовал вытянуть подушку из-под ее седой, с невысоким лбом, головы. Снова ничего.

Лёня еще несколько раз попытался разбудить ее, но, подумав, что если бабушка так крепко спит, значит, она, наверное, устала и будет ругаться, если ее разбудят, вернулся в свою комнату. Где-то на краю его сознания билась мысль, что бабушка не проснется, что что-то не так. Но мальчик не хотел в это верить. Он подошел к ящику с игрушками, достал оттуда коробку с кубиками, высыпал их на пол и принялся возводить башню. Прошло около двух часов, и Лёня захотел кушать. Оставив все игрушки на полу, он снова прибежал в бабушкину комнату. Она до сих пор спала.

— Ба! Ба! Ну хватит спать.

Он с силой топнул ногой, но бабушка не проснулась. Тогда он побежал на кухню, открыл нижний шкафчик и вытащил большой пакет с конфетами, который старушка прятала в одной из кастрюль. Он торопливо набивал свой рот сладо-

стями, опасаясь того, что бабушка вдруг проснется. Но этого не случилось. Чтобы замести следы, Лёня выбросил фантики в открытое окно балкона. Встав на носочки, он наблюдал за тем, как они падают вниз. Один приземлился в небольшую лужу, другой скрылся в высокой траве, а остальные три куда-то пропали. Мальчик отвернулся от окна, и тут ему на глаза попалось старое и пыльное мамино пианино. Это уж точно разбудит бабушку! Лёничка поднял крышку и начал беспорядочно нажимать на клавиши. Он с силой бил по ним пальцами. Инструмент был расстроен и издавал жуткие, пугающие звуки. Теперь она точно проснется!

— Сколько можно спать! — прокричал он, ударя рукой все сильнее и сильнее.

Мальчик с грохотом захлопнул крышку фортепиано. Еще не войдя в комнату к бабушке, он уже понял, что она не проснулась. Лёня открыл дверь, навстречу вышла Маюша. Она стала тереться о его ноги и ласково мурчать. Мальчик обиженно посмотрел на бледное и спокойное лицо старушки.

— Ну и ладно! Кис-кис-кис, Маюша. Пойдем, я дам тебе конфеты, она тебе тоже никогда их не давала! Хочешь конфету? Кис-кис-кис.

Кошка, ждавшая чего-нибудь вкусенького, побежала за Лёней. Бросив в кошачью миску конфет из пакета, мальчик вернулся в комнату бабушки. Он устало опустился на табурет и тяжело вздохнул. На глаза наворачивались слезы.

— Бабушка, бабушка, проснись, — тихо бормотал Лёничка, он цеплялся за холодную старушечью руку, слезы уже всю текли по его щекам. — Просыпайся, просыпайся, я всегда буду слушаться тебя и конфеты без разрешения брать не стану! Честное слово! Просыпайся же!

Теперь он не только ощущал, он был уверен — что-то случилось. Может быть, это и есть смерть, но Лёничка не мог знать наверняка. Он хотел что-нибудь сделать, но не знал что. Он думал было позвать кого-нибудь из взрослых, но он никого не знал, а бабушка запрещала пускать в квартиру посторонних. Мальчиком овладело непреодолимое желание действовать. Ему казалось, что если он постарается, то бабушка непременно проснется и, как всегда, будет ходить по дому, слегка хмурая и задумчивая.

Мальчик уже перестал вытирать слезы. Он долго сидел, разглядывая знакомые пятнышки на старых обоях, а потом лег на кровать рядом с бабушкой и крепко заснул.

* * *

Он проснулся сам. Никто его не будил. Светило ослепительно яркое солнце, откуда-то слышалась музыка, радостная и торжественная. Сонно щурясь от яркого света, Лёничка несколько раз перевернулся с боку на бок и с головой залез под одеяло. Пролежав так с минуту, он резво вскочил с кровати. Бабушка, лежавшая с ним рядом, казалась, еще спала. Он тихо выбрался из постели и пошел на кухню.

Мальчик открыл холодильник, подставил к нему табуретку, чтобы дотянуться до верхней полки, и достал кастрюлю компота. Если бы день не был таким чудесным, он непременно бы ее уронил, но сегодня все было замечательно. Это потому, что мама придет. Лёня налил два стакана.

— Бабушка, ты компот будешь?..

* * *

Повернулся ключ в замке. В квартире было уже темно. Катерина включила свет и стянула черную кожаную куртку. Ее никто не встречал. В доме пахло чем-то неприятным и жутким. Катерина поморщилась. Она вошла в комнату сына. Несмотря на открытое окно, было душно. Лёнина постель стояла неубранной, но мальчика там не оказалось. Спотыкаясь о разбросанные игрушки и шепотом ругаясь, она вышла в коридор и отворила дверь в комнату матери.

Тусклый уличный фонарь слабо светил в окно. Девушка подошла к тумбочке и зажгла светильник. Лёня спал, крепко обняв худую, долговязую старушку. Она была бледнее обычного. Катя протянула дрожащую руку ко лбу матери. Едва коснувшись ее ледяной кожи, Катерина в ужасе отшатнулась назад.

* * *

Было около трех часов ночи. Санитары уже уехали. Катерина стояла на балконе и курила в открытое окно. Возвращаясь после очередной затянувшейся гулянки, она и предположить не могла, что ждет ее дома. Ей хотелось заплакать, но она не могла. Она часто и тяжело дышала, иногда вздрагивая от случайного шороха. Мать пролежала в квартире два дня. Может быть, вернись она раньше, то ничего и не случилось бы. Может быть, все было бы по-другому. А теперь? Что же теперь будет?

Катерина слишком сильно сжала пальцами сигарету и, затянувшись последний раз, выбросила

окурок и отвернулась от окна. Она долго смотрела в полутемную комнату, видневшуюся в дверном проеме, а потом обвела глазами бардак, царивший на балконе. Все было так же, как и много лет назад. Ее взгляд остановился на старом фортепиано. Катя подошла к инструменту и открыла крышку.

— Ми, ре, ми, ре, ми, си, ре, до, ля, — тихо бормотала она, мягко нажимая на клавиши.

Пианино было расстроенным, но Катерина не замечала этого. Ей вспомнились вдруг ее школьные годы: класс, учителя, музыкалка. Как она мечтала поступить в консерваторию и как радостно ей было каждый раз открывать крышку инстру-

мента. Все слишком изменилось. Все мечты, все планы были забыты. А ведь она так мечтала.

— До, ми, ля, си, ми, соль, си, до.

Боковым зрением Катерина заметила Лёначку, появившегося в дверном проеме. Он подбежал к ней и обнял ее ноги.

— Мамочка, мамочка, ты пришла, — бормотал он еще слабым и сонным голосом. Катерина присела на корточки и прижала светловолосую голову мальчика к своему плечу.

— А бабушка где? Она проснулась, да?

Катерина ничего не ответила и лишь крепче обняла сына. Спустя полминуты она поднялась на ноги и отвернулась от Лёни.

За окном уже светало. Наступил новый день.

Александр САЛЬНИКОВ

Александр Сальников родился в Ухте. Кандидат технических наук, доцент кафедры проектирования и эксплуатации магистральных газонефтепроводов Ухтинского государственного технического университета. Сотрудничает с журналом «Знание — сила», с альманахом Бориса Стругацкого «Полдень XXI век». По произведениям поставлено пять радиопьес.

ПОЧИНИ МОЮ КУКЛУ, СТАРИК

Туман молоком наполнял пространство от земли до неба. Укрытые им деревья сливались в монолитный коридор. Нависали над дорогой тяжелыми снежными шапками.

Илья впервые видел такой туман — порождение лютого мороза. Вахтовики из местных говорили, что подобных холодов не было уже лет пять и переправу закроют раньше обычного. Перспектива застрять в этом захолустье еще на месяц не радовала. Прикинув шансы, он сторговал в аренду у сменщика древний «Москвич», залил его под завязку, прихватил канистру и выехал засветло.

Он не учел одного — тумана. Тот подкрался незаметно, вышел из леса, мягко ступая кошачьими лапами, съел и без того бедный рассвет.

Уже часа три Илья не выпускал стрелку спидометра за отметку «сорок». Черепашня скорость измотала нервы. Едва он убедил себя, что времени с запасом, как в скрип и рев сына российского автопрома добавился новый звук. Справа тревожно застучала шаровая опора.

— Этого еще не хватало, — пробурчал Илья, на всякий случай поплевал через плечо и вновь впился взглядом в туман.

Холод взбил молоко в сметану. Она растеклась по дороге, залила обочину, попыталась просочиться в машину и, встретив отпор радиатора, пошла на хитрость. Спрятала от Ильи старую трещину в асфальте, с годами выщербленную нефтевозами до колдобины.

«Москвич» споткнулся, завалился вправо и ткнулся бампером в сугроб. Илья ругнулся и выскочил наружу.

Мороз обжег ноздри, в момент закупорил их ледяными пробками, выбил слезу. Иней склеил ресницы. Колесо скособочилось под крыло и сразу заявило: ты здесь всерьез и надолго.

«Главное, чтобы не насовсем», — подумал Илья и обмер. Машин он по пути не встречал.

* * *

Часы показывали полдесятого вечера, когда Илья потерял надежду. Она уступила отчаянию, которое сменила злостью. Злость на водителей, сидевших по теплым норам, на раздолбая — хозяина «москвича», держащего машину без запаски, которую можно было спалить без зазрения совести, на проклятый туман, который все так же вился в свете фар. И, прежде всего, на себя. За то, что смалодушничал — не стал жечь покрывки, а вылил всю канистру в бензобак. За то, что отправился сломя голову в эту поездку. Что так и не купил себе нормальную ушанку вместо дурацкого шерстяного чулка.

Мотор кашлянул последний раз и заглох. Салон захлебнулся холодным безмолвием. Илья перекрестился и, натянув до бровей шапку, нырнул в белый кисель.

Плотный воздух сразу облепил его, сбил дыхание, сковал движения. Куртка встала колом и целлофаново захрустела. В тишине ночи звук получился оглушительный. Илья прикрыл нос рукавицей и зашагал по дороге, пытаясь держать бодрый темп.

Поначалу у него это вышло. Спина взмокла, лицо покрылось ледяными ворсинками. Но со временем идти стало тяжело, одежда перестала греть. Ноги до колен превратились в протезы. Илья уже не чувствовал холода, одну только усталость. Захотелось лечь в сугроб и поспать.

От этой мысли его отвлек собачий лай. За поворотом горели светом десятки окон. За поворотом было тепло.

Последний рывок дался тяжело. У забора Илья понял, что не сможет поднять руки, открыть калитку. Не сможет даже крикнуть. Он просто стоял, привалившись к ограде, и смотрел, как прыга-

ют по стеклу блики от телевизора, а за соседним окном женщина в белом платке месит тесто. Потом Илья медленно сполз на землю и под заливи-стый собачий лай подумал: «А ведь почти дошел... Почти...»

* * *

Было мягко и уютно. Илья сладко потянулся и открыл глаза. Он лежал под пуховым одеялом в небольшой, но светлой комнате, а у изголовья сидел мальчик лет семи. Бледное веснушчатое лицо перекосилось — улыбка ему не шла.

— Привет! Это мы с Лялей тебя нашли. — Малец вытянул вперед руку с куклой. Левое веко старой игрушки запало, и оттого казалось, что она жеманно подмигивает. Мальчик заметил это и встряхнул кокетку. От белых горошин на ее когда-то пышном синем платье у Ильи запестрело в глазах. — А как тебя зовут, дядь?

Представиться Илья не успел.

— Степка, а ну не лезь к дяде, — донеслось из-за двери, и в комнату вошла та самая женщина в платке. В руках ее ароматно дымилась большая кружка. Желудок Ильи отчаянно засто-нал. — Не сердчайте на него, — сказала женщина, когда мальчишка, насупившись, вышел. — Хворый он. — Женщина помолчала, глядя на дверь. Потом стяхнула задумчивость и улыбнулась Илье: — Меня Татьяной звать.

Татьяне явно не хватало общения. Пока Илья хлебал обжигающий куриный бульон, она успела рассказать всю свою биографию. Что живет она в этом поселке давно. Что муж ее месяцами валит деревья на просеке. А она все по хозяйству больше. Вот только Степка, племяш, — одна отрада и есть. Сирота он. Уже год как, а до того в городе жил, за станцией. А переправу закрыли, так что машину с хлебом раньше чем через неделю и не жди. Куда там лекарства какие, все из тайги.

— Повезло тебе, Илюша, — говорила она, глядя, как тот допивает третью порцию, — не помо-розился почти. Сам-то кто будешь? — спросила Татьяна, но, видя, что сомлевший больной едва ворочает языком, сжалилась. — Ну, спи, спи. Наговоримся еще.

* * *

Наверное, в роду у Татьяны были колдуньи. Ее отвары и притирания сотворили чудо: на пятый день Илья встал на ноги. Женщина и правда много времени проводила со скотиной, а потому оставляла Степку с Ильей. За дни вынужденного безделья

они сдружились. Мальчик исправно навещал «дядь Илью», носил еду в постель, помогал как мог. Илья же платил ему историями, выдуманными и реальными, мастерил из бумаги кораблики. С игрушками в поселке было явно не ахти: мальчик постоянно таскал с собой Лялю.

Из-за нее они и повздорили.

— Слушай, Степка, — спросил как-то Илья, пытаясь сквозь помехи уследить за ходом футбольного матча, — а чего ты все с этой куклой возишься? Давай я тебе пистолет смастерю, что ли? Ты ведь уже взрослый парень, а парни не играют в куклы.

— А я не играю. — Тон мальчика заставил Илью оторваться от стремительной атаки «Зенита». — Мы дружим.

— В смысле? — не понял Илья.

— Мы с ней разговариваем. Она купаться любит, про море мне все время рассказывает, а я ей про поезда. Я про поезда все знаю. Мой отец обходчиком был. А вот моря я не видел, — вздохнул Илья. — Мама все обещала, да так и не успела меня свозить.

— Хорошо заливать-то! Выдумываешь все. — Илья вздохнул Степкину вихрастую голову и, встретив не по-детски суровый взгляд, понял, что ляпнул лишку. — Она ж игрушечная, Степ! Она говорить не умеет.

— Умеет! Она у меня в голове говорит! И голосок у нее тоненький-тоненький! — возмутился Степка. Илья тактично промолчал. Слова Татьяны о здоровье мальчика приобрели новый смысл. — Не веришь, да? Ну и не надо, — нахмурился мальчик и соскочил с дивана. Прежде чем выйти из комнаты, он добавил: — Между прочим, это она сказала, почему Дик лает.

* * *

На следующий день Степка утонул.

Все утро он донимал тетку, просил отпустить покататься на санках. От бывшего мороза не осталось и следа — погода наладилась. Пушистыми хлопьями повалил снег.

Илья, пытаясь загладить вину, поддержал парня, обещал присмотреть. Татьяна не устояла и разрешила.

Крутой спуск к реке отлично заменял горку. Степка катался и визжал от радости. Старательно пыхтел, волочил за собой санки, взбираясь на кручу. Его обычно бледное лицо покраснелось и стало таким же розовым, как у Ляли. Он забыл о разговоре и вовсю балаболит, предлагал прокатиться. Илья смеясь, отказался наотрез. Сослал-

ся на возраст, говорил, что санки для троих маловаты...

Лед треснул, и Степка ахнул с головой в студеную воду.

Илья кубарем скатился с обрыва. Кричал на бегу, звал на помощь.

Выныривая, мальчик орал на одной пронзительной ноте. От поселка темными точками заспешили на подмогу. Илья распластался лягухой, подполз к полынье и увидел, как варежку с зажатой в ней куклой стремительно затягивает под лед. Кинулся вслед, окунул руку по плечо, схватил под водой игрушку и натужно рванул.

И вдруг почувствовал, что Степка отпустил куклу.

Вынутая на свет божий мокрая Ляля поджала губы в скорбной улыбке, тихой грустью поминая своего хозяина. Илья обессилено перевалился на спину и понял, что плачет.

* * *

Тело так и не нашли. Ни в тот день, ни на следующий.

Вечером вернулся муж Татьяны, Егор. В доме собралось человек десять. Женщины утешали рыдающую в голос хозяйку, мужики пили молча.

Разошлись к полуночи. Уверенный, что уснуть не удастся, Илья все же пошел к себе. Степкина игрушка ждала его на подоконнике.

— Можно я оставлю это? — внезапно спросил Илья Татьяну, которая в прострации мыла посуду.

— Что? — встрепенулась женщина.

— Оставлю ее себе, — показал Илья куклу.

Татьяна побледнела, замерла и вдруг взорвалась:

— Убери, убери эту дрянь с глаз моих! — Она спрятала лицо в ладонях и запричитала: — Это все Прохор! Кукольник! Он говорил — все будет хорошо! Говорил! Мы так надеялись, так надеялись! Мы так...

Егор, вышедший на крики, сгреб жену в охапку и затолкал в комнату. Молча сел за покрытый клеенкой стол. Медленно взял стакан, сушившийся кверху дном на расстеленном полотенце. Плеснул на два пальца. Выпил и задымил сигаретой.

Из-за двери слышались женские всхлипы. Егор запустил пятерню в бороду и застыл.

Дым тонкой струйкой поднимался к потолку, танцуя вокруг зеленого пластмассового абажура. Сигарета тлела, превращаясь в скукоженный серый столбик. Он мелко дрожал вместе с душащими фильтр пальцами.

Илья глянул на Лялю и вдруг осознал, что непременно должен встретиться с этим Прохором.

— Где мне его найти? — Голос прозвучал глухо.

Илья замялся, подбирая слова, чтобы объяснить Егору и самому себе, кого и зачем ему непременно нужно увидеть...

Но они не понадобились.

— За колодцем, — не глядя, процедил Егор.

* * *

Дом Кукольника стоял на окраине поселка. Впрочем, дом — это сказано громко: балок на колесах. Синяя краска облупилась, местами свернувшись причудливыми листьями, и навевала Илье мысли о заброшенном дендрарии. Проектор, прилаженный к сосне, нервно бросал дрожащее мутное пятно света у лестницы. Он словно предупреждал — укрытая снегом чаща полна хищников. Или даже чудовищ.

Илья вынул из-за пазухи куклу. Ляля все так же улыбалась, успокаивая разыгравшееся воображение.

— Господи, что я делаю? — пробормотал Илья, сжал куклу покрепче и, в два шага одолев ступени, постучал.

Дверь отворилась, обдав Илью тяжелым теплом и смесью затхлых запахов.

— Чем обязан? — нахмурил брови патлатый старик.

«Чем обязан» не вязалось с растянутым замызганным свитером, ватными штанами и валенками. Проектор услужливо вспыхнул и высветил обветренное, почти бурое скуластое лицо. Лоб, распаханный бороной времени, впалые щеки, подернутую сединой щетину. И стеклянный немигающий взгляд выцветших глаз.

— Доброй ночи. Вы Прохор? Я... — начал было Илья и замешкался.

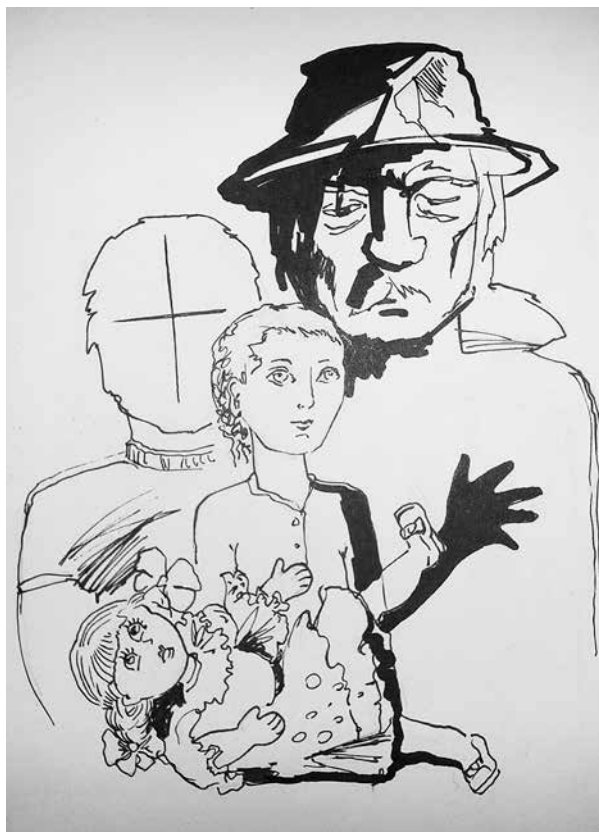
Взгляд старика внезапно обрел глубину и оцарапал до озноба. Рубанул наотмашь и вернулся, остановился на кукле.

— А, ты с Лялей пришел, — протянул дед и добавил: — Да, я Прохор. Входи, — прозвучало приказом.

Илья повиновался. Он миновал «тамбур», протиснувшись между поленицей вдоль стены и гроздью телогреек на вешалке, и очутился в комнате.

На удивление длинной комнате.

Тусклый свет лампочки выхватывал из полумрака стол у железной кровати, убранной линиями полосатым матрацем. Справа, под оконцем, грозно темнела печка-буржуйка, скорпионом

вонзившая хвост-трубу в стену под потолком. Между ними сиротливо уютился явно самодельный табурет.

Полированные книжные полки, поставленные друг на друга вдоль стен, и массивный секретер выглядели здесь незваными гостями. С них на Илью пялились куклы. Большие и маленькие, новые и побитые жизнью, наряженные и раздетые — они наблюдали.

Сотни неживых глаз поблескивали в неровном свете мигающего электричества.

Илья остановился в нерешительности.

— Давай сюда, — вернул его к действительности голос Прохора.

— Что?

— Лялю давай, — повторил старик и, получив куклу, кивнул. — Присядь пока. Выпить будешь?

Илья опустил на табурет. Голова кружилась. Ему почудилось, что в комнате запахло ландышами.

— Вчера мальчик утонул. Степан, — начал Илья.

— Ну, как хочешь, — перебил его Прохор и оторвал кукле голову.

Держа ее в руке, он положил тело на стол, взял в другую алюминиевую кружку и замер, зажмурился.

Шумно выдохнул и приник губами к игрушечному горлу, прогнулся назад, словно допивая до дна стакан.

Во рту у Ильи пересохло. По коже пробежал озноб.

Кукольник скривился. Боль мелкой рябью подернула застывшую сеть морщин. Прохор закашлялся и, переведя дух, сделал три шумных глотка из кружки. Лицо его разгладилось:

— Точно не будешь?

Илья молча принял кружку и отхлебнул. Горло вспыхнуло, и в желудке теплом взорвался спирт. Илья глубоко вдохнул, наполнив легкие ароматом ландышей, и почувствовал, что безнадежно пьян.

Кукольник хмыкнул, взял со стола не то щипцы, не то ножницы, и нацепил очки. Сдвинул их к кончику носа и принялся вытягивать из кукольного тельца обрывок резинки.

Илья осоловело тарасился на левую дужку, залатанную куском проволоки. Взгляд лениво пополз вниз. Задержался на желтых, перечеркнутых ступенями наростов, ногтях Кукольника. Его пальцы порхали над узелком, возвращая Ляле ее белокурую голову. Они кружились, прыгали, вились и сплетались.

От этого зрелища Илью замутило, и он принялся разглядывать кукольную шапку-ушанку, сшитую из куска лежащего рядом рукава шинели. Стежки белой нитки на серой шерсти были так ослепительны, что Илья не выдержал — отвернулся, уставился в полумрак стеллажей.

И тут же потревоженный полумрак всколыхнулся. Зашевелился, зашептал вразнобой хором голосов. Илье от чего-то вдруг стало стыдно, и он отвел глаза.

Кукольник уже закончил и теперь придиричиво рассматривал свою работу.

— А где вы их всех берете? — кивнул на полки Илья.

— Их? — удивленно вскинул бровь Кукольник.

Илью снова накрыла с головой волна смущения:

— Ну да... Всех этих кукол...

Прохор не ответил. Взгляд старика обдал Илью холодом, потом на мгновение вспыхнул радостью и потух. Морщинистое лицо спрятал занавес сальных волос. Казалось, что склонившийся над куклой Прохор внимательно вслушивается во что-то. Тишина накрыла колпаком трещавшие в печи дрова. Стонущий за окном ветер, будто испуганно, притих. Один лишь наглый будильник рвал молчание мерной каплей секундной стрелки. Илья понял, что и сам затаил дыхание.

— Молод, — сухо, бесцветно произнес Прохор в пустоту. Помедлил, и уже уверенно добавил: — Да, молод.

Уверенность плохо спрятала разочарование. Старик хмыкнул и слегка поводит рукой, держащей куклу. Ляля захлопала в такт ресницами и оказалась на столе перед Ильей.

— Все. Идите, — обронил Прохор.

Илья молча взял куклу и пошел к выходу. На пороге он обернулся:

— Но... Что это? Зачем вы мне ее отдали? Я ведь не для того пришел! Я...

Илья опешил, пытаясь вспомнить, для чего он здесь.

Прохор выждал, но, так и не услышав продолжения, пожал плечами и грустно произнес:

— Ступай, Илья.

Тот молча вышел.

Кукольник усмехнулся и тут же надсадно закашлялся. Махом осушил кружку, отер выступивший пот и закутался в лоскутное одеяло.

— Чертовщина какая-то, — прошептал Прохор. — Чертовщина какая-то, — передразнил он, глядя в разинутую пасть печки. — Чертовщина?

Угольки в буржуйке весело подмигнули, но промолчали.

* * *

«Чертовщина какая-то!» — думал Илья, стараясь не оступиться с проторенной им же, но уже порядком запорошенной снегом тропинки.

Ветер пытался повалить его навзничь, залепить глаза холодными хлопьями. Илья уже добрался до ограды у дома, когда вспомнил, зачем он ходил к Кукольнику. Вспомнил сразу, вдруг. И весь разговор с Прохором, все взгляды и движения превратились в чудовищный, абсурдный балаган.

Ноги стали ватными. Ветер как будто прознал об этом и решил воспользоваться моментом. Илья согнулся, борясь с напором, но не удержал равновесия — плюхнулся на колени.

— Да что же это! Что тут вообще происходит? — закричал он. Слова увязли в набитом снежинками воздухе. Илья поднялся и решительно дернул калитку на себя. — Все, все. Завтра же уеду. Утром. Бред какой-то. Колдовство. Вуду, мать его. Куклы, кукольники, голоса. Я тут свихнусь с ними. Что молчишь? — Илья сдавил Ляле горло. Свет фонаря упал на ее лицо. Между ресницами игрушки набился снег, и от того она казалась ослепшей. Илья размахнулся, чтобы зашвырнуть куклу подальше в сугроб. И не смог. — Ты! Тварь пластмассовая! Что скалишься?

Ослепшая Ляля кривила в улыбке пухлые губы. Илья обессилено ссутулился и заплакал.

— Чего кричишь? — донеслось из-за спины.

Илья оглянулся.

На пороге, кутаясь в полушубок и выбивая четку тапками на босу ногу, стоял Степка.

— Чего кричишь-то? — повторил мальчик. — Заходи, замерзнешь.

— Я принес тебе твою куклу, — только и смог выдать Илья.

— Мою куклу? — удивился Степка. И с достоинством произнес: — Парни не играют в куклы, дядь Илья.

— Степан, а ну живо в дом! — крикнула Татьяна из сеней. — Застудишься!

— Лялю, — прохрипел Илья и протянул дрожащей рукой игрушку мальчику. — Я принес твою Лялю.

— Теперь она твоя, — хитро улыбнулся Степка.

Вместо престарелой модницы Ляли рука сжимала малыша-пупса. Розового и голого. В одной лишь шапке-ушанке шинельной шерсти.

Визг, стремительно упавший до сиплого мычания, вырвался из горла Ильи. Он попятился, споткнулся, упал, поднялся, распахнул калитку и, скуля, бросился прочь, не разбирая дороги.

Илья бежал, пока держали ноги, пока не лопнули легкие, не взорвалось сердце. Потом полз на карачках, натываясь на стволы деревьев, кусты, ломая наст, царапая руки коркой. Последние силы он потратил, зарываясь поглубже в снег. В темноте ему стало тепло и покойно.

* * *

Кукольник спал и видел сон из той далекой жизни, когда он еще не был Кукольником. Из той жизни, когда он был счастлив. Когда он не слышал голос, шепчущий о предназначении. Когда палец не ткнул в место на карте, глухое место, где до него, Прохора, не селился ни один из людей, но куда, как магнитом, тянет теперь всех тех, кто сможет переиграть костлявую. Жить в скрытом от праздных глаз поселке. Просто жить.

Кукольник спал. Ему снилось море, лижущее горячий песок. Женщина, снимающая синее пла-

тье в белый горошек. Бисеринки пота на загорелой коже.

Ему хотелось шепнуть этой женщине: «Нет, я никогда не отпущу тебя». Но это ничего не изменило: она любит купаться в грозу.

Женщина улыбается и целует его, оставляя на губах вкус персика. Ее кожа пахнет ветром, а волосы — цветком с длинным названием.

Ему хотелось сказать ей, что скоро они снова будут вместе. Поселок станет городом, а Кукольник — пасечником, ведь он с самого детства мечтал ходить в широкополой шляпе и вынимать сочащиеся медом прямоугольники из жужжащих домиков. Но время течет слишком медленно. Поэтому он просто молчит. Смотрит на игривых барашков на лазурном поле, чувствует кожей ее тепло и молчит. Он счастлив.

В шелест волн ворвался рокот мотора. Под нарастающий рев Кукольник проснулся. Кряхтя, поднялся с кровати и сунул полено в тлеющие угли буржуйки. Плеснул воды в алюминиевую кружку, разбавляя спирт.

Машина на улице встала, хлопнула дверца, снег взвизгнул, и под тяжелыми шагами закрипели ступени.

— Слышь, дед, — поспешно закрыл дверь балка здоровый детина, заполнив сразу полкомнаты. Стряхнул с шапки снег, затоптал унтами и затараторил: — Там мужик замерз. Насмерть. Километров десять.

Кукольник подошел и ткнул пальцем в карман пуховика:

— Ну-ка, дай-ка!

— Я это у него из кулака едва выковырял, — смутился вдруг парень и опустил пупса в трюхе в протянутую ладонь Кукольника.

Тот развернулся и пошел к столу:

— Выпить будешь?

— Ты что, глухой, дед? — зло гаркнул здоровяк. — Я говорю — там мужик помер на дороге! Ментов надо вызвать! У тебя есть рация? Ты ж тут один на сто верст окрест, лесничий! Чего молчишь, старый? Рация у тебя есть?

Стужа взвыла и швырнула в стекло горсть снежной крупы.

— Я не лесничий. Я Кукольник, — прошептал Прохор и отломил игрушке голову.

Вадим ТОРУХОВ

Вадим Торухов родился в городе Печоре.
Окончил Печорское речное училище.
Публиковался в республиканском альманахе. Участник республиканского семинара молодых авторов.

ЗАПИСКИ СЕНТИМЕНТАЛЬНОГО ФОНАРНОГО СТОЛБА

Для начала давайте проясним ситуацию. Да, я действительно фонарный столб, обычный уличный фонарный столб, который предназначен для освещения в темное время суток, а не для того, чтобы маленькие и совершенно бессовестные собачки орошали травку подо мной, помечая свою территорию и меня.

Как это получилось? Ну, собачка обычно подбегает, задирает лапку... а, вас не это интересует? Как вышло, что я живой? Да откуда мне знать! Волшебство? Божественное вмешательство? Эволюция алюминия и медных проводов? Без понятия, честное фонарное!

Вы, люди, частенько не задумываетесь о причинно-следственных связях и редко можете заглянуть вперед хотя бы на короткое время. Вот и делаете что-то не задумываясь: любите, страдаете, подчиняетесь социальным и естественным нуждам. И создаете. Пятиклассник мастерит скворечник, инженер — новую ракету, художник пишет шедевр, а маленькая Юля никак не может выучить таблицу умножения.

Вот и несколько рабочих, что долго и, на мой взгляд, довольно успешно меня устанавливали, вдохнули жизнь в кусок железа, моток проводов, чуток алюминия и стеклянную лампочку. Так я ожил. Ну как ожил... Двигаться я не могу, да и странно бы было видеть фонарный столб, вышедший на прогулку. Разговаривать в людском понимании этого слова я тоже не умею. Но зато

я мыслю, а следовательно — существую. Не так ли?

Пожив бок о бок с людьми, свысока наблюдая за их жизнями, я осознал, насколько это тяжело — быть одиноким. Мне не с кем поговорить. Соседи фонарные столбы не отличаются особой разговорчивостью. Может, им не так повезло как мне, может, они просто страшные молчуны и угрюмцы... а может, им настолько не понравились мои стихи про сущность бытия фонарного столба, что они перехотели со мной беседовать...

Я много наблюдал за людьми, переживая за некоторых из них, сочувствуя другим, болея за третьих. И это было интересно, ведь люди сами по себе прекрасны в своем разнообразии. Это не фонарные столбы, которые похожи, словно близнецы. Частенько я додумывал судьбу тех, кто проходил мимо. Парня, спешащего на занятия в университет, девушки, что хочет найти свою любовь, старушки, ведущей внука из садика. Все это просто завораживает. Неужели только я вижу подобное? Для других все это стало настолько обыденно, что почти незаметно.

Мне так хочется иногда вмешаться. Как сейчас, например. Я на протяжении трех лет вижу эту парочку. И когда они вместе, так чудно за ними наблюдать! Счастливые, молодые, влюбленные. Это же так прекрасно! Но вот они ссорятся из-за пустяка, и у меня аж цоколь разрывается! Так и хочется отвесить обоим оплеуху, остановить, на-

помнить, что эти дурные любят друг друга уже давно и счастливы вместе. Так какого черта они ссорятся? Быстро мириться, обниматься и прочее...

Как жаль, что так я не могу. А мне бы очень хотелось.

Мне иногда удается перекинуться парой слов с автомобилями, что, так же как и я, умеют мыслить. Правда, большинство из них жуткие зазнайки и нарциссы, особенно дорогие и скоростные машины. Мне больше по душе обыкновенные трудяги-грузовички, старенькие и потрепанные, они умудрены опытом и многое могут рассказать. Правда, на это никогда не хватает времени.

Есть у меня еще один хороший знакомец. Это роскошный красный кабриолет — собственность одной роскошной девушки. Она частенько заезжает в парикмахерскую рядом и оставляет кабриолет прямо подо мной. Друг мой постоянно был несчастлив из-за своей участи. Он рассказывал, как мечтал колесить по всему свету еще с тех пор, как был на конвейере. «И что же случилось? — патетически вопрошал он с потускневшим светом фар. — Я только и делаю, что катаю ее из одного клуба в другой... Пустая и бессмысленная жизнь».

Тогда я и задумался о своем существовании. О том, что я делаю и кто я. И как все мудрецы, я не мог найти ответов. Я просто фонарный столб, который освещает улицу. Это все, что от меня требуется. Кто же знал, что я захочу большего? Что я вообще чего-то захочу? Я же обычная железка, служащая на благо человеку.

Я пришел к выводу, что не просто так я стал таким. Может, у меня есть цель? Миссия, которую я должен выполнить? Ну... что-то большее, чем уличное освещение. Но я так и не смог этого понять. Подобное выше моего разума. Может, это оттого, что в голове у меня лампочка?

Такими были мои дни ровно до этого. Сегодня все закончилось. Я стал стар. Устарел. Меня решили заменить.

Сначала это меня страшило, ведь это означает конец, завершение моей жизни. Смерть. Так я считал, пока кто-то из людей не обмолвился, что я и мои неразговорчивые братья будем переработаны. И это значит, радостно понял я, что я не исчезну. Просто меня... переделают. Я буду чем-то новым.

Может, я стану автомобилем, как мой друг кабриолет, и исполню его мечту о кругосветном путешествии. Может, я стану самолетом, который будет лететь в небе! А может, ракетой, что поднимется еще выше, за грань возможного.

Тогда я обязательно найду свое предназначение.

Ох, уже меня спиливают... Берегись, я падаю! Я лечу!

Я точно буду ракетой!

Мария ЧЕРНОУСОВА

Мария Черноусова родилась в д. Сторожевск Корткеросского района Республики Коми. Публиковалась в республиканском альманахе. Участник республиканского семинара молодых авторов. Живет в Сыктывкаре.

НЕБЕСНЫЕ ГОСТИ

Что-то удивительное творилось в селе Гвоздино... Мерцающий в лучах солнца грибной дождик спокойно проливал теплые струи, словно старался быть незаметным и не испортить наступившую гармонию.

Старый пес по кличке Пират гордо сидел на крыше будки и с каждым часом того дня все чаще лаял. Этот лай давно не слышали. После смерти хозяина, Александра, пес залег в конуре в глубокой скорби. И только изредка высовывал сухой нос, увидев знакомый силуэт немощной старухи-вдовы.

— Варвара, что случилось с псом? — спросил сосед.

— Микола, откуда мне знать, что творится в голове старого пса.

* * *

«Бом-бом», — оповещал о времени бой старинных часов Варвары Михайловны.

— Как долго идет время, только еще полдень, а кажется, прошла уже целая вечность. Почему когда мне было тридцать...

Варвара Михайловна замолчала, тишина пронзила ее слух. Вся жизнь промелькнула перед глазами. В тот момент она была похожа на восковую фигуру, и только скупая слеза текла с усталых глаз.

Пес снова запаял, возобновив ход времени.

— Да что же сегодня с тобой?!

Старушка взглянула в окно, хвост ее единственного друга крутился по своей оси, словно мельница, радостный «гав» смутил всех собак во круг. Вся деревня залилась звонким лаем.

* * *

Солнце медленно садилось. На небе одна за другой появлялись чуждые июньской ночи одинокие звезды. Они были настолько яркие, что и без того белая ночь на севере превратилась в продолжение необычного дня.

— Савва, смотри, звезда упала! Еще одна! И еще! Настоящий звездопад! — радовалась семилетняя Дашечка.

— Загадывай желание, и не одно, — пробурчал старший брат, но все же подошел к окошку и задумчиво долго глядел на серебряную россыпь небесного дождя.

— Ну и что ты загадала? — с иронией спросил Савва.

— Две куклы винкс.

— Дура, — прозвучало как выговор для маленькой девочки.

— Почему?

— Потому-то. Ты не думаешь, — серьезно ответил брат. — Знаешь, что загадал я? Чтобы у нашей мамы было много денег, понимаешь? А если есть деньги, значит, есть все.

— Савва, Даша, ложитесь спать.

Небо освободилось от ярких звезд, как освобождается бездыханное тело от души. Спокой-

ная луна бережно освещала все вокруг, словно просила прощения за излишний пафос спящего глаза звездопада. Умиротворение и покой, только пес изредка нарушал тишину своей неистойвой радостью.

* * *

— Здравствуй, моя точечка, — услышала Даша во сне до боли знакомый голос.

— Папа? — недоверчиво и глухо произнесла курчавая девочка. — Что ты здесь делаешь? Мама говорила мне, что ты улетел на небо и смотришь на нас, лежа на облаках.

— Я спустился с облаков, скоро будем вместе. Дашечка, помнишь, мы кидали камушки с моста? Встреть меня сразу после обеда на том же месте.

* * *

Пробудившийся день, как и предыдущий, веял какой-то необыкновенной загадочностью.

Варвара Михайловна спешно куда-то собиралась, часто заглядывала в большое зеркало, как будто хотела в чем-то убедиться. Ее словно подменили, она помолодела лет на пятнадцать за одну ночь.

Наступил полдень. Скрипнула дверь, хлопнула входная, быстрый топот ног по узеньким мосточкам. Мелькнула тень молодящейся женщины, Варвара Михайловна побежала далеко вперед.

* * *

Легкий ветерок ласково дул на белесые, редкие кудряшки Даши. Маленькие камушки, брошенные девочкой, тревожили узенькую речушку. Она стояла одна, ей так казалось. Дашина мама Елизавета Сергеевна и ее брат наблюдали за ней. С самого утра в семье чувствовалось какое-то напряжение. Словно каждый из них что-то знает, но не смеет об этом говорить.

— Здравствуйте, баба Варя, — чуть слышно произнесла малышка.

— Здравствуй, Дашунь. Что это ты здесь стоишь совсем одна?

Вместо ответа последовало глубокое молчание. Маленькой девочке и старой женщине было не до разговоров, они чего-то ждали. Взор Варвары Михайловны был направлен в сторону кладбища, малышка же все чаще поглядывала на белые облака.

Слово «здравствуйте» звучало все чаще. На мосту собирались односельчане: Иван Петро-

вич, Валентина Серафимовна, братья Чисталевы, Мишка-рыбак, Женька, даже Авдотья Кимовна, которой послезавтра должно было исполниться девяносто шесть лет, и та пришла на мост. Это было похоже на какое-то молчаливое восстание всего села. Ни о чем не говорили, ни единого вопроса. Какая-то невидимая сила убедила всех жителей Гвоздино быть в полдень на мосту и ждать.

Между тем день был все так же хорош, только птицы пели громче обычного. В какой-то момент далеко над кладбищем взлетела черная стая ворон и одной огромной пернатой тучей направилась прочь от села.

Волна шепота прошла в толпе, перебив устоявшую тишину. В следующую минуту кто-то громко произнес:

— Господи! Господи, спаси и сохрани!

Окаменевшие сельчане глядели вперед. То, что они видели, было неподвластно разуму. Они все этого ждали, но не были к этому готовы. Несколько человек, стоявшие на мосту, упали в обморок, люди плакали, стонали, сердца учащенно билось.

Со стороны кладбища шли *воскресшие*. Это были любимые, родные о которых помнят и скорбят. Время не тронуло их. Они пришли такими же, какими покинули этот свет. Старшие братья и сестры стали младшими, родители по возрасту походили на ровесников, а для некоторых и того хуже...

* * *

Варвара Михайловна шла через толпу. Она ни на кого не обращала внимания. Искала глазами только его, единственного, долгожданного.

— Варвара! Ясная моя! — Родной голос в один миг прервал семилетнее одиночество женщины.

— Сашечка! — шепнула она.

В момент их встречи время остановилось, воздух стал ощутим как некий сгусток, стерлись лица. Только он и она. Его теплые сильные руки обняли ее, как прежде. Варвара Михайловна прижалась к его груди. Ей отчетливо был слышен стук сердца мужчины, без которого казалось, что вся жизнь остановилась. Их слезы смешались в горьком поцелуе.

Совсем рядышком с целующимися стариками, присев на корточки, Мирослав обнимал свою Дашечку, свою точечку. Малышка не отрывала глаз от отца. У нее было множество вопросов, девочку очень интересовало, возьмет ли папа ее с собой попрыгать на облаках, да и вообще, как это жить

на небе. Но почему-то она молчала. Семилетняя Даша испытывала такое счастье, которое не вмещалось в ее хрупкое тело, оно вырывалось наружу в виде крепких объятий, соленых слезинок, недоумевающих глаз.

* * *

На мосту встретилось прошлое и настоящее. Каждый принял это по-своему. Однако в воздухе витало одно общее недоверие к пришедшим. В глазах жителей стоял неподдельный ужас. Более того, некоторые из воскресших не дождались ни объятий, ни тем более поцелуев. Настороженно-холодное «здравствуй» — вот что они получили после долгой разлуки. Люди стали расходиться. Во всех домах всю ночь горел свет. Светящиеся окна были похожи на широко раскрытые глаза, глаза которые боятся заснуть.

* * *

Через тонкий тюль, который больше походил на паутину, можно было разглядеть три силуэта: двое сидели за столом, а третий ходил из угла в угол, не находя себе места.

— Мирослав, прошло уже два года, — вполголоса сказала Елизавета.

— Лиза, не стоит искать оправданий, — столь же глухо произнес Мирослав.

— Может быть, третий лишний?! Лизавета Сергеевна, мне уйти? — с явным раздражением спросил Вячеслав.

— Славик, у тебя отлично получилось утешить мою жену. Спасибо тебе, мой старший брат, но не перестарался ли ты? Я всегда знал, что ты неровно дышишь к ней, видимо, моя смерть была тебе на руку. Скажи мне, что ты ощутил, когда узнал о том, что хрупкий лед треснул под моими ногами и я очутился в ледяной воде? Радость! Ты ликовал, ведь так?!

— Мирослав, прошу тебя, замолчи! Уходи. — Дрожащий голос Лизы поставил точку в тяжелом для всех разговоре.

Возникшее молчание было несравнимо с прерванной беседой. Он ушел. Дверь, которая по обыкновению скрипела, на этот раз не издала ни малейшего звука.

— Славик, уходи и ты, — решительно сказала Елизавета. Она зашторила окно плотной занавеской.

* * *

Скошенная, высохшая трава предательски хрустела под ногами закоренелого холостяка Миколы. Он стоял под окном своих соседей Варвары Михайловны и Александра. Мужчина был мертвецки бледен, широко раскрытые глаза практически не моргали. По его лицу невозможно было определить, что в нем сильнее, ужас или ненависть, а может, и то и другое смешалось в дьявольский коктейль.

— Сашечка, я понимаю, тебе не хочется вспоминать то, что произошло тогда, но я все годы мучилась этим вопросом, ответ на который знаешь только ты и тот, кто сделал это с тобой. Скажи мне, кто? Кто убил тебя?

— Ясная моя, это не самый лучший разговор, по крайней мере, не сейчас. Какая же ты у меня красивая, как будто и не было этих семи лет.

Варвара Михайловна и Александр еще долго смотрели друг на друга, не веря в свое счастье.

Светало. Два любящих человека уснули в объятиях, растворяясь в нежности.

На этот раз Миколе пришлось уйти.

* * *

Жители села медленно входили в глубокую депрессию. Все замки в магазинах были скуплены. И чем прочнее замок, тем быстрее его приобретали. Когда наступала ночь, спальни наглухо закрывались, свет, включенный с вечера, горел повсеместно до самой зари. Многие воскресшие поселились в заброшенных домах, дабы не пугать своих родных.

Среди сельчан прошла весть о том, что председатель сельского совета проводит собрание. Все понимали, о чем пойдет речь. В клуб один за другим заходили встревоженные люди. На дверях стоял проверяющий Иван Сидорович, внимательно смотрел в лица, его задачей было не пропустить на собрание ни одного из тех, воскресших.

— Товарищи! Я прошу вас о помощи. К моему глубочайшему прискорбию, я признаюсь в своей слабости, в том, что я... Я боюсь. Мои родители пришли оттуда, они моложе меня на тридцать лет. Мне было всего ничего, когда Всевышний решил оставить меня сиротой, а теперь я стар! Мое лицо покрыто глубокими морщинами... За что? Бог ли это? Неужели это Его проделки? А может быть, не сила небес возвратила их? Где доказательство того, что они... что они не дьявольское отродье.

Председатель произнес слова, которые давно крутились в голове каждого. По рядам прошла волна общего негодования.

— Попросить их уйти! — кто-то выкрикнул из зала.

— Как? Как я могу выгнать своего сына? — едва сдерживалась от слез женщина из толпы.

— Откуда тебе знать, что это твой сын?! Тебе не приходит в голову, что в твоём доме поселилось исчадие ада? — Грубый мужской голос отверг последнюю надежду уже плачущей навзрыд женщины. Да, она любила свое дитя, но она боялась, она ничего не понимала.

Диалог толпы длился около двух часов. Решили вести постоянное наблюдение за воскресшими, дабы уличить их в двойственности. Самые смелые согласились отправиться на кладбище, чтобы вскрыть могилы и посмотреть, есть ли там останки, и если таковые имеются, то чья плоть подверглась воскрешению. Странно, но, по мнению собравшихся, это было бы неоспоримым доказательством проделок темных сил.

Шел сильный дождь. Небо бесшумно извергло яркие стрелы. Облака плыли так низко, что казалось, стоит залезть на дерево — и недостижимая высота примет тебя в свои объятия.

* * *

В то время, когда все село помешалось на поисках истины, Варвара Михайловна не отходила от своего мужа ни на минуту. Она уже смирилась с тем, что он не открывает тайны своей внезапной смерти. Теперь это не имело значения. Теперь она всегда будет рядом с ним.

— Спи, ясная моя, спи, — ласково гладил седые волосы своего нежного создания Александр. — Спи, я уберу твои сны.

— Сашечка, ложись и ты.

Она уснула. Дождливый день уморил Варвару Михайловну, крепкий сон взял вверх над ее желанием быть постоянно рядом с мужем. Даже внезапный лай Пирата не разбудил ее. Пес рычал так злобно и без остановки, что хозяину пришлось выйти успокоить своего старого друга. За спиной Александра промелькнула тень.

— Что с тобой, дружище? Прошу тебя, успокойся, ты так Варюшечку разбудишь. — Он обнял пса, как прижимают к сердцу дитя, пытаясь успокоить его.

От неожиданного удара в спину Александр упал. Из него вытекала бурая струя, а с ней и подаренная жизнь, которую опять прервали — вновь украли. Пират не успел издать ни звука, тот же

остро наточенный нож пронзил его горло. Преданный пес и добрый хозяин легли рядом друг с другом. Кровь собаки и кровь человека слились в единый знак кончины.

Варвара Михайловна внезапно проснулась. Она обливалась холодным потом, учащенное сердцебиение не давало ей вздохнуть.

— Сашечка! — крикнула она не своим голосом. — Сашечка! Сашечка! Сашечка! — Варвара Михайловна заглянула во все комнаты. Скрипнула дверь, хлопнула входная, быстрый топот ног по узеньким мосточкам. Через несколько секунд женщина пала на колени.

— Са-аше-ечка-а-а! Пират! Оста-ави-или-и! — Протяжный крик напоминал вой, отчего все псы вокруг завопили.

* * *

Ревущие собаки и сильный ветер разбудили Дашечку.

— Я не могу уснуть, — укрывшись с головой, шептала малышка.

— Засыпай. Все хорошо, — пытаюсь скрыть страх, проговорила Лиза.

— Мамочка, не бойся, папа не даст нас в обиду. — Девочка накрыла маму своим защитным одеялом.

* * *

Большое зеркало было накрыто плотной тканью. Церковные свечи с треском догорали одна за другой. Все комнаты вплоть до веранды пропитались специфическим запахом. Варвара Михайловна вновь стала похожа на восковую фигуру. В доме больше никого не было.

— Говорят, она даже пса уложила в ящик, похожий гроб.

— Ее разум помутился, мне кажется ей недолго осталось. Вот что бывает, когда с радостью принимаешь в дом нечистую силу, — шептались две сплетницы.

Никто из знакомых не пришел проведать одинокую женщину.

Вдруг послышался стук в дверь. На пороге появились воскресшие Мирослав и Юрка-охотник.

— Тетя Варя, разрешите вам помочь.

— Спасибо, ребята. — Ее голос звучал ровно.

Означало ли это смирение? Или тихий протест? Оставалось только догадываться.

* * *

Мирослав и Юрка-охотник пошли копать могилу.

На кладбище, как обычно, царила тишина. Только недалеко от них слышались голоса. Воскресшие узнали своих отцов.

— Вы копаете наши могилы? — с недоумением спросил Юрка.

— Батяка, ты зачем это делаешь? — произнес Мирослав.

— Ребята, мы только хотели... хотели найти... мы искали... Истину. Нас отправили сюда найти истину, — сбивчиво пытался объяснить отец Мирослава.

— Да что ты перед ними отчитываешься! Разве они понимают, в каком говне мы находимся! День и ночь без сна, я устал бояться! Если хочешь знать, когда-то я потерял единственного сына, а теперь я потерял покой! А сына как не было с тех пор, так его и нет! — с диким раздражением прочеканил Юркин отец.

Молчание. Мирослав второй раз за столь короткое время переживал предательство самых близких ему людей. Юрка же до сих пор считал, что все поправимо, что совсем скоро они привыкнут к нему. Но ожидания оказались тщетными. Его ноги ослабли, он смотрел на свою могилу, могила смотрела на него.

* * *

Небо украсила радуга. Дождь, ливший пару дней, видимо, подустал и уступил место солнцу.

В полдень на мосту проходила траурная церемония, если ее можно было так назвать. Александра хоронили второй раз. Варвара Михайловна не рыдала, не молилась, ее взгляд был пуст. Гроб несли шесть человек: Мирослав, его друг Юрка, Виктор Степанович со своим сыном, старики Глеб Петрович и Никон. Все они семь лет назад уже хоронили своего хорошего знакомого, всех их тоже уже хоронили. Проходя по всему селу и изредка

останавливаясь отдохнуть, они не встретили ни одной живой души. Казалось, село Гвоздино вымерло.

Множество темных глаз, как черные бусинки, внимательно наблюдали за скорбным шествием. Вороны уже ждали их. Не нарушая тишины, семеро человек вступили на землю. На землю, где стояли кресты, а могилы были пусты.

Тяжелый молоток забил последний гвоздь. Белый материал медленно спустил гроб. Земля засыпала яму. Над могилой стояла сосна, она была вся черная, пернатая, сотни темных глаз пристально смотрели.

— Вороны, они вернулись, — медленно проговорила Варвара Михайловна.

* * *

Микола сидел один, его лицо уже не отражало ненависти, и глаза не были стеклянными. Взгляд мужчины помутнел, но и былой блеск остался. И тем страшнее казался этот человек. Нет, Микола не был уродлив, наоборот, он обладал удивительной красотой, утонченным вкусом. Ходили слухи, что он продал свою душу, дабы не стареть, и, наверное, отчасти это было правдой. В его доме веяло холодной чистотой.

В руке Миколы блеснул остро наточенный небольшой нож. На декоративно отделанном столе стоял хрустальный бокал с жидкостью рубинового цвета.

— Веревка... нет.

Тут же отверг свою идею. Резко встал, подошел к старинному комоду, достал аптечку, одним глотком жидкости запил таблетки. В ту же минуту Микола вышел во двор, лег на скамью и уснул.

* * *

— Чего это наш сосед там разлегся? — удивлялась Марфа, одна из искусных сплетниц.

— Знаешь, когда я к тебе шла, он уже лежал. С тех пор прошло довольно много времени. Неужто спит? — недоумевала закадычная подруга Марфы Клавдия.

Подойдя к Миколу, они вздрогнули от ужаса. Лицо его вытянулось и было бледнее обычного, лежа он казался еще выше. «Образ спящего дьявола», — промелькнула в головах подруг.

* * *

Время шло, тихая всеобщая депрессия превращалась в явную агрессию, которая выражалась в неоднократных нападках на воскресших. К сожалению, жители села Гвоздино не смогли принять то, к чему из века в век стремилось человечество.

Ночь уходила, а утро еще не наступило. Этим мгновением воспользовались Мирослав, Юрка-охотник, Никон и Глеб Петрович, Виктор Степанович со своим сыном и многие другие, которым было суждено стать изгоями среди родных. Они взяли с собой все необходимое, чтобы не сгинуть, и переплавились через широкую реку.

На берегу стояла маленькая девочка с белесыми волосами, то была Дашечка. Крошечные слезинки капали одна за другой: папа опять не взял ее с собой. Он обещал, что обязательно будет навещать, но малышка уже не верила этим словам. Чем дальше уходили воскресшие, тем сильнее напоминали клин улетающих журавлей.

* * *

С рассветом село Гвоздино проснулось. Отец Юрки-охотника в первый раз за все время заглянул в комнату сына. На письменном столе лежала записка. «Папа, помнишь, ты в первый раз взял меня с собой на охоту. Тогда в нашу ловушку попала ворона, ты сказал, она не съедобна, все равно придется убить, с такими ранами птице не жить. Но я умолял тебя оставить ее в живых, и ты послушал меня... Лучше бы убил».

Максим ЧУПРОВ

Максим Чупров родился в 1988 году в Сыктывкаре. Учился в Сыктывкарском лесном институте. Ныне студент Литературного института имени А. М. Горького (семинар Александра Сегеня). Публиковался в журнале «Искатель», в республиканских альманахах, в коллективном сборнике. Автор сборника рассказов.

ДЕНЬ ДУРАКОВ

Утром первого апреля Лиза сказала:
 — Папа, у тебя спина грязная.
 Николай Правдин схватился за плечо, потянул пиджак вверх, шея вывернулась так, что, казалось, хрустнет. Ничего не было видно, и Правдин направился к зеркалу. Лиза громко рассмеялась.
 — Первое апреля, никому не верю!
 Правдин нахмурился.
 — Очень смешно, — сказал он, вернувшись за стол.
 — Ты сегодня тоже кого-нибудь разыграй.
 — Я не занимаюсь такими глупостями.
 — Перестань, дорогой, это же такая традиция. — Жена поставила на стол сковородку с яичницей и села возле Правдина. — В этот день все друг друга разыгрывают.
 — Да ну?! — воскликнул он. — А я и не знал!
 — Прекрати. — Она хлестнула его полотенцем.
 — Ладно, ладно. — Правдин посмотрел на дочь. — Лизонька, у тебя масло на подбородке.
 Секунду Лиза молча на него смотрела. Затем улыбнулась самой широкой улыбкой, на какую только была способна.
 — А-а-а, нет! Меня не проведешь!
 — Я серьезно, Лиза. Вытри.
 — Не-а, не верю. Дурочкой буду, если поверю.
 — Я не шучу, — настаивал Правдин. — Скажи ей.
 Жена глянула на Лизу.

— Да, дочка, у тебя масло на подбородке.
 Снова Лиза немного помолчала. Взгляд больших голубых глаз метался от одного родителя к другому.
 — Нет, не верю, — повторила она. — Вы сговорились. — И до конца завтрака просидела с заляпанным подбородком.
 Поев, Правдин поцеловал жену и вышел в прихожую.
 — Обед в портфеле, — донеслось ему вдогонку. — Бутерброды, яблоко и сникерс.
 — Хорошо! Скажи Лизе, пусть никуда не убегает!
 Сегодня Лизин класс шел после уроков в поход.
 — С классом три преподавателя, никуда она не денется!
 — Получить бы договор материальной ответственности, — пробурчал Правдин себе под нос. Дверь за ним захлопнулась.
 Машина пробиравалась по городским улицам, тихо играло радио.
 «Опять этот дурацкий праздник, — думал Правдин. — И никакой это не праздник — день дураков попросту. Лишний повод ляпнуть дурость и не показаться дураком. К Лизе это, конечно, не относится, она ребенок. Хотя в прошлом году так не дурачилась, видимо, доросла».
 Машина подъехала к зданию, где находилась контора Правдина. Он заглушил двигатель и, прихватив портфель, покинул салон. Сверившись с

часами, обнаружил, что опаздывает на две минуты. Расстояние от парковки до входа преодолел бегом.

Двери лифта закрывались, и Правдин запрыгнул, не рассмотрев толком, с кем предстояло ехать. Он сильно пожалел об этом, поскольку попутчиком оказался Мешков.

— О, приветствую вас, Николай Степанович! — воскликнул он, протягивая свою медвежью лапу.

— Здравствуйте, — ответил Правдин. Прижатому к стенке, ему с трудом удалось подать руку.

— Чудесный сегодня денек, не правда ли?

Правдин сказал, что правда.

— Я вот простыл недавно, — продолжал Мешков, — так что безумно рад первому солнечному деньку. Ей-богу, никогда не знаешь, чего ожидать от этой погоды.

И в подтверждение своих слов он чихнул, не успев прикрыть рот ладонью. Правдин невольно задержал дыхание, боясь подхватить заразу.

— Будьте здоровы, — сказал он.

— Благодарю, — кивнул Мешков. Затем коснулся пальцами своей макушки. — У вас здесь волосы дыбом стоят.

И хотя Правдин знал, что вероятность того, что Мешков выкинет в этот день какой-нибудь дурацкий розыгрыш, очень велика, волосы на макушке тем не менее пригладил. Может, они у него и вправду дыбом стояли. Чертовски глупо он бы выглядел, заявившись с такой прической к начальнику.

Мешков захихикал.

— С первым апреля, дорогой вы мой Николай Степанович. Взрослый человек, а на розыгрыши покупаетесь.

Правдин хотел ответить что-то резкое, но передумал. В конце концов, Мешков не виноват, что родился дураком, пускай повеселится.

— Очень смешно, — сказал Правдин.

— Ладно вам, не обижайтесь. — Мешков хлопал его по плечу. — Невинная шутка, только и всего... Пятый этаж.

Лифт остановился, двери разъехались, Правдин выбрался на свободу.

— Доброго вам дня! — сказал Мешков.

— И вам того же.

Правдин зашагал к кабинету начальника. Он вдруг вспомнил первое апреля прошлого года. Было воскресенье, Правдин с женой и дочерью поехал к теще. За ужином Клавдия Ивановна заявила, что собирается переезжать в деревню. Устала от города, загазованный воздух вреден, а мечта вырастить на собственном огорожке тыквы и подсолнухи так и не осуществлена. Не

стоит говорить, что Правдин дико обрадовался. Не умея скрыть ликования, он начал что-то говорить, а губы Клавдии Ивановны, пока он лепетал, растягивались в улыбке. Дождавшись, когда он закончит, она сказала, что сегодня первое апреля и что с его стороны было чертовски глупо верить в этот день в такие столь же очевидно невозможные, сколь очевидно приятные для него вещи.

Правдин побагровел. Бросив вилку в макароны, поднялся и сказал Клавдии Ивановне, что она тупая стерва. Челюсть Клавдии Ивановны отвисла чуть ли не до стола. С тех пор они не разговаривали.

А года три назад Правдин дал затрещину мальчугану, который прикреплял к заднему бамперу его машины связку пластиковых бутылок из-под кока-колы. Мальчик разрыдался, а когда Правдин попытался его успокоить, драпанул так, будто за ним черти гнались.

Впрочем, пора было забыть о розыгрышах и сосредоточиться на работе.

В кабинете у начальника пахло табаком, Петр Васильевич копошился в бумагах. Правдин поздоровался.

— Здравствуйте, здравствуйте, — пробурчал начальник, не глядя на него. — Готовы к работе?

— На сто процентов.

— Синяя папочка. — Он указал пальцем на левый угол стола. — К двенадцатому должно быть готово.

— Хорошо. — Правдин взял папку. — К половине первого двенадцатого числа, верно?

— Да, ступайте, — сказал Петр Васильевич, так и не подняв головы.

Правдин вышел. Насчет ста процентов он, пожалуй, солгал.

Какую-то бумажку на двери своего кабинета Правдин увидел еще издали. Подойдя ближе, прочитал: «Общественный туалет». Конечно, для чего еще нужны служебные принтеры, как не для создания идиотских надписей, которые можно прилепить на двери коллег!

Правдин резко сорвал приклеенный скотчем листок и швырнул в урну.

В кабинете было темно и душно. Он открыл форточку и раздвинул занавески. Сел за стол, включил радио. Пела «АББА», и настроение у него приподнялось. Впрочем, ненадолго.

После музыкальной программы начались новости. Диктор сообщил об аварии на пригородной трассе (столкнулись сразу девять машин), об очередной жертве кровожадного маньяка с бабочкой (девушке было всего шестнадцать), а перед

прогнозом погоды выдал совершеннейшую нелепость. Правительство Франции, сказал он, решило снести Эйфелеву башню и построить на ее месте новую, на восемьдесят девять метров выше. И назвать Башней Флобера.

«Вот уж дичь! — подумал Правдин. — Как же это так? Снести Эйфелеву башню? Спятели там, во Франции, все, что ли? Нет, не может быть».

Но тут диктор поздравил слушателей с первым апреля... и Правдин со всего размаху хлопнул ладонью по столу.

— Что за черт?! Да разве можно так?

Он откинулся на спинку кресла, устремив сердитый взгляд на дверь. Вскоре ему удалось приступить к работе. Все шло однообразно, и дурные мысли ни на секунду не оставляли его.

«А что если сегодня в школе, — думал Правдин, — какой-нибудь малолетний дебил поставит Лизе подножку? Лиза упадет и расшибет носик, на пол хлынет кровь, а малолетний дебил скажет директору, что сегодня первое апреля, он просто пошутил, он не хотел ничего дурного, он жутко виноват и извиняется. Директор улыбнется, похлопает малолетнего дебила по плечу — в его возрасте он тоже любил пошутить — и отпустит домой, даже не позвонив родителям».

Есть над чем задуматься.

Правдин выключил радио. Протер глаза, помассировал виски. Крепкий кофе — вот что сейчас нужно.

Он спустился в вестибюль. У кофейного автомата отсчитывала мелочь Ксения Крапивина. Ксения — лучик света во мраке офисного здания номер 18 по улице Кутузова, но Правдин никогда не позволял себе лишнего. У него целых два лучика — жена и дочь. Но как бы то ни было, в обществе Ксении всегда приятно.

— Доброе утро, — громко сказал он.

Ксения вздрогнула, выронив пару монет. Правдин поспешил подобрать их.

— Вот.

— Вы меня напугали. — Она взяла протянутые монеты.

— Извините ради бога.

Он не нашелся, что еще сказать, поэтому Ксения, поглядев на него пару секунд, стала бросать монетки в автомат.

— Ой, — сказала она, когда автомат пополнился на двенадцать рублей. — Трех рублей не хватает.

— Сейчас... — Правдин полез в карман.

— Нет, нет, нет, — запротестовала Ксения, — не нужно. Я, кажется, оставила сумочку на вахте, когда брала ключ. Не могли бы вы...

Ладно Лиза — ребенок. Ладно Мешков — дурачина. Но Ксения?.. Нет, не может быть.

— Я принесу.

Сумочки на вахте не оказалось. Вахтер никакой сумочки не находил. Правдин поспешил обратно к автомату. Ксения доставала из него стаканчик.

— Там нет, — сказал он. — Я спросил вахтера, но...

Ксения повернулась к нему, улыбаясь.

— С первым...

— Да что, сегодня с ума все, что ли, походили?! — Я просто пошутила. — Она шагнула назад. — Не принимайте близко к сердцу.

— Да идите вы к черту! — И под ее ошарашенный взгляд Правдин зашагал к лифту.

В кабинете он уселся за стол и поставил на него локти. Вспотевшие ладони обхватили голову.

«Нужно расслабиться, — говорил он себе. — Просто расслабиться. Это очень легко. Отбросить дурные мысли и подумать о чем-нибудь приятном».

На столе запищал селектор. Звук, казалось, донесся из другой галактики. Правдин нажал кнопку.

— Слушаю.

— Петр Васильевич просит вас зайти к себе, — прозвучал сухой голос секретарши.

— Иду, — ответил Правдин странным голосом.

Секретарша спросила:

— С вами все в порядке?

— В порядке. Я иду.

Десять секунд быстрого шага по ярко освещенному коридору.

— Вызывали?

— Да, Правдин, проходите. Садитесь. — Начальник указал на красное необъятное кресло напротив стола, и едва Правдин уселся, сказал: — У меня для вас задание. Вернее, просьба.

Правдин, прищурившись, посмотрел на начальника.

— Какая же? — медленно спросил.

— Нужно съездить кое-куда. Забрать документы. Наш курьер вчера сломал ногу. Бедный парнишка.

— Очень смешно, — сказал Правдин третий раз за день. — Можете дурачить кого угодно, но меня больше не проведешь.

— Не понял?

— Я к тому, Петр Васильевич, что первое апреля сегодня. Не разыграете вы меня, как ни старайтесь.

— А, вы про это! — воскликнул начальник с каким-то словно бы облегчением. — Нет, нет, никаких первоапрельских шуточек. Все серьезно.

— Неужели?

Петр Васильевич, нахмурившись, пристально посмотрел на Правдина. Тот в свою очередь глядел на начальника с тем же прищуром.

— Николай Степанович, я не шучу. Поезжайте на улицу Бабушкина, дом двадцать семь, вы должны знать. Второй этаж, офис двести восемнадцать.

— Никуда я не поеду. Другого кого-нибудь посылайте.

— Николай Степанович! — начальник повысил голос. — Хватит дурачиться! Поезжайте немедленно!

— Черта с два! — И Правдин вышел, хлопнув дверью.

Уже шагая по коридору, услышал грозное «Я вас уволю!», но пропустил мимо ушей.

Вернувшись к себе, отключил селектор. Взгляд упал на пакет с обедом, что стоял на краю стола. Бутерброды, яблоко и сникерс. Внезапно захотелось слопать сникерс. Вот так взять и за два укуса слопать. В такие моменты он радовался, что не курит.

Пакет зашуршал в руках. Это был бумажный непрозрачный пакет, в какие обычно кладут еду в закусовых, если берешь заказ с собой. Когда Правдин открыл его, раздался громкий хлопок.

Пакет выпал из рук. Правдин сидел, не шевелясь, только часто-часто моргал.

Придя в себя, он поднял пакет и осторожно развернул. Из него шел дымок, внутри помимо обеда Правдин обнаружил взорвавшуюся хлопшу.

«Обед в портфеле, — вспомнил Правдин слова жена. — Бутерброды, яблоко и сникерс».

Он представил, как жена с дочерью укладывают в пакет сначала бутерброды, потом кладут яблоко, затем сникерс. А дальше начинается самое интересное. Каким-то непостижимо хитрым способом они, улыбаясь и хихикая, прикрепляют к пакету хлопшу, чтобы когда он открыл, хлопшка взорвалась. Наверняка этот способ описан в какой-нибудь дурацкой книге о розыгрышах. Или это был специальный пакет из магазина розыгрышей.

Правдин достал сникерс и со всей силы сжал в кулаке. Шоколадка превратилась в мягкий бесформенный сгусток, и он швырнул его в стену. Затем проделал то же самое с бутербродами, а яблоко выбросил в форточку.

— Вот гадюки, — прошептал он.

Он снова замер, сидя в своем кресле, и даже не моргал теперь — взгляд был устремлен в одну точку, на дурацкий пакет.

Он не сразу услышал звонок сотового. Когда же мелодия достигла его сознания, медленно засунул руку в карман и вытащил телефон.

Это была Лиза. Зубы Правдина обнажились в улыбке. Он нажал на кнопку ответа.

— Алло.

Быстро, бессвязно и сквозь слезы она затараторила:

— О-о слава богу папочка это он я знаю это он у него эта бабочка я отошла всего на минутку у него красная бабочка приезжай скорее это где-то возле парка какой-то гараж батарейка садится папочка приезжай скорее..

— Очень смешно. Но не старайся, меня больше не проведешь.

Пару секунд Лиза молчала.

— Не-ет! — закричала она. — Это не розыгрыш, папочка, клянусь богом, это не розыгрыш!

— Почему бы тебе тогда не разыграть свою мамочку, а?

— Я не разыгрываю, прошу, поверь, он сказал, что если...

Связь оборвалась. Правдин откинулся на спинку кресла и закинул руки за голову, довольный, что не поддавался на очередную шутку.

Елена САЗАНОВИЧ

Елена Сазанович — писатель, драматург, сценарист, член Союза писателей России, член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России, главный редактор международного аналитического журнала «Геополитика».

Лауреат литературных премий: журнала «Юность» имени Бориса Полевого; имени Михаила Ломоносова; имени Н. В. Гоголя в конкурсе Московской городской организации Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков «Лучшая книга 2008—2010 годов»; Союза писателей России «Светить всегда» имени В. В. Маяковского; международного литературного журнала TRAFIKA (Прага — Нью-Йорк).

Наряду с другими известными писателями и деятелями культуры в 2006 и 2007 годах была представлена в альбоме-ежегоднике «Женщины Москвы».

«Юность» продолжает развивать новую рубрику — «100 книг, которые потрясли мир». Не только потому, что продолжают споры вокруг предложения Владимира Путина о списке 100 книг, которые должен прочитать каждый выпускник школы. Не только потому, чтобы выявить свои вкусы или чье-то безвкусие. И не потому, что в мире существует всего 100 книг, которые почитать еще как стоит. Конечно, их гораздо, гораздо больше. Но на эту сотню книг обратить внимание стоит — чтобы отблагодарить и время, и планету, которые породили великих писателей.

Уважаемые читатели! Редакция предлагает всем вместе составить список 100 книг, которые потрясли мир и которые необходимо прочитать каждому выпускнику. Ждем ваших писем! Всем спасибо за первые отклики!

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ. «ПОЭТ И ГРАЖДАНИН»

Мягкие лучи света падают на изможденное лицо. Белые простыни. Прозрачные пальцы, плотно прижимающие карандаш к губам. Листы бумаги на полу. Листы бумаги в руке. И колокольчик под рукой — в случае чего... Столик с лекарствами. Остывающий чай. Портреты Добролюбова и Мицкевича на стене. У изголовья — бюст Белинского. И взгляд поэта. Устремленный куда-то вдаль. Где эта даль? Только не там, где смерть. Там эта даль, где бессмертие. И песня, «что навеяна метелями и вьюгами родимых деревень». А в глазах столько боли. Нет, не за себя. За себя он никогда не болел. Хотя и безнадежно был болен. В глазах столько боли за любимую родину. И столько веры. В любимую родину. Что хочется вслед за ним верить... «Покажет Русь, что есть в ней люди, что есть грядущее у ней...» А поэт

умирает. Сочиняя последние строки: «Усни, страдалец терпеливый! / Свободной, гордой и счастливой / Увидишь родину свою, / Баю-баю-баю-баю!..»

Николай Алексеевич Некрасов. Классик русской литературы, революционер-демократ. Поэт. Нет, гораздо, гораздо больше, чем поэт... Художник Иван Крамской пишет последний портрет Некрасова. Некрасов пишет «Последние песни». Портрет получился. Поэзия побеждает прозу жизни. Бессмертие побеждает неизбежный уход. Поэт побеждает смерть. Своими последними песнями. Своим величайшим талантом. Поэт может умереть. Но его муза — нет. Муза Некрасова была «Печальной спутницей печальных бедняков». «Муза мести и печали». Такие музы не исчезают. Как, увы, не исчезают скорбь и печаль на нашей

Земле. «Это было раненое сердце. Раз и на всю жизнь, — точно сказал Достоевский о Некрасове. — И незакрывающаяся рана эта и была источником всей его поэзии, всей страстной до мучения любви этого человека ко всему, что страдает от насилия, от жестокости необузданной воли, что гнетет нашу русскую женщину, нашего ребенка в русской семье, нашего простолюдина в горькой так часто доле его».

Раненое сердце. Крамской вполне мог и так назвать свою картину-портрет. Раненое сердце, раненое прошлое и настоящее. Раненое будущее. Раненая судьба. Как и у всей России. И вот все уже позади. Даже само настоящее. Даже если поэт отчаянно сжимает карандаш в иссохших руках, чтобы еще дописать... досказать... донести... Чтобы не только «в начале было слово». Но и в конце. А в начале... Как это было давно. Словно в другой жизни. Или другом ее измерении.

Печальные отрывки из детства на берегу неторопливой Волги. Презрение к отцу — деспоту и крепостнику. Горечь за судьбу любимой матери. Наконец, петербургские мытарства. Учеба в Петербургском университете сопровождалась голодом, ночлежками, случайными заработками. На долю дворянина по происхождению выпала доля

бедняка. Впрочем, как и доля поэта, который познал любовь к родине и народу. И что такое долг перед ними. Родился поэт, которого до него на Руси еще не было. Поэт, продолжавший традиции поэтов-декабристов, Пушкина и Лермонтова. И вместе с тем который уже говорил с народом на одном языке. И по праву говорил от имени народа.

Именно с Некрасова начался новый этап в развитии литературы. Дерзкий, откровенный, бунтарский, истинно народный и за народ. По-иному писать уже было нельзя. Само время диктовало поэту строки. Само время нуждалось в реформаторстве. А Некрасов стал реформатором в литературе. Он не принижал стих до жизни. Он гармонично сближал стих с жизнью. А поэзию с прозой. Его можно назвать первым новеллистом в поэзии. Впрочем, он вышел за рамки поэзии. Поэт Некрасов был яркий публицист и фельетонист. Сказочник и историк. Лирик и хроникер. И, безусловно, один из величайших издателей. Редактор «Современника», вокруг которого сплотились лучшие литературные силы. Белинский, Герцен, Достоевский, Толстой, Тургенев, Чернышевский... С такими силами крепостное право, которое так яростно ненавидел Некрасов, было просто обречено. Впрочем, обречен и запрещен был и «Современник». Но Некрасов не сдается. Он становится редактором «Отечественных записок», сделав их вместе с Салтыковым-Щедриным «боевым органом революционного народничества».

Без преувеличения, он «лиру посвятил народу своему». И ответил на вопрос «Кому на Руси жить хорошо». И на что способны истинно «Русские женщины». И как смотрят на мир «Крестьянские дети». А «Размышления у парадного подъезда» — это всего лишь «Надежды и муки».

Но все это уже позади. А впереди — портрет умирающего поэта... Сильный мороз. Тысячи людей с девяти утра провожают певца «народной жизни» в последний путь. И расходятся только в сумерки. Впервые похороны поэта переросли в настоящую демонстрацию. И еще — известная речь Достоевского у открытого гроба, вызвавшая бурные споры, когда он Некрасова поставил вслед за Пушкиным и Лермонтовым. Эти споры продолжились уже на страницах печатных изданий. Впрочем, какие споры могут быть касательно классиков? Кто первый? Первых и последних среди классиков не бывает. Классик — это уже классик. Это понятие бесспорно. Учитывая, что Некрасов умер позднее и Пушкина, и Лермонтова. И как верно заметил Короленко, «Достоевский своим проникновенно-пророческим голосом назвал Не-

красова последним великим поэтом из "господ". Придет время, и оно уже близко, когда новый поэт, равный Пушкину, Лермонтову, Некрасову, явится из самого народа...»

Но в ту суровую зиму умер «великий поэт из господ». «У кого была такая смелость, чтобы не побояться громко и во всеуслышание заговорить о бедствующем народе?» (Глеб Успенский). Конечно, у Некрасова. У поэта и гражданина. Так кто же он был в первую очередь? Некрасов ответил на этот вопрос просто и ясно: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

«Поэт и гражданин» — одно из самых значительных стихотворений Некрасова. Оно — прямое попадание в любое время. Сегодня оно попало в десятку. Хотя написано было почти 160 лет назад. Но от перемены времени значение поэта в обществе не меняется. Как и гражданина...

Этим программным стихотворением, этим поэтическим манифестом открывался сборник Некрасова, который имел ошеломляющий успех. Середина 1850-х годов. Полное сближение поэта с революционерами-демократами. Полный разрыв поэта с либералами. В этом стихотворении Некрасов откровенно заявляет о политическом значении поэта в обществе. О политической направленности поэзии, которая была присуща декабристам. Которая должна быть присуща всем поэтам. И не только в России. «Лежачая» поэзия не сделает мир совершенней. «Лежачая» поэзия под настроение. Стерильное искусство для стерильных людей. «Чистенького» искусства не бывает. «Чистенькое» искусство на один миг. Тогда к чему поэт? Поэт на миг — это уже не поэт. Он может вполне ограничиться и рифмами к случаю в домашних тетрадках.

Стихотворение «Поэт и гражданин» драматургично. Этаким мини-спектакль. Диалог между поэтом и гражданином. Спор между поэтом и гражданином. Полемика между идеей и бездейностью. Между высшим предназначением на земле и обывательством... Нет, Некрасов не желает оторвать поэта от «служения искусству». Он просто призывает, чтобы искусство служило «благу ближнего».

«Пускай ты верен назначенью, / Но легче ль родине твоей, / Где каждый предан поклоненью / Единой личности своей?..»

Да, тех, кто действительно думает о своем предназначении на Земле, — не много. Не много тех, «в ком чувство долга не остыло». Для одних жизнь — это Вселенная. Для других она умещается в квадратные метры обустроенного собственного мирка. Для одних Родина пишется с большой буквы. Другие родину называют «эта страна». Для одних — «человек — это звучит гордо!». Для других — уровень души человека измеряется уровнем зарплаты. Мы такие разные.

«Одни — стяжатели и воры, / Другие — сладкие певцы, / А третьи... третьи — мудрецы: / Их назначенье — разговоры. / Свою особу ограждая, / Они бездействуют, твердя: / «Неисправимо наше племя, / Мы даром гибнуть не хотим, / Мы ждем: авось поможет время, / И горды тем, что не вредим!..»

Что лучше — быть безвредным или полезным? Каждый отвечает сам. Хотя безвредным просто быть проще. Так и отвечает поэт в «Поэте и гражданине»: «А мы с своей душой ленивой, / Самолюбивой и пугливой, / Не стоим медного гроша. / Спеша известности добиться, / Боимся мы с дороги сбиться / И тропкой торною идем, / А если в сторону свернем — / Пропали, хоть беги со света! / Куда жалка ты, роль поэта! / Блажен безмолвный гражданин...»

Конечно, стихотворение Некрасова гораздо глубже, шире, выше. Как и вся его гражданская поэзия. Дело не в поэте. Дело в гражданине. «Довольно даже нам поэтов, / Но нужно, нужно нам граждан!» В названии стихотворения вместо слова «поэт» можно поставить любое другое. Врач, продавец, чиновник, строитель, учитель, бухгалтер, домохозяйка... Главное, остается слово «гражданин». Главное, что человек должен понимать свой долг. Зачем он пришел на эту Землю? Что он мог ей дать? А не она ему? И с чем он неизбежно когда-нибудь ее покинет. И если бы каждый это понимал... Возможно, на Земле меньше бы выросло сорняков. И больше бы рождалось таких поэтов и граждан, как Некрасов. Лишь тот, кто «честно ненавидел», кто «искренно любил», способен на подвиг. Подвиг в литературе совершил поэт и гражданин Николай Алексеевич Некрасов. Как и еще 99 писателей, которые потрясли мир.

Марианна ТАРАСЕНКО

Марианна Тарасенко родилась в Новосибирске. Окончила филологический факультет Тартуского университета (специальность «филолог-русист, преподаватель»). Работала учителем в школе, затем на кафедре русского языка Таллинского политехнического института. После ликвидации кафедры вернулась в школу. В настоящее время работает редактором (в том числе и литературным) выходящего в Эстонии на русском языке еженедельника «День за днем».

ШАЛЬНЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ: ДЕЛИ НА ДВА

Итак, в прошлом выпуске мы остановились на словах: «То, что происходит с простыми числительными начиная с сорока, не поддается никакому описанию: к сорокам, о стах... Продолжать этот ряд страшно».

Действительно, страшно, поэтому не будем. Тем более что все не так сложно: числительные «сорок», «девяносто» и «сто» имеют только две падежные формы. В именительном и винительном падежах — сорок, девяносто и сто, а в остальных — сорока, девяносто и ста. А вот у сложных числительных от пятидесяти до восьмидесяти и от двухсот до девятисот склоняются обе части, причем таким образом, как будто это отдельные слова.

Пятьдесят коров — нет пятидесяти коров — лгать пятидесяти коровам — оставить пятьдесят коров — гордиться пятьюдесятью коровами — грезить о пятидесяти коровах. Или: пятьсот кур — нет пятисот кур — верить пятистам курам — обвинять пятьсот кур — дружить с пятьюстами курами — быть уверенным в пятистах курах. Еще: триста баранов — нет трехсот баранов — говорить тремстам баранам — любить триста баранов — по-

мыкать тремстами баранами — поведать о трехстах баранах.

И пусть ни у кого не кружится голова. Слово «пятьдесят» состоит из двух корней — «пять» и «десять». Делим числительное на два, то есть смело отбрасываем второй корень и склоняем только первый, как будто коров у нас всего пять: нет пяти коров. Потом беремся за второй корень — представляем себе, что их десять: нет десяти коров. Теперь складываем оба измененных корня в одно целое и получаем искомое: нет пятидесяти коров. Аналогично поступаем с курами и баранами, но помним, что слово «сто» имеет только две формы, поэтому после сложения двух слов в одно добавляем, если нужно, буквы в падежных окончаниях.

В принципе то же самое мы делаем, когда склоняем составные числительные, например, двадцать пять или тридцать семь — гулять с двадцатью пятью гусями, жить без тридцати семи гусей, разве что на два здесь уже поделили без нас.

Кого-то может удивить, что меня занесло в животноводство, а глаголы подобраны несколько странные. Но на собственном педагогическом

опыте я убедилась, что абсурдные и забавные примеры запоминаются гораздо лучше академических. К тому же эти зверушки выводят нас на нюанс «одушевленное — неодушевленное».

Как нам уже известно, числительные небольшого количества (два, три и четыре) всегда согласуются по одушевленности, то есть винительный падеж в зависимости от одушевленности предмета совпадает с именительным или родительным, например, «я люблю две книги», но «я люблю двух кошек». И вот здесь-то мы, слегка усложнив задачу, вернемся к только что упомянутым составным числительным.

Если баранов не триста, а триста четыре (последнее слово — числительное небольшого количества), мы, скорее всего, скажем «я люблю всех моих трехсот четырех баранов». Но и в том случае, если баранов только триста, предложение «я люблю всех моих трехсот баранов» тоже имеет право на существование. Да, здесь добавились слова «всех моих», но и без них совпадение с родительным падежом в данном случае имеет право на существование, и этого знания нам вполне достаточно. Вероятно, некоторые языковеды скривятся, но пусть это будет самая страшная ошибка в нашей жизни, а лезть в дебри науки мы не станем.

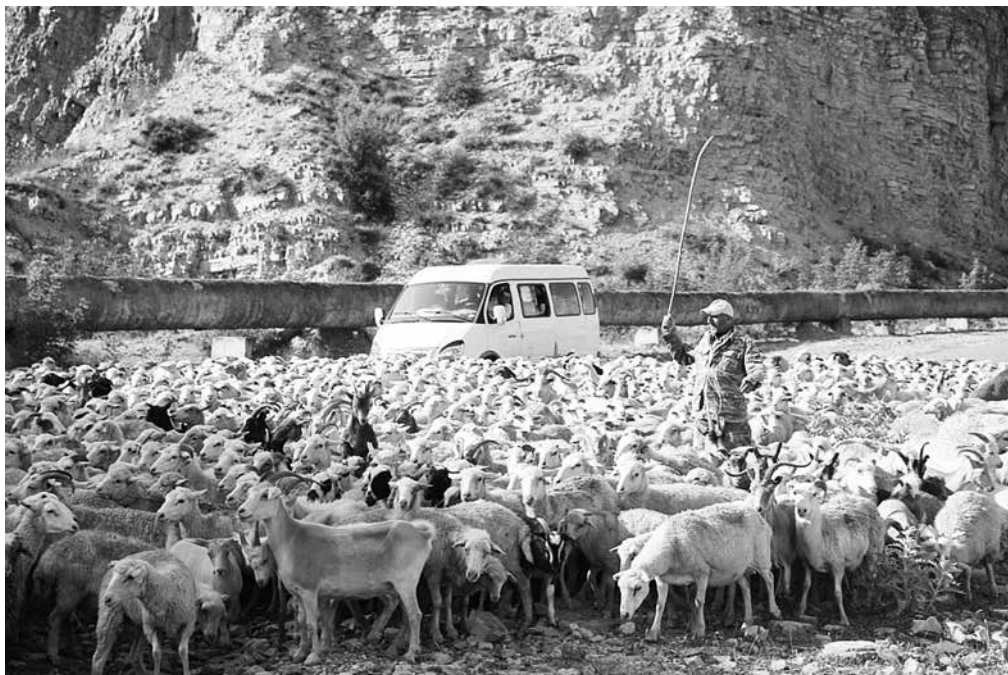
Главное, на что следует обратить внимание: как только корень «сто» попадает в состав сложного числительного, он, уже находясь в форме родительного падежа (пять — чего? — сот), приоб-

ретаёт большее число форм, чем имеет в качестве самостоятельного слова.

Итак, часть заключительная. При склонении сложного числительного решительно делим его на два самостоятельных слова и сначала склоняем первое, а затем — второе, после чего снова соединяем их в одно. Если при этом числительное еще и составное — процедуру повторяем. Эй, животные, на помощь! Кто там еще не был задействован? А, козы. Что я могу с ними делать? В год Козы — только дружить. Допустим, таких подружек у меня 777 (чем больше, тем лучше). И как сказать, с каким количеством коз я дружу? Просто: призываем на помощь творительный падеж и начинаем творить.

Делим на два первое слово, берем первый корень, получаем «с семью». Берем второй, получаем «ста», прибавляем окончание творительного падежа «-ми» (по принципу «места — местами»), складываем все это вместе, на выходе имеем числительное «семьюстами» и до поры откладываем его в сторонку. А сами делим на два слово «семьдесят», склоняем отдельно каждую его часть, получаем «семью» и «десятью» и опять же составляем их в одно целое. Третье слово — однокоренное, делить его не нужно, поэтому нанизываем слова по порядку, как бусы: с семьюстами семьюдесятью семью козами.

На этом достижении делаем перерыв и прощаемся с числительными, которые еще не кончились, до следующего выпуска.

Светлана КАЙДАШ-ЛАКШИНА

Светлана Кайдаш-Лакшина окончила филологический факультет МГУ. Много лет работала редактором в издательстве, преподавала в вузе древнерусскую литературу и фольклор.

Член Союза писателей и член Союза журналистов СССР.

Автор книг: «Сильнее бедствия земного.

Очерки о женщинах русской истории» (1983), «Сила слабых. Женщины в истории России XI—XIX вв.»

(1989), «Судьбы русских женщин сквозь века.

Любовь и долг» (1990, на французском языке),

«Великие женщины России» (2001), исторического

романа «Княгиня Ольга» (2002), «Судьбы великих

русских женщин» (2005), детской книжки «Где блины, там и мы в радости и горе. Все любят пряники» (2008).

Автор телевизионных фильмов о поэтессе Елизавете Кузьминой-Караваевой (матери Марии) — «Четыре жизни матери Марии» и великой княгине Елизавете Федоровне Романовой — *Silencium*.

Автор филологических исследований «Слова о полку Игореве», творчества Чехова, Гаршина.

КИТАЙСКАЯ ПОЭТЕССА ИАНЬ

Настоящее имя китайской поэтессы Иань — Ли Цинчжао, Иань — это литературное имя, псевдоним. Она родилась свыше девяти-сот лет назад (1084–1151), и до нас дошли ее бессмертные строфы — сборник стихотворений «Строфы из граненой яшмы», в нем около пятидесяти произведений.

Яшма действительно твердый минерал. Ее знали в глубокой древности, считали магическим камнем, который мог вылечить многие болезни — от эпилепсии до лихорадки и женских болезней. Китайские врачи считали, что она чистит все внутренние органы человека и продлевает жизнь.

Знаменитый врач Авиценна советовал носить яшму на животе, чтобы предотвращать болезни, а византийский император Мануил подарил афонским монахам яшмовую чашу, чтобы противодействовать ядам. Сила предсказаний, способность

видеть невидимое для глаз, твердость духа и мудрость — все это могла принести яшма. Но ее следовало огранить... Поэтесса считала поэтическое слово драгоценным камнем, который нужно тщательно шлифовать.

Ли Цинчжао родилась в местечке Личэн, около города Цзинань, на востоке Китая, в семье известного писателя и чиновника. С детства ее окружали образованные люди, любители искусств и поэзии. В обществе было принято проводить литературные вечера, на которых состязались в умении экспромтом сочинять стихи на заданные темы и рифмы. В них с детства принимала участие и будущая создательница «Строф из граненой яшмы», которая получила блестящее образование — ее учили живописи, каллиграфии, музыке (игре на флейте и лютне), литературе и стихосложению.

В средневековом Китае были очень крепки традиции женского поэтического творчества, и женские имена были широко известны: например, поэтесса VIII века Сюэ Тао с ее лирическими пейзажами (стихотворение «Пух ивы»). Значительную часть женской поэзии составлял жанр цы — он близок по духу и форме народной песне и напоминает европейский романс. Эти стихотворения исполняли под аккомпанемент лютни, флейты и других музыкальных инструментов авторы или профессиональные певцы. В них говорилось о любви, об измене любимого, о прекрасной природе родины. Ли Цинчжао писала цы, которые дошли до наших дней. По преданию, она начала писать стихи очень рано.

Жизнь у поэтессы сложилась нелегкая. Она вышла замуж за художника-гравера, но его назначили на службу в отдаленный округ, и расставания с любимым стали одной из тем ее стихов.

Когда на Китай началось нашествие чжурчжэней — воинственных кочевых племен — и они захватили столицу Сунской империи Кайфын, Ли

Цинчжао попала к ним в плен и перенесла сильные лишения. Ей пришлось скитаться по стране.

Мужество Иань было таким же твердым, как яшма. Но она пела о любви, о праве женщины на свободу своего чувства, о праве уважения к нему, о разлуке, о пышных хризантемах, о цветущих азалиях, о лотосе, о сопротивлении судьбе, о том, что не вечен даже яшмовый сосуд:

Лишь вдохновенью вечность суждена,
И неподвластно времени оно...

Сохранились не только стихи, но и статьи Иань о поэзии и театральном искусстве. А ведь это XII век!

На родине поэтессы существовал мемориальный музей, который осквернили во времена «культурной революции». Но он давно уже восстановлен. Толпы паломников не иссякают.

Великая китайская поэтесса Иань продолжает жить не только в Китае: ее имя известно во всем мире.

Николай МИТРОФАНОВ

Из «Автографа о себе»

...Мне трудно теперь сформулировать, как и какими путями приращивались в моих писаниях темы, как своеобразно порой трансформировались некоторые из них, тем более что с самого начала своей по-настоящему сознательной жизни я с большей или меньшей интенсивностью действовал в журналистике, вступил в Союз журналистов СССР, несколько лет руководил литературно-драматической редакцией Всесоюзного радио, в 1990-е годы часто печатался в газете «Вечерняя Москва», где работал штатным обозревателем. Я был шеф-редактором журнала «Странствия и приключения», главным редактором издательства «Знание». Последние десять лет мною отданы «Московской энциклопедии», оригинальному изданию историко-биографического толка, о котором, сдаётся, будут немало говорить после его завершения примерно через год. В вышедших трех томах «МЭ» напечатано множество моих статей о знаменитых и неизвестных москвичах и гостях Первопрестольной — большинство их подписаны мною и потому легко узнаваемы...

ТАК ФУТ — ЭТО ЖЕ НАШ «ЛАПОТЬ»!

Со времен парусного флота человечество не отстает от обычной измерять расстояния на море такими единицами, как морская миля и кабельтов.

Но в основе мили заложена, как ни удивительно, эталонная величина сухопутная. Еще в эпоху Древнего Рима таковой считали отрезок, равный тысяче шагов римского воина.

В отличие от уставной сухопутной мили, бытующей как ходовая величина в Великобритании и равной 1609 метрам, одна морская миля значительно больше — 1852 метра. Соответственно кабельтов как десятая ее часть — 185,2 метра. Другие члены когорты флотских величин тоже, как говорится, на слуху. Один дюйм равен 25,4 миллиметра. Один фут составляет 12 дюймов, или 304,8 миллиметра. Один ярд равен 3 футам, или 36 дюймам, или 914,4 миллиметра.

Названия этих единиц измерения имеют, как правило, английское или голландское происхождение. В языки других народов они перешли во времена, когда Англия и Голландия были ведущими морскими державами.

Лишь изредка кто-нибудь с гордостью вспоминал первоначальное значение названных терминов. И не зря — «метрологическое» путешествие в глубь веков было полезным и интересным. В 1101 году король Генрих I заменил старые меры длины, установленные древними саксами, на новые, провозгласив точные параметры того, что для соотечественников его стало называться ярдом. Такова была, оказывается, длина его руки — 91,5 сантиметра. В те достопамятные времена появилась мера веса — grain, равнявшаяся одному пшеничному зернышку, а также insh, или дюйм, равный длине трех высушенных ячменных

зерен. Ревнителю старины сегодня приводят чисто эмоциональные доводы: раньше все возникало, мол, естественным образом, шло «от сердца», не то что современные стандарты, за которыми стоят холонок абстрактных чисел и математическая бесстрастность ученых мужей...

Фут в переводе с английского, как известно, «нога» (ступня). Неизвестный автор фута определил им удобный для работы средний размер человеческой ступни. Впрочем, был ли он оригинален? Конечно, нет. Еще в аттической системе мер, бытовавшей во времена Геродота, была такая единица — стопа, равнявшаяся приблизительно 0,29–0,33 метра. Так что в России сия величина вполне могла укорениться под уже бытовавшим (и до сих пор живучим) народным названием «лапоть»!

Необходимое дополнение: многие западные специалисты настаивают: дюйм в переводе с голландского — «большой палец». Средняя величина его наиболее широкой поперечной части, говорят они, и есть единица «дюйм», которой принято ныне характеризовать размеры диагоналей телевизионных экранов.

Здесь уместно вспомнить еще об одной морской величине. Известно, что скорость кораблей принято измерять в узлах.

Один узел соответствует одной миле в час, то есть 1852 метра в час, или 0,514 м/с, или 0,167 каб/мин. 1 километр/ч = 0,54 мили/ч. Когда говорят, что корабль идет со скоростью 20 узлов, это значит, что он проходит 20 миль за час.

Термин «узел» возник во времена парусного флота, когда скорость судов определяли по быстроте сматывания троса с вьюшки ручного лага (так называется прибор, служащий для измерения скорости и пройденного расстояния). Такой трос выпускался на ходу с кормы. Он был разбит

на отрезки по 50 футов 8 дюймов, что составляло 1/120 мили. Эти отрезки обозначались узелками. Число узелков (отрезков), пробежавших за полминуты, то есть за 1/120 часа, соответствовало скорости судна в милях в час.

Поэтому выражение, например, «30 узлов в час» совершенно не имеет смысла, так как получается, что корабль вместо скорости 55 километров в час ползет всего по 1500 футов, то есть 470 метров в час.

Итак, соответствия некоторых единиц измерения длины:

- 1 миля — 1852 метра, или 10 кабельтовых, или 2026,66 ярда, или 6080 футов, или 72 960 дюймов;
- 1 километр — 0,54 мили, или 5,4 кабельтова, или 1093,61 ярда, или 3280,83 фута, или 39370,08 дюйма.

Сейчас внедрению новой, метрической системы мер в Великобритании пошел второй десяток лет. Бурно и не без эксцессов идет прощание с ярдами и дюймами — слишком к ним привыкли в Туманном Альбионе. Уже сейчас ясно, что этот процесс будет развиваться не так быстро, как хотелось бы его приверженцам. Собственно, и всему миру тоже далеко не безразлична вся эта «перестройка». Помнить о прежних английских величинах придется долго, сверяя с ними различные оценки и итоги, думая о разных усовершенствованиях прежних, еще не вышедших в тираж изделий.

Поборники бушелей, кварт, унций и дюймов не устанут упрекать британское правительство за то, что оно пренебрегло просветительской кампанией, направленной на подготовку общественности страны к переходу на метрическую систему мер. Особо упорным коммерсантам сделана уступка. Им позволено на ценниках сохранять и прежние меры, указывая их более мелким шрифтом.

Феликс ШВЕДОВСКИЙ

Продолжение. Начало в № 3 за 2014 год

ПАКИСТАНСКИЙ ДНЕВНИК

От редакции

Читатель, возможно, помнит «Индийский дневник» Феликса Шведовского, публиковавшийся «Юностью» на протяжении последних нескольких лет.

Тот дневник рассказывал о паломничестве в Индию и Непал в 1998–99 годах и закончился на несколько пессимистичной ноте. Автор посетовал, что не смог во всей полноте последовать за своим учителем — буддийским монахом из Японии, преподобным Дзюнсэем Тэрасавой. После четырехмесячного странствия Феликсу по семейным обстоятельствам пришлось вернуться в Москву, в то время как его собратья-монахи продолжали путешествие еще два месяца, отправившись в Пакистан.

Однако в 2002 году учитель дал Феликсу второй шанс, организовав официальный международный Марш мира из Индии в Пакистан, широко освещавшийся индийской и пакистанской прессой. В Пакистане буддийские монахи в буквальном смысле стали телезвездами. О чем и повествует этот новый старый дневник Феликса.

В мартовском номере за прошлый год мы начали эту публикацию. А в этом номере — очередной отрывок. Ждем ваших откликов, дорогие читатели.

7 АВГУСТА 2002 ГОДА, СРЕДА

Итак, мы под домашним арестом в Таксильском историческом музее, для нашей же безопасности. Пакистанские власти пока не могут предоставить нашему Маршу мира соответствующую охрану, особенно после того, как экстремисты напали на христианскую школу, расположенную неподалеку отсюда, на курорте Марри. По тем же соображениям мы приехали сюда в обход на автобусе, а не пришли пешком через горный перевал в Гири, как задумывали изначально.

К тому же сейчас сезон дождей, и горную тропу могло попросту размывать. Ливни обрушиваются сплошной стеной, однако в промежутках между ними, порой весьма продолжительных, воцаряется настоящее пекло.

Когда нас, под дружелюбным конвоем автоматчиков, доставили в Таксилу, музейщики не знали, что с нами делать. Но директор музея уделил много времени выяснению всех обстоятельств нашего задержания и наконец добыл

Остатки буддистского монастыря в Таксиле

тот самый факс о запрете Марша мира, который был разослан Министерством внутренних дел Пакистана 29 июля, когда мы еще были в Индии. Видимо, он был «для внутреннего употребления», потому что мы о нем ничего не знали. Мало того, нас торжественно, в присутствии множества журналистов, встретили пакистанские пограничники и предоставили транспорт до столицы — Исламабада. Совершенно очевидно, что разные ведомства не согласованы между собой. Тэрасава-сэнсэй все эти дни пытался связаться с ответственным секретарем МВД как раз для того, чтобы уточнить детали обеспечения нашей безопасности, а тот не отвечал — уехал в отпуск до 15 августа.

В итоге мы будем оставаться в Таксиле до тех пор, пока не прояснится, разрешат ли все-таки нам если не пешком, то хотя бы на автобусе прошесть через Гандхару и долину реки Сват — места, исторически связанные с распростране-

нием и расцветом буддизма Махаяны в первых веках нашей эры.

Директор музея, повертев в руках запретительный факс, наконец решил поселить нас в своих апартаментах, где мы будем находиться под постоянной охраной.

Сами по себе эти апартаменты — музейная редкость. Мы спим в комнате с сервантом и посудой сэра Маршала, который в 1913–34 годах проводил в Таксиле первые раскопки, возвращая тогда еще индийцам (до раздела единой страны на Индию и Пакистан) уважение к их собственной культуре, забытое ими за время английской колонизации.

Кстати вспомнилось об истории разделения единой Индии. Перед стартом Марша мира мы встречались в Исламабаде с президентом Всепакистанского буддийского общества (есть и такая экзотика в Исламской Республике). Он родом из Бангладеш, бывший посол Пакистана в Аргенти-

не, сейчас — посол с широкими полномочиями, ambassador in large. И он рассказал нам о том, как образовалось государство Бангладеш. Сначала существовал штат Индии — Бенгали, который в 1905 году из-за межэтнических и межрелигиозных противоречий был разделен на Западный и Восточный. После того, как Индия обрела независимость от Великобритании, а Пакистан по недоброму совету британцев отделился от нее потому, что большинство населения этой территории исповедовало ислам (хотя и в остальной Индии было и до сих пор остается немало мусульман), к Пакистану был присоединен Восточный Бенгали. Однако территориально они оставались разделены. И в ходе войны между Индией и Китаем в 1971 году Восточный Бенгали стал независимым государством Бангладеш, тоже исламским, но без статуса исламской республики, которым обладает только Пакистан, а после него — Иран.

Вот такие тонкости вспомнились мне здесь, на досуге, под домашним арестом.

Кроме серванта сэра Маршала мы постепенно знакомимся с другими экспонатами Таксильского музея. В одной из витрин, как утверждает директор, выставлена шарира — мощи Будды — из главной ступы Дхармараджики. Однако Тэрасава-сэнсэй, не знаю как, определил, что это не та шарира, и стал нарочито громко расспрашивать директора, который отвечал все тише и тише. В конце концов выяснилось, что шариру из Дхармараджики давно подарили Непалу. Сэнсэй не проведешь! Особен-

но обидно было ему осознать, что министр культуры Пакистана обманул его, когда обещал на приеме в Исламабаде, что Маршу мира откроют, а возможно, и подарят шариру из легендарной ступы Дхармараджики, заведомо зная, что ее нет в Таксиле.

Впрочем, директор музея убедил Сэнсэя, что на витрине все-таки мощи Будды, пускай и не из Дхармараджики, а из каких-нибудь менее значимых ступ. О том, чтобы подарить их нашему Маршу, речи, конечно же, не шло. Ведь министр культуры дал обещание относительно только одной конкретной шариры.

Со стороны может показаться непонятым и даже смешным такое наше рвение обрести мощи Будды Шакьямуни. Однако он сам учил, что после его ухода из этого мира единственным достоверным подтверждением связи с ним его учеников будет шарира, которая также несет мир во все земли, где она вручается, где пребывает и где странствует вместе с монахами.

В любом случае мы счастливы находиться в музее, где хранится шарира, пускай нам ее и не вручат. Прямо во дворе музея возвышаются два буддийских культовых сооружения — каменные чайтхи высотой в два с половиной метра. Это даже не двор, а парк в английском стиле, с плющом, затянувшим ограду и стены зданий, ровными дорожками, газонами, подстриженными деревьями.

Все это великолепие, доставшееся от Великобритании, восстановлено на деньги японцев. Паки-

Раскопки буддийского монастыря в Таксиле

Ступа Ашоки в 50 км от Исламабада

стан — бедная страна. Даже главная мечеть в Исламабаде построена на средства из Саудовской Аравии.

Вчера мы провели в этом парке вечернюю церемонию у дерева бодхи — под таким же Будда 2500 лет назад обрел просветление, только это дерево совсем молоденькое, практически саженец. После молитвы Сэнсэй объявил о своем решении составить декларацию, в которой мы благодарим правительство Пакистана за заботу, но настаиваем на нашей изначальной программе и готовы взять на себя полную ответственность за свои жизни.

Похожую декларацию-клятву мы вместе с солдатскими матерями составили в 1995 году в Чечне, когда федеральные войска объявили о запрете нашего Марша материнского сострадания.

Нельзя согласиться с полным или даже частичным запретом нашего Марша мира. Ведь СМИ широко распространили информацию о его маршруте. Но в то же время можно понять тревогу пакистанских властей. Генерал Первез Мушарраф, недавно возглавивший государство, после террористической атаки на США 11 сентября оказался перед решающим выбором: быть на стороне тех, кто поддерживает терроризм (ведь последние годы Пакистан поддерживал талибов), или бороться с террористами. Для Пакистана такая борьба — это прежде всего противостояние радикалам внутри страны. И Мушарраф сделал единственно верный с прагматической точки зрения выбор — бороться с ними, а не подставлять свою страну под американские бомбардировки. Что, естественно, развернуло на 180 градусов государственную политику, всколыхнув все общество до самого дна и сделав Пакистан главным союзником США в борьбе против терроризма, в первую очередь в операции в Афганистане, из

которого в Пакистан стали проникать бегущие от американцев талибы. А их здесь ждут с распростертыми объятиями свои экстремисты. И только тонкая пленка официальной пакистанской армии сдерживает взрыв этой гремучей смеси...

Вот в какой непростой момент мы вошли в эту страну. В любом случае, согласны мы или не согласны с политикой властей, наш Марш мирный, и силой противостоять силе мы не собираемся. Вся надежда — на талант Сэнсэя как переговорщика. Сегодня мы составили декларацию Марша мира, и он вместе с Сергеем и Тимуром поехал с ней обратно в Исламабад, в министерство культуры, чтобы добиться разрешения на продолжение нашего Марша.

А мы пока сидим в музее. Вдалеке все время слышны какие-то разрывы. Может, грозы — все-таки сезон дождей. А может, это взрывают горы, прокладывают дороги.

Часто отключается электричество. Как только перестает работать вентилятор, катастрофически потеешь. Впрочем, тело потихоньку начинает привыкать. Скоро даже в футболке перестану мочнуть. Это я хорошо знаю по своим прошлым приездам в Индию.

Едим мы почти одни лишь лепешки с гороховой подливой — далом, иногда водитель автобуса, который разделяет с нами домашний арест, но может выезжать за продуктами, привозит нам кусок мяса или даже плов. Правда, бывает это очень редко, и чтобы хоть как-то развлечься, мы пьем ледяную воду с лимоном и сахаром. Это наш единственный «десерт».

8 АВГУСТА 2002 ГОДА, ЧЕТВЕРГ

Вчера вечером Сэнсэй с «делегацией» вернулись из Исламабада. Они встречались не только с замом министра культуры, но и с замом министра внутренних дел. Привезли еще газет со статьями и фотографиями о начале Марша мира в день бомбардировки Хиросимы, позавчера, когда мы впервые увидели себя по пакистанскому телевизору. Говорят, потом нас показывали каждый день по разным каналам.

Министерство культуры здесь отвечает не только за культуру, но и за религию и спорт. Как рассказали ребята, замминистра прочитал нашу декларацию и на высказанное Тэрасавой-сэнсэем намерение как можно шире распространить ее покачал головой, ответив: «Не надо». Объяснил, что если с нами что-то случится, ему придется отвечать своей жизнью. Вчера продолжилась череда нападений: после немцев и христиан им под-

верглись индуистские паломники в Кашмире, когда они спали в палатках.

Тем не менее удалось найти компромисс: хотя пешего марша не будет, нам разрешили посетить древние буддийские места Пакистана на автобусе, в сопровождении вооруженной охраны. Мы это совместим, насколько будет возможно, с краткими молитвенными акциями и будем разворачивать наш антиядерный плакат. Хоть так местные жители узнают, что Марш мира продолжается, а журналисты сделают из этого грандиозные новости.

Сегодня утром поехали еще раз к ступам, посвященным подвигам Бодхисатвы, то есть Будды в его прошлых жизнях. Кстати, с одним из таких подвигов — подношением Буддой своей собственной головы — может быть, помимо прочих версий, также связано название местности Таксила. Такую трактовку выдвинул китайский паломник Фасянь, усмотрев в названии китайские слова «а-шил-о» — «отсечение головы».

Если бы не записки этого да еще одного китайского монаха — Сюаньцзана, странствовавших по этим местам в те времена, когда здесь процветал буддизм и монахи отсюда доходили по Великому шелковому пути до Кореи и Японии, ступы в честь невообразимых подвигов Бодхисатвы так и остались бы похороненными под культурными слоями земли. Местное население за несколько веков полностью забыло историю Таксилы, память о ней умышленно вытравивли многочисленные завоеватели, уничтожая ее носителей — людей и книги.

А ведь больше нигде в мире, пожалуй, не собрано на таком небольшом пространстве сразу столько памятников самопожертвованию.

Это и ступа Кунала, с которой связана история о подношении сыном царя Ашоки своих глаз из-за того, что молодая жена царя оклеветала принца после неудачной попытки соблазнить его. Пользуясь доверием Ашоки, она составила письмо якобы от имени мужа, где принц обвинялся в тяжком преступлении и приговаривался к ослеплению (чтобы больше никакие женщины не видели его прекрасных глаз). Из почтения к отцу и не желая вносить разлад в семью, принц не стал противиться, он сам ослепил себя, ушел из дворца и стал бродячим певцом.

Хотя эта история произошла уже после Будды Шакьямуни, но такое самопожертвование сродни деяниям Бодхисатвы. Две другие ступы — как раз о них. Например, о том, как в одной из своих прошлых жизней Будда спас голубя, срезая мясо со своего тела, чтобы заплатить за жизнь голубя охотнику, поймавшему его, а потом оказалось, что бог Индра принял облик голубя.

Ступа Дхармараджики в Таксиле

Ступа Балар сохранилась до самой верхушки, но как бы разрезанная вдоль. Археолог сэр Маршал, чтобы дойти до основания ступы, разобрал одну ее половину, а вторую укрепил кирпичной стеной.

Поклонившись всем этим ступам, мы в сопровождении эскорта, не хуже президентского, проехали через город Таксила, не столько обрадовав, сколько испугав местных жителей; через территорию Инженерно-технологического университета, мимо компании Heavy Mechanic Technology — к раскопкам монастыря Мора Мороду, в уединенном месте среди холмов, с остатками статуй Будды, сохранившейся целиком небольшой ступой, а также бассейном и кельями монахов. Все очень массивное. Каменная кладка напоминает древние башни в горах Кавказа. Добротность монастыря III века н. э. говорит о поддержке его царем.

Пошел сильнейший ливень, мы все промокли до нитки, хотя бежать до автобуса было всего ничего. В конце концов решили снять одежду и просто искупаться под дождем, который, как мы думали, хороший нам знак перед отправлением в Пешавар.

В Пешавар, однако, мы так и не поехали. Под вечер выяснилось, что в МВД еще не получили факс из полиции Пешавара, подтверждающий нашу безопасность. Центральная власть не контролирует этот и многие другие районы, называемые *tribal areas*, где живут племена со своим традиционным укладом, но вооруженные автоматами Калашникова, и туда МВД вообще не суется.

А мы-то уже упаковались и сидели на рюкзаках, пока не поняли, что никто за нами не придет, и заснули. В четыре часа дня Тэрасава-сэнсэй встал и начал звонить в международные информацион-

Ступа Чжулян в Таксиле

ные агентства AFP, AP, Reuters, чтобы наконец официально сообщить: мы находимся под настоящим домашним арестом, и неизвестно, сможет ли Марш мира двигаться дальше, несмотря на достигнутый компромисс с властями о передвижении только на автобусе.

Когда учитель звонил по мобильному телефону, над ним высился офицер полиции. Охрана наша вообще не особо стесняется, заходит к нам в комнаты в любое время с шуточками: «Ну что, отдыхаете, как всегда?»

9 АВГУСТА 2002 ГОДА, ПЯТНИЦА

В 8 утра, когда мы все еще спали под бесконечный дождь, было совершено нападение на христианскую больницу в Таксиле, совсем недалеко от музея. Два человека погибли из-за взрыва гранаты, один нападавший был убит своими же.

Когда днем к нам заехал министр культуры с буденновскими усами, сам христианин, только что посетивший ту больницу, он был на взводе и горячо говорил о том, как власти обеспокоены

нашей безопасностью, о том, что районы Гандхара и долина реки Сват — это места, куда переселились из Афганистана фанатики «Аль-Каиды», и что лучше было бы вообще не проводить наш Марш мира, или если и проводить, то, нигде не задерживаясь, промчаться по буддийским святым местам на автобусе. «Я человек военный и раньше ходил без охраны, — подытожил министр, — а теперь даже мне приходится». Военный — это хорошо. В Пакистане любят военных, они не крадут.

Тэрасава-сэнсэй предположил, что среди напавших на христианскую больницу был некий Саид, два дня назад звонивший ему на мобильный во время вечерней церемонии, когда уже стемнело. Саид просил учителя немедленно выйти за ворота музея. Он приходил к нам в буддийский центр, где мы жили в Исламабаде, еще до начала Марша, и уже тогда Сэнсэй заподозрил неладное.

Потом он звонил еще несколько раз откуда-то из Таксилы, приглашал встретиться, хотел прийти к нам, но охрана его не пускала и сама не хотела его проверять, опасаясь взорваться.

Они тут настолько за нас боятся, что вечером во время сегодняшней церемонии директор лично шарил с фонарем в кустах, а потом закрыл на щеколды все двери на улицу из наших комнат, даже в туалетах.

Тэрасава-сэнсэй попросил у министра культуры возможности съездить еще раз в Исламабад, чтобы дать там пресс-конференцию о провале Марша мира, а потом (как он втайне от министра поведал нам) без всякой огласки, независимо ни от кого, проехать-таки или даже пройти по намеченным местам.

Но министр против поездки в Исламабад. Такая пресс-конференция нанесет урон имиджу министерства культуры. Просит нас дожидаться факса из Пешавара. Тогда учитель выдвинул ультиматум: если до 12:00 факс не придет, мы едем в Исламабад.

Впрочем, ультиматум — громко сказано. Если бы мы могли так просто сами, без охраны, взять и поехать... И все же ультиматум сработал! Вечером нам наконец дали добро на поездку в Пешавар. Едем завтра.

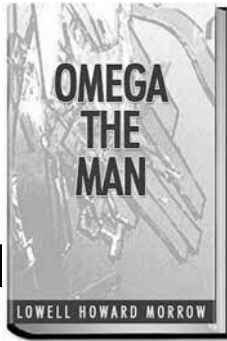
После церемонии директор разрешил нам войти в Интернет в его кабинете. Из имейла мы узнали: по ОПТ будто бы передали, что на наш

Марш мира напали и пострадал гражданин Казахстана. СМИ, как обычно, живут своей жизнью, а реальность — своей.

Потом к нам зашла сотрудница музея с тетрадкой, чтобы записать ответы Тэрасавы-сэнсэя на вопросы о различиях между буддизмом Хинаяны (или Тхеравады, считающейся более ранней, ортодоксальной формой буддизма) и Махаяны. Хотя Махаяна — более поздняя форма буддизма, иногда происходит обратный процесс, как, например, на Шри-Ланке, где вначале исповедовали Махаяну, а в наши дни ее полностью вытеснила Тхеравада, из-за чего на этом острове прекратилась традиция буддийских монахинь.

Из рассказанного учителем особенно запомнилось то, что в монастырях Хинаяны ступа (культовое сооружение, как правило, с мощами Будды) всегда стоит в отдалении от монастыря, а монахи не участвуют в ее возведении и не имеют права брать подношения, сделанные ступе мирянами. В махаянских же монастырях все наоборот — они строятся поближе к ступе, а зачастую и вокруг ступы, и монахи — активные строители ступ. Да и подношения, сделанные ступе, монахи едят, считая их освященной пищей.

Продолжение следует.

Лоуэлл Ховард МОРРОУ

Евгений Никитин родился в 1992 году. Заведует отделом зарубежной литературы журнала. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года. Лауреат премии зеленого листка в номинации «Начинающему автору» журнала за 2013 год. Выпускник Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета по специальности «перевод и переводоведение», в настоящее время учится в магистратуре Российского государственного гуманитарного университета по специальности «история».

Продолжение. Начало в № 1, 2, 3 за 2015 год

ОМЕГА, ЧЕЛОВЕК

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Это ущелье в земной коре, простирающееся на много миль под ними, было самым глубинным местом Тихого океана, когда его синие волны еще омывали берега континентов, а крохотное озеро где-то в недрах земли — лишь жалкой крупницей великого моря. Далеко на северо-западе виднелись выступающие на фоне неба великие горные хребты и плоские возвышенности, вздымающиеся с древней постели океана — бывшего месторасположения Японской империи. Вокруг валялись останки морской живности: то место, где они сидели, раньше находилось намного ниже уровня моря. Молчаливая, загадочная, безнадежная, тоскливая картина потрясла даже самые стойкие сердца. Как хотелось увидеть признак хоть чего-нибудь живого под этими пиками!.. Безмолвие правило и устрашало; безмолвие, в котором тихие дрожжющие голоса выглядели чуждыми, подавляло бесконечной серьезностью. А темные расщелины между серыми губами смерти походили на зияющие врата ада.

— Смерть! Смерть! Смерть! Бесконечная торжествующая смерть, ты правишь повсюду!

Омега выпрямился и окинул окружающее горестным взглядом.

Поднявшись, Тальма взяла его ладонь в свою. На ее лице просияла улыбка, полная веры и надежды. Мужчина с удивлением оглянулся.

— Нет. Смерть не повсюду, — мягко возразила женщина. — Не забывай про нашего сына Альфу. В нем возродится жизнь.

Омега обнял ее.

— Прости, Тальма. Ты говоришь истину. Знаю, с твоей преданностью и храбростью мы победим.

И — как было с начала времен — даже в эти последние дни мужчина устоял благодаря любви и поддержке женщины.

Теперь Омега смотрел на обителище смерти с презрением. Он бросал смерти вызов, клялся, что не боится ее. Жизнь все равно побеждала, поскольку с ним была Тальма, а скоро должен был родиться Альфа. Он не опустит руки. Он будет

бороться с темными силами смерти — даже с тем жутким подводным чудищем — и одолеет всех. Он снова сделает мир зеленым. Сила упрямой надежды, наследие предков, текла в его крови.

— Мы изменим все это, — продолжил мужчина, махнув рукой в направлении далекого горизонта. — Мы по-прежнему хозяева жизни. Но сейчас... давай спустимся, — добавил он.

И рука об руку они спустились с вершины обратно, к своему последнему пристанищу.

Омега понимал, что в первую очередь нужно избавиться от ящера. Страх в глазах Тальмы требовал немедленных действий. Они сходили на корабль и наполнили контейнеры глубинными бомбами. Затем, вооруженные, подлетели к озеру. Но, несмотря на мелководность, оно оказалось почти непрозрачно из-за поднятой мути, а прозрачные участки были слишком глубокими, чтобы можно было разглядеть дно. Омега и Тальма долго и тщательно осматривали водоем с безопасного расстояния — безуспешно, потом в надежде на удачное попадание зависли над серединой озера и сбросили смертоносный груз. В воздух взмыли водяные столпы. И все. Неясно, попала ли хоть одна бомба в цель. Местами образовались яростные буруны, как будто монстр дергался в предсмертных муках. Но снова стало тихо.

* * *

Теперь Омега догадался окружить озеро невидимой электростеной, чтобы ток моментально убил монстра, попытайся тот вылезти из воды. Это было достигнуто увеличением мощности машин и проецированием высоковольтного напряжения в воздух над озером. Вдобавок ко всему Омега, к радости Тальмы, установил такую же стену возле домика.

Однажды ночью они вернулись рано. Тальма устала, а пару недель спустя должен был настать очень важный день. Они быстро заснули под древние журчащие мелодии. Омега не знал, сколько проспал, но вдруг проснулся. Он вздрогнул, сел и увидел, что все лампы почему-то погасли. А потом откуда-то донесся странный звук. В нем смешивались шум прибоя, бьющегося о каменистый берег, гул проносающегося по лесу ночного ветра и рокот грома. Почудилось, что дрожит не только домик — вся земля, а стены сотрясаются, будто от урагана.

Омега яростно протер глаза. Это, должно быть, сон. Но звук становился все ближе, все громче. Напуганный мужчина вскочил на ноги и

хотел закричать... Крик замер на губах: стена перед ним рухнула, будто ее смело лавиной. Следом донеслась какофония звуков: стон пола, по которому пришлось что-то очень тяжелое, — и пронзительный вскрик.

Застывший от ужаса Омега завертел головой. Где Тальма? Он отчаянно вглядывался во мрак, ощупывал ложе. Она пропала!

Он выбрался наружу. Недалеко от озера мужчина увидел залитого лунным светом ящера, чья голова раскачивалась в такт ходьбе, а в пасти — о господи! — висела Тальма!

Ужасная картина побудила Омегу действовать. Он с хриплым криком бросился к чудовищу, пролетел над ним и ринулся к жене. Крики разрывали тихий воздух; мужчина отчаянно пытался вытащить Тальму, но ящер ускорился, пытаясь добраться с жертвой до озера. Омега подлетел к голове чудовища еще раз и в отчаянии завопил прямо в ухо врага. Возможно, испугавшись безрассудной отваги человека, монстр разжал челюсти, и Тальма упала навзничь.

Ящер ушел, а Омега склонился над женой:

— Слава богу, жива!

Он подхватил ее на руки и понес прочь от разрушенного дома. Всплеск возвестил, что монстр в очередной раз вернулся в стихию, за обладание которой боролся с ними.

* * *

Вскоре Тальма пришла в себя. Она постоянно жалась к мужу и испуганно озиралась по сторонам. Она не знала, как вышла из дома и оказалась схваченной ящером. Омега предположил, что она ходила во сне. Они вернулись на корабль и заснули.

Весь свет надежды, включая Зеркало, погас, омраченный вторжением монстра. По-видимому, электрический барьер не причинил ему вреда. Омега решил, что костяная чешуя послужила изолятором.

Первое время люди оставались на корабле, но когда ремонт дома завершился, все-таки вернулись в него. Тальме он нравился — будущая колыбель новой расы. Однако были приняты новые меры предосторожности. Вокруг домика появился забор из толстых кабелей на надежных опорах с зарядами в семьдесят пять тысяч вольт. Омега был уверен, что зверю ни за что не преодолеть такую защиту. Тальма разделяла его уверенность, но на всякий случай попросила поставить такое же ограждение у озера. Когда последний провод занял свое место, люди посмотрели на творение своих рук.

— Теперь ему крышка! — ликовал Омега. — Ему ни за что не выйти из озера живым, а уж тем более добраться сюда. Никакая чешуя не спасет!

— Это хорошо... — вздохнула Тальма.

Вернувшись в домик, они уже знали, что скоро наступит решающий момент. Омега с Тальмой позабыли о мертвом мире вокруг, загнали вглубь стискивающий сердца страх и жили счастливым ожиданием, готовясь к приходу новой жизни.

Выдалась безлунная, непроглядная (не считая света звезд) ночь. Мрак господствовал среди камней и ущелий, зато дом и окрестности сверкали тысячами ламп, а гигантские прожектора сияли с соседних склонов. И, тем не менее, сходящиеся вокруг домика лучи не утомляли глаз. Механизмы исполняли свою молчаливую службу как часы. Все были друзьями или слугами человека, и никто не был властен над ним, кроме одного — смерти.

* * *

Альфа появился на свет и сделал первый глоток земного воздуха в нужном месте в самое подходящее время.

Спустя три недели он впервые отведал твердой пищи в форме таблеток, в два месяца говорил без запинки, а в шесть месяцев начал обучаться. Под внимательной опекой Омегы тело и разум малыша быстро развивались. Неудивительно, что этот ребенок — последняя красота и благословение этого мира — стал гордостью и надеждой родителей. Они берегли его от невзгод, внушали, какую великую роль он сыграет в будущем мира, говорили, что следует беречь природу и особенно стихию, от которой зависело все, — озерную воду.

* * *

Однако близость подводного чудовища бросала тень на их жизнь, омрачая счастье жарким днем и насылая кошмары ледяной ночью. Часто после захода солнца они замечали, как уродливая голова монстра высовывается из воды и злобно смотрит на них. Дважды за играми Альфа видел его и с воплями бежал к матери в поисках защиты. Той было очень нелегко убедить мальчика, что чудовище не причинит вреда. Так оно, впрочем, и было, раз ящер ни разу не попытался прорваться сквозь барьер. Животное, наделенное хитростью, которой недоставало его предкам, похоже, осознавало, что находится в ловушке. Много ночей Омега с Тальмой провели, вооружившись лучевыми ружьями и другими орудиями истребления в тщетном ожидании вылазки ящера на берег. Порой монстр

поднимал голову и всматривался в людей так долго и пристально, что по их спинам бежал холодок, а руки тряслись и давали промах. Ящер вновь погружался в воду.

Хотя люди и убеждали себя, что они в безопасности, жуткое присутствие начало подрывать их мужество. К тому же озеро все время манило Альфу — теперь трехлетнего, крупного и сильно-го не по годам. Он обожал плескаться у берега, однако пока монстр оставался в озере, это было опасно. К тому же родители боялись, что однажды ребенок наткнется на высоковольтный кабель.

Омега придумал новый план: зарядить воду электричеством. Он рассчитывал, что ток дойдет до монстра в подводном логове и моментально убьет. Он соорудил два гигантских магнита и поставил их на противоположных берегах. Потом направил мощный электропоток в воду: десятисекундные интервалы раз в час.

Две недели Омега ждал, пока всплывет труп монстра: от него надо было избавиться, чтобы он не заразил воду. Но ничего так и не всплыло.

Мужчина с ужасом стал замечать, что озеро мелеет дюйм за дюймом. Путем сложных химических реакций он создал над озером искусственное плотное облако, чтобы защитить его от прямых солнечных лучей. И, тем не менее, вода день за днем испарялась.

День за днем Омега смотрел в Зеркало в надежде, что где-нибудь вновь пробудится живая природа и на Землю вернется вода.

На протяжении множества дней и ночей монстр ни разу не высунул голову из воды, это точно: даже малейшее колебание было бы зафиксировано камерами и водными сейсмографами. Чудовище, наконец, погибло, и люди имели полное право гордиться собой, став бесспорными хозяевами последнего водного источника на земле! Теперь Альфа мог спокойно играть на берегу и плавать. Поэтому опасный барьер сняли.

* * *

Омега знал, что в начале всего Создатель сделал человека творцом собственной судьбы. Он наделил его разумом и отдал в его распоряжение Землю. Омега понимал правителя Вселенной, знал, какие приказы тот разнес по бесчисленному множеству миров, и также знал, что человечество обречено. И все же неукротимый дух, сделавший человека царем природы, побуждал бороться дальше. Омега с улыбкой обреченного запустил машины, создающие дожди. Лучи пронзили небо на сотни миль ввысь, изогнулись, словно огромные

голодные змеи, что-то засосали в свои утробы и ринулись обратно, не принеся ни капли дождя. Но однажды Зеркало снова показало маленькие облачка, рассеянные по разным частям света. Омега удивился: не было никакого логического объяснения их появлению.

— Не понимаю, откуда берутся эти облака, — говорил он Тальме.

Все трое сидели в тени кораллового дерева.

— Быть может, где-то есть незамеченные Зеркалом скрытые скопления влаги?

Взгляд Тальмы снова засиял надеждой:

— Давай посмотрим. Снова облетим Землю. Альфа еще ни разу не был вдали от дома.

— Согласен. Отправимся сейчас же.

Они вошли в серебристый корабль и отправились в путешествие над жаркими сухими равни-

нами, над городами прошлых эпох. В скорбных поисках жизни они посетили руины Нью-Йорка, Лондона, Парижа и других чудес древних людей. Но даже сами места, где когда-то были города, оказалось трудно найти. Лишь самые высокие сооружения вроде памятника Вашингтону или офисных небоскребов виднелись над многовековым слоем пепла и песка. И нигде не было ни тени облачка. Люди все равно продолжали свой путь, даже пересекли черные пустоши полюсов и заглянули в глубокие ущелья. Воды не было нигде. Они дважды пересекли экватор, ища новую гавань, но напрасно. Настойчивый вопль души и тела требовал воды, влек их обратно к озеру — последней капле утешения последним детям природы.

Перевод с английского Евгения Никитина.

Продолжение следует.

Андрей ШАЦКОВ

Андрей Шацков родился в 1952 году в Москве.

Автор десяти поэтических книг. Член Союза писателей России и Международного союза журналистов. Действительный член Академии российской словесности.

Главный редактор альманаха «День поэзии».

За поэтическое творчество был награжден Патриархом Московским и всея Руси Алексием II орденом преподобного Сергия Радонежского, а МГО СП России — орденом Гавриила Державина, юбилейными серебряными Пушкинской и Тютчевской медалями. Лауреат литературных премий: всероссийской им. Александра Невского «России верные сыны», международной Лермонтовской, общероссийской им П. Л. Проскурина, независимой «Навстречу дня!» имени Бориса Корнилова.

Долгие годы состоял референтом министра культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Проживает в г. Рузе.

В АПРЕЛЕ

Ждем гусей, жаворонки давно прилетели.
 Прошлогодние гнезда отчаянно делят грачи.
 Поутру, просыпаясь, окажешься в раннем апреле:
 «Что за дни наступили и чьи они?» — Божьи, ничьи.

От снегов до листа, и от Благостной Вести до Пасхи.
 Как зовут это время? По правде, особо никак.
 Расцветает подснежник, проснулись анютины глазки.
 Лихорадкою талой воды сотрясает овраг.

И трепещет душа — не привыкшая к веснам доселе,
 И как первая иволга, робкую песню поет.
 И несутся стрижи, и летят за стрижами метели.
 Замыкается в круг — этот первый с последним полет.

А угли «Костромы» — не дымят, догорев у дороги,
 Где зачином Поста стал Прощеного первый голбец.
 И кричат по лесам, разбиваясь на пары сороки,
 И березовым соком опять набухает рубец.

А на Вербное — верится, будет и дале Россия —
Та, которую резвым умом чужаку не понять...
И в Златые ворота Владимира въедет Мессия.
А в Торговые — выбежит в страхе полуночный тать.

Нету счастья в нужде. Нет его и в боярских хороммах.
Только здесь, на земле, на которой живет красота:
Удивляешься, ждешь, расточаешься в снах невесомых —
Где близка синева и процвел в синеву краснотал.

А МАМА УХОДИТ...

А мама уходит все дальше и дальше.
Она поднимается выше и выше
Туда, где свирели играют без фальши
И райские яблоки ветер колышет.

Под утро — бесплотным туманом белесым
Слетаются сны к моему изголовью.
В них мама платком кашемировым косы
Покрыла
и смотрит на сына с любовью.

И тихо мурлычет забытая кошка.
И мордой седой прижимается к раме.
Нам кажется с ней — вот, осталось немножко,
Откроем окно — и отправимся к маме!

Крещение в матерых снегах принимая,
По месяцам-верстам шагаю упрямо
Навстречу беде окаянного мая,
В котором навеки останется мама.

И, встав на колени, гляжу виновато,
Как тает свеча на очелье кануна.
И кажется, свет неземной от халата
Врачебного —
бел, как надгробья парсуна.

А мать поднимается выше и выше,
И к звездам уходит все дальше и дальше...
И плачут дожди, выпадая на крыши.
И тянутся снѣги в шопеновском марше.

МАЙСКАЯ БАЛЛАДА

За ветром взывают мечи...

Александр Блок

По травам, пока не белесым
От утренней зябкой росы,
Бреду по пологим откосам,
А вслед — заливаются псы.

Бросятся — дело — не дело,
По следу печали спеша...
Но шаг не прибавило тело,
Пока каменела душа.

И полнилась знанием вещим,
Пришедшим из темных веков.
И воронов стаи зловеще
Терзали небесный покров.

И граяли, точно с досады
Упорного в Вере кляня...
Но только у самой ограды
Оставили силы меня.

Я знаю, что майские смуты —
Страшнее январской пурги.
И вплоть до последней минуты
Не ведомы будут враги —

Семь смертных грехов на потребу
Кому-то
сокрыли мечи...
Они — вопиющие к небу,
Пребудут твои палачи.

Последняя гаснет зарница.
В полях расточается мгла.
И только открыта страница
В углу, где лампада светла.

И скоропись полуустава
Вещает дрожаньем руки,
Что сбита набегом застава...
А дальше — обрыв у строки.

Конец заполошного мая
Слезами дожди окропят.
Арбы и повозки Мамаю
По пыльным дорогам скрипят.

И встать на путях его — лучше,
 Чем мышью таиться в углу...
 Стрелец — неприкаянный лучник,
 Я к бою готовлю стрелу!

И что мне за дело, что кто-то
 Поднимет отчаянный плач
 И выбежит вслед — за ворота
 На тракт, где охрипший трубач

Сыграл.
 И дорожные клены
 Прощаясь, не прячут печаль.
 Но реют по ветру знамена,
 И плещет в оконницы сталь!

И маяться мороком мая
 Нам всем суждено по делам,
 Тщету и печаль принимая
 С надеждою — напололам!

Аэродромная элегия

Прощай!
 Показалось, я жить не могу!
 Мы вечность над лентой посадочной кружим!
 Мне б лучше стоять по колено в снегу
 Иль шлепать в раскисших ботинках по лужам!

И сбывлись мечты. Завершился полет,
 А с ним бесконечного флаттера тряска...
 И выплюнул нас на бетон самолет,
 Чтoб дольше продолжилась аэросказка.

В Минводах туман над посадом стоит.
 Стрела авиона не чиркнет по своду.
 Звезда со звездой о чем говорит
 В такую погоду,
 в такую погоду?

Нам час не хватило до вечной любви!
 Шасси обнимает шальная поземка...
 Где нежные женские плечи твои,
 Моя незнакомка,
 моя незнакомка?

В брюхатой машине на Млечном Пути
 Натянуты нервы и рушатся связи...
 Мне б лучше пешком по России идти
 На Черные грязи,
 на Черные грязи!

ЛЕСНОЕ

А. Климову-Южину

Все тот же лес, волшебный и родной.

Ф. И. Тютчев

Когда идет грибной сезон
И обживают небо стаи,
Утрами — беспокоен сон,
К рассвету — все в округе встали.

Земля Руси родит опять,
Взбегают на угор обабки...
В грибной сезон спокойно спят
Цепные псы и ведьмы-бабки.

Их злость сегодня не нужна.
От яблок Спаса до Покрова
Россия, как княжна — нежна
И заговора знает слово

От непогоды и тщеты,
От нахождения силы вражьей.
Гляди, как сдвинули щиты
Деревья в заросли овражьей.

И я, отбив июльский срок
Жары — ниспосланной от беса,
Под стрекотание сорок
Иду под купол храма леса.

И каждый шаг, и каждый вздох —
Осенней свежестью окатит.
А прорезиненных сапог —
До окончания жизни хватит!

И устремляется душа
Под кроны сосен — в аер лепший.
И мухоморы не спеша
В котомку собирает леший.

От дальних елей островов
Плыву по мхам и травам бодро.
И понимая все без слов,
Мой друг заглядывает в ведра

С грибами — чайньем Руси,
Предзიმью протянувшей длани...
И окоемом в небеси
Уходят светлые елани!

В СМЯТЕНИИ ПОКРОВА

Среди берез, опавших поутру
 Последними осенними листьями,
 Я тоже упаду или умру,
 А продолженье выбирайте сами!

Рука свинцовым грузом налилась.
 И пальцы не сложились в крестный шепоть.
 Ну вот и все... К концу приходит власть
 Твоя
 над сердцем и душой поэта.

Как пасмурно... Не видно птичьих стай.
 Они давно за окном умчали...
 Ну что еще... Опять наступит май
 Но без меня и без моей печали.

Порхает снег и падает листва,
 В смятении ненастного Покрова.
 Как мало в брэнной жизни естества.
 Как скудно нацарапанное слово.

На бранном поле Божьего суда,
 Где все решает мужество и вера,
 Я знаю — остается респота
 И исчезает прошлого химера.

СЮЖЕТ О ЗИМНИХ МАРГАРИТКАХ

Кривая судьбы... Синусоиды дно.
 В рождественских окнах горящие елки...
 Я пью свою горькую кровь, как вино,
 И к храму бреду в одиночестве волка.

Лишь в горле катается теплый комок,
 Что нежностью был, с достопамятной встречи,
 Когда я впервые — судьбу превозмог
 И шел на свиданье — Буслаем на вече!

И первую стражу стояла зима.
 Отринув бессмыслие слова — предзимье.
 И ты торопилась на встречу сама —
 Поземки речной осиянная синью.

И руки свои укрывала в моих
 Ладонях
 от хлада морозного пара.
 И все повторяла, как школьница, стих:
 «Мы вовсе не пара, мы вовсе не пара!»

А я и не помню, что было тогда,
Хоть память приходит больными ночами...
Мелькнули мгновенья, минули года,
Сомкнувшись, как воды, у нас за плечами.

Те зимние дни не вернутся назад,
Растаяв сугробом у самой калитки
Скрипучей,
 ведущей тебя в палисад,
Где вместо снегов — расцвели маргаритки.

«Цветы Богородицы» — лета привет,
Которое вовремя к нам не припело...
Как жаль — не сложился о счастье сюжет,
Но это в России — обычное дело.

Станислав АСЕЕВ

Продолжение. Начало в № 1, 2, 3 за 2015 год

МЕЛЬХИОРОВЫЙ СЛОН, или ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ДУМАЛ

РОМАН-АВТОБИОГРАФИЯ

ГЛАВА 10. ЛЕГИОН

Мы все нуждаемся в смысле. Но прошу — не спешите мне возражать! Ибо эта маленькая вещица вовсе не столь мала и проста, как может показаться на первый взгляд, и тот, кто испытывает в ней наибольшую нужду, порою носит мундир безразличия с куда большим упорством, чем с искренней тягой к земле. Разве не мучительно выполнять самую тяжелую работу без мысли о приятном вознаграждении в конце? Разве мы стали бы рыть все эти бесчисленные норы к успеху, тратя порой целую жизнь на костюм от Готье, не зная мы о том, что провал так же горек, как и сильна сладость победы, поджигающая нас впереди? Сколь сильно вы смогли бы полюбить жизнь, не положи вы свое собственное счастье в залог того, что каждый ваш вздох, каждое движение на этой земле наполнено величайшим смыслом и нет ни единой крупички во всем мироздании, лишенной блеска награды за труды? Но порою наш ум, томно потягиваясь в глубинах души от сладкого сна, охватывает всю жизнь целиком, не размениваясь на частные мелочи, и выносит мучительный, но и столь же неотвратимый приговор вселенной, под которым я имею в виду абсолютную тщетность и соразмерность любого из начинаний, выполняемых нами на этой земле. Обыкновенно это то состояние вашей души, когда

вы более не видите никакой разницы между прочисткой канализационных систем и управлением целым государством, а ваша собственная жизнь представляется вам не более чем исключением из набора условностей, чей список еще недавно вы наполняли собой. Остроумные психологи назовут это депрессией, я же склонен считать естественным состоянием нашей души, лишь благодаря чудовищной удаче забытым нами в бурном потоке житейских страстей.

Но веду я, друзья, вот к чему. Что делать человеку, вдруг узревшему мир с его темной изнанки? Как вновь обрести ту прозрачную, легкую, бесплотную вещь, наполнявшую собой целую вселенную, помещавшуюся, однако, у нас в кулаке, когда мы с восторгом сжимали в своей руке ладонь любимого человека? Кто вновь запустит эти часы, замершие в ожидании чуда, чей ход отныне кажется лишь мерой тугой пустоты, прочно осевшей на наших собственных душах, словно столетняя пыль в заброшенном прежде особняке?

Мое собственное пребывание на этой земле всегда было для меня чем-то вроде манерной игры, когда обоим участникам уже давно известен итог, и все же ритуал вежливости не позволяет вам сказать все, что вы думаете о сопернике, глядя ему прямо в лицо. Но, как и всякая крайность,

со временем бессмысленность жизни обернулась для меня абсолютной судьбой и фатальностью, чье выражение сперва находило себя в ловких житейских этюдах, которые я набрасывал почти что шутя, в конечном итоге воссияв надо мной яркой французской мечтой.

Но начал я с мелочей. Копаясь однажды в стопке старинных фамильных фотографий, я отыскал один занимательный снимок, который по какой-то необъяснимой причине любил рассматривать еще с раннего детства. На старом пожелтевшем фото конца тридцатых годов мой предок стоял в полный рост, опершись о какой-то деревянный стул и гордо выставив вперед грудь. А в правом нижнем углу торчал кусочек чьего-то ботинка, нарушая всю гармонию выполненной композиции. Несмотря на то, что эта фотография была одной из моих любимых, долгое время я просто не мог смотреть на этот явный ляп, не замеченный фотографом, который порой вызывал у меня чувство мелкой дрожи, обычно являвшейся следствием чрезвычайной брезгливости. Но затем я понял, что эти лишние два миллиметра — и есть сердце самой фотографии, ее душа, запечатлевшая в себе чье-то присутствие легкой ретушью обыденных фигур. Кто-то ворвался в этот застывший миг самой жизнью, не желая оставаться за кадром: ботинок, его блеск, цвет, нога, носившая его, быть может, не один десяток лет, — все это было живым, добавляя жизни и моему предку, чей стройный стан гордо красовался на белеющем фоне.

Конечно, это был я. То есть я вовсе и не думал считать, что старый блестящий башмак времен Джугашвили является мною, но сети были ясны: я точно такой же кусочек бессмысленной ткани, застывший на лице пожухлой земли. Но вместе с моей ничтожностью мне присуща и величайшая миссия — просто существовать, безо всяких оправданий и поломанных о стену мечей.

Считая себя самого своей же собственной судьбой, можно обрести и тяжелую руку отца, и вполне достойное оправдание всем своим поступкам, что называется, в одном флаконе. И все же для меня это было чем-то большим: я искренне верил в то, что вся мировая история подстраивается под каждый мой шаг, каждое движение моей взъерошенной души, которые влекут за собой целую цепь вполне определенных, а потому разумных событий. Перевернув гегелевские рельсы истории вверх ногами, я соединил невозможное: абсурдность своего собственного удела с его неизбежностью. Бессмысленность каждой минуты моей жизни чудесным образом уживалась с ее необходимостью, так что впоследствии я стал думать об абсолютной

невозможности существования этого мира без моей персоны. И в этом мне помог Легион.

Конечно, правильнее было бы сказать, что мое путешествие в страну свобод, сыров и кофе стало лишь следствием того безумия, которое уже и без того тлело в моей душе, дожидаясь своего часа, чтобы выйти на поверхность в блеске пурпурных одежд. И все же, осмысливая и теперь ту одержимость, что овладела мною на долгие несколько лет, я склонен считать Иностранного легиона мерилом собственной жизни, от которого я и по сей день веду некий абстрактный отсчет.

Как и все грандиозные идеи, посещавшие мой мозг, идея вступить во Французский легион пришла ко мне совершенно случайно — на углу улиц Богдана Хмельницкого и Марии Ульяновой, когда наш автобус как раз поворачивал на одну из них. Странно, но я столь ясно и отчетливо вижу тот миг, что запомнил даже небрежное выражение лица моего приятеля, которому я только что сообщил о пока еще лишь гипотезе. Сами мы вели беседу о том, чем станем заниматься по окончании университета, и что ни одного из нас не прельщают те узкие рамки, которые предлагались нам нашей землей: край заводов и фабрик всегда смотрел исподлобья на шуршание мысли, едва лишь кто-то пытался сменить молоток на тетрадь, что, с моей точки зрения, было совершенно оправданно — это мы, со своими «Луцилию» и «Началами», были здесь лишними, а не наоборот. И вот, в качестве шутки, я бросил легкую, словно утренний майский рассвет, мысль о том, что неплохо было бы вступить в ряды Французского иностранного легиона, что избавило бы от необходимости помнить все то, что уже с успехом было вбито нам в голову за прошедшую тройку лет, тем самым вновь поместив нас в мир нормальных обычных людей.

Но хочу предостеречь вас от пагубной мысли, которая может шепнуть вам на ухо, будто мы с презрением относились к тем, кого считали нормальными людьми. Уверяю вас, что сам я питаю почти непреодолимое уважение к машинным мазутам и гулким цепям, с которыми в будущем раздельно долгие зимние ночи на железнодорожных путях, загружая товарные вагоны, несмотря на то, что истинное начало этого чувства лежит именно в моем презрении ко всем, кто носит университетский пиджак. Нет, идеал нормальных, мыслящих толстой зарплатой и горячим обедом людей станет для нас недостижимой целью, чей восковой блеск будет таять в безумном огне. А пока же мой друг лишь посмеялся над таким предложением, сказав, что это все равно как нанять прокурора, ожидая от него защиты в суде.

— Наше образование нам и так обходится слишком дорого, чтобы еще бежать от него на край света, — сказал он мне с улыбкой, ни капли не подозревая, что с этого самого момента не будет и дня, чтобы я не обдумывал до мельчайших подробностей план того, как однажды окажусь в *Légion Étrangère*.

Впрочем, поначалу это была лишь теория. Отбросив для себя монастырь и осознав неосуществимость благородного жизненного плана, по которому мой будущий красный диплом должен был стать началом головокружительной карьеры, а также не ощущая ни малейшего желания завести семью и пускать здесь корни, я небрежно тербил внутри себя эту мысль — отправиться в пятилетнюю ссылку, где не будет ни малейшей возможности погрязнуть в рутинном котле. Но была одна проблема: я не имел ни малейшего представления о службе в наемных войсках, из-за чего была весьма высока вероятность того, что, подписав контракт, я добровольно выпишу себе тюремный срок, и следующие пять лет окажутся хуже кричащих детей и накопления на новый холодильник.

Но вы можете спросить: если меня не интересовала карьера военного, как же я представлял себе свою собственную будущую судьбу? Что ж, это было неважно. Позвольте мне объяснить. Мой путь к кондитерской фабрике, на которой я в будущем стану с успехом бросать картонные коробки в товарные поезда, лежал мимо огромного металлургического завода, растянувшегося на несколько километров гигантской бетонной стеной, скрывавшей от глаз усталых рабочих железного монстра. Стена эта так близко прилегала к обочине, что, сидя у окна, можно было дотянуться до нее рукой, рассмотрев каждую трещинку в ее бетонном брюхе. Дорожная пыль оседала на ее белых тонах, после дождя и вовсе окрашивая стену в черные потеки, и все, что вы видели в следующие двадцать минут захватывающего путешествия, — это грязную плиту с советской побелкой, на которой за несколько месяцев поездок мне стала известна каждая трещина, сделавшаяся в моей голове мерилом бессмысленно вспыхивающих дней. Нередко я представлял себе, будто меня расстреливают под этой стеной, не давая сказать ни единого слова, ибо ненависть к однообразному серому пейзажу, почти ежедневно наполнявшему мои зрачки, была столь велика, что я был готов на что угодно, лишь бы избавиться от пытки каждодневного лицемерия этого куска камня.

Отправляясь в путешествие в Иностраннный легион, я был готов погибнуть в нигерийских джун-

глях, разбиться в авиакатастрофе, так и не долетев до Парижа, умереть от ножа какого-нибудь марсельского бродяги, в конце концов — просто отслужить положенные пять лет, выдумав для себя по их прошествии очередную эфемерную цель, на которую я бы угробил полжизни, — в общем, все что угодно. Но я не был готов умереть здесь, возле этой бетонной стены, никому неизвестным статистическим элементом, как сотни, как тысячи других людей, чья судьба уже давно была вмурована в этот вал. Нет. Только не я. Только не так. Не здесь. Не в Макеевке. Конечно, смерть в джунглях не делала мне большой чести, равно как и не возводила на пьедестал почета и славы, где я мог бы купаться в лучах признания даже после собственного печального конца. Но повторю — это было неважно. Та стена стала для меня символом всего моего существования: холодного, вязкого, молчаливого, разлитого одной бетонной глыбой посреди дымящихся шахт и черных терриконов. Едва ли меня могло ожидать что-то худшее, а потому я без зазрения совести предоставил свою собственную судьбу воле случая, готовый принять любой из возможных вариантов. И однако же все это будет значительно позже и едва ли раскроет вам подлинную причину моих бегов, а потому я позволю себе развернуть перед вами само полотно, предоставив вам самим судить о его цветах и оттенках.

Итак, начиная с третьего курса моя жизнь целиком преобразилась: казалось, ничто не может увлечь меня более, чем мысль о совершеннейшей сложности и безумстве той идеи, которую я таил в своей душе. Следующие два с половиной года я проведу в непрестанных тренировках, бегая по шесть километров пару раз в неделю, дабы постоянно держать себя в форме, не давая не только расслабиться телу, но и растаять моему уму, всякий раз намеревавшемуся избавиться от той идеи, которая целиком поглотила мое существо. Через год в моей жизни появится Джейн, но даже и она была не в силах уберечь меня от мысли о неизбежности парижских полей, всецело разделяя мое убеждение и не претендуя на большее, чем только лишь на год, который оставался до намеченной цели. О, в этом была ее величайшая сила, сила ума, когда даже самое неясное пятно свободы становится ярчайшим блеском наших собственных туманных грез, — и кто вправе решать, чья жизнь не стоит заблуждений? Быть может, не понимая меня до конца, она уверенно приняла мой выбор, сказав, что время, проведенное со мной, заменит ей потерянные годы без меня.

Отныне я жил мечтой. Не скрою, из-за ее отдаленности порой я едва находил в себе силы, чтобы

продолжать жить мыслью об Иностранном легионе, словно заключенный, отсчитывая недели, когда наконец наступит тот день и я вырвусь из рутинных оков мироздания и ступлю в совершеннейшую пустоту, неизвестность, чей туман пробуждал во мне дрожь. Тот зеленый огонек, в который так верил Гэтсби, горел для меня ярким малахитовым пламенем, освещая долгий ночной путь к заветной мечте. Но для Гэтсби он и был мечтой, недостижимой сумрачной сагой, чьи холодные стихи покоились на вершинах человеческих сердец. Я же близоруко искал свечу, капая себе ею на нос.

Но знаете что? Поместив себя в добровольное заточение, я обрел нечто большее, чем просто причину прожить еще пару лишних лет. Да, в моей жизни появилась цель, но это было не главное, ибо, возникнув из пустоты, не было никакой гарантии, что в один прекрасный день она так же не испарится из моих рук, как и была занесена туда ветрами случайности и абсурда. Я понял одну простую вещь, которой вас не научат в церкви и о которой не расскажут на лекции о святых: если ты чего-то хочешь — просто возьми это, каковым бы ни был предлог.

Я окончил учебу в январе. А уже на конец апреля в моем шкафу лежал билет в один конец до Парижа, а также целая стопка необходимых документов, часть из которых я подделал лично, получив остальные благодаря фиктивному приглашению на конференцию в Люблин в качестве специалиста по продаже шлангов для полива садов. Да, эта ниша торгового бизнеса все еще мало развита, но она представляет собой просто Клондайк для того, кто умеет смотреть в будущее без защитных очков. Конечно, всю эту рекламную чушь я приготовил для парижских пограничников, если бы вдруг они пожелали узнать, какого черта я приперся в Париж, вместо того чтобы рассказывать в Польше о чудесных свойствах резиновых шлангов на несуществующей конференции. Но все прошло идеально, и мой представительный вид, главным в котором были зеленая рубашка и серебристый галстук, в будущем беспрепятственно проведет меня к парижским дождям, а пока же я усиленно тренировался, продолжая наматывать круги по весенним полям у чернеющих макеевских шахт.

Порой вся наша жизнь напоминает мне не что иное, как знаменитый побег из Алькатраса: длинная, невероятная, утомительная подготовка и минутное исчезновение в темной пучине ночных волн. Мы годами прорываем дыры к своей мечте, безумной цели, будто бы ведущей нас на свободу, спасающей от невыносимых узких стен, скрывающих солнечный свет и голубую твердь

неба; карабкаемся по ржавым сношенным трубам, выползаем на самый верх, вершину, уже одно пребывание на которой дарует нам свежий поток морских бризов, бьющий в нос ароматной свободой, — но это еще не финал. Еще не связаны плащи, еще не блеснула в ночной тишине та самая единственная волна, поджидающая безумных авантюристов, решивших переступить невозможное, словно ненужный булыжник на пути к заветной мечте. Погибнем ли мы в этой воде? Заключит ли нас в свои объятия морозный холод залива, или все же где-то вдалеке перед нами откроется новая жизнь с теплыми манящими огоньками, что так долго блестили в наших темных сердцах?

За двадцать дней до вылета я бежал по шоссе. Пробежав уже большую часть маршрута по рельсам и промокшей земле, я выбежал на ровный участок дороги — как вдруг почувствовал резкую боль в левом колене, отчего тут же начал прихрамывать и слегка сбросил темп. Боль возникла столь неожиданно и спонтанно, не имея никаких явных для того причин, что я не придавал ей большого значения и, хромя, добежал до конца. Это, знаете ли, у меня нечто вроде давнишнего спора с самим собой: однажды во время бега мне стало так плохо, что я уже готов был остановиться прямо посреди железнодорожных путей, как вдруг мне в голову пришла мысль, что стоит мне однажды пойти на поводу у собственной слабости — и в следующий раз я намеренно стану искать причины, чтобы избавить себя от нужды добежать до конца. Эти соображения, а также гудящий поезд с углем, который показался позади меня, привили мне отличную привычку никогда не бросать начатый маршрут, и с тех пор я всегда довожу бег до конца, как бы паршиво я себя ни ощущал. Так произошло и в тот день, что было крайне глупо с моей стороны, ибо уже на следующее утро я едва мог проскакать на одной ноге до туалета.

Я не мог в это поверить. Это просто невозможно, чтобы вот теперь, когда я уже мысленно укладывал свою огромную бирюзовую сумку в салоне Air France, бессмысленная случайность свела на нет последние годы моей жизни, превратив их в никому не нужный шелест прошедших ветров. Основываясь на этом несокрушимом убеждении, сперва я решил, что боль пройдет сама собой, но, пролежав в постели два дня и не получив ни малейшего облегчения, я понял, что ждать больше нельзя, нанял такси и отправился в городскую больницу, где мне тут же сделали томографию и вынесли оглушительный диагноз: поврежденный мениск. О беге можно было забыть. По меньшей мере год требовался для достойного восстано-

ления, после чего врачи рачительно рекомендовали мне избегать серьезных нагрузок, коль я уж не соглашаюсь на то, чтобы мое колено изрезали вдоль и поперек.

Признаюсь, я был опустошен. Я не понимал, о какой операции, о каком годе восстановления может вообще идти речь, когда через восемнадцать суток должно было свершиться то, чего я ждал вот уже 975 дней! Но, как известно, отрицание лишь одна из стадий смирения, а потому, не поверив местным специалистам, я отправился на частный прием к одному из светил медицины, который с прискорбием подтвердил оглашенный диагноз и стал настойчиво уговаривать меня лечь под нож. Категорически отбросив эту идею, я почти что проклятиями заставил несчастного врача выписать мне рецепт мощнейшего обезболивающего, которое я должен был состряпать сам из тринадцати различных препаратов, — и, сжимая в своей руке помятый листок бумаги, отправился обратно домой.

Запершись в своей комнатухе с перевязанной ногой и целым кульком таблеток и мазей, я стал думать о том, а есть ли вообще в этом мире что-либо кроме бессмысленной игры случая и тщетных ставок на верность судьбы? Я посвятил свою жизнь игральным костям, а взамен получил больное колено и хромоту? Разве так расплачиваются с теми, кто ставит на кон все, — несчастной двадцаткой, чтобы можно было купить сигарет? Ну так вот, дамы и господа, вынужден вас огорчить — я не курю, и в тот день я собирался раз и навсегда выяснить, во что же я все-таки верю.

Сидя в своей темной келье в полнейшей тишине и полумраке, я буквально ощущал, как к моему горлу подкатывает целый комок слез и постепенно карабкается все выше и выше. Абсолютная безысходность и трезвость рассудка повернули меня к надежде и вере в счастливый исход, и я вновь стал взывать к высшей силе, как если бы мир не был голой безмолвной стеной. Помню, как в полутемной комнате с зашторенными окнами я стоял на правом колене на полу, выставив поврежденную ногу вперед. Опершись рукой о кресло, я лепетал только об одном: «Господи, не лишай меня этого! Прошу, не отнимай то единственное, что держит меня здесь. Ведь так должно быть. Я должен лететь. Это моя судьба, мое предназначение... Я просто не могу умереть здесь, как все. Я не верю в это. Слышишь, не верю! Разве такую судьбу ты уготовил мне? Для чего ты испытываешь меня, для чего оставил меня в этот трудный час, когда ты единственный, в ком нуждается душа моя? Но я не откажусь, слышишь?»

Что бы ни случилось — ты должен знать это. Не дай душе моей соблазниться о тебе, но даруй мудрости принять все, что пошлет мне воля твоя. Аминь».

Да, наверное, это было жалкое зрелище: здоровый двадцатидвухлетний парень, стоящий на одном колене с перебинтованной ногой и справляющий молитву к закрытым серебристым шторам. Да и в чем, собственно, состояла трагедия? Пусть я потратил последние деньги на поездку, но разве бы мне дали умереть с голоду, разве не помогли бы стать на ноги, откажись я от Легиона? Конечно же, да. Мать до последнего отговаривала меня от поездки, даже когда я стоял с сумкой в дверях, чем, надо сказать, только ухудшила мое положение. Но дело было не в этом.

В одном из документальных фильмов об Иностранном легионе однажды было очень точно подмечено, что для легионеров бег — это религия, ибо здесь бегали все: от командиров до рядовых. И вот, живя с этой идеей несколько лет, выбегая на пробежку теплыми майскими вечерами с одной-единственной мыслью, что когда-то эти ноги будут бежать по французской земле, за двадцать дней до вылета я повреждаю колено. Это могло случиться год назад, полтора, два, — но произошло именно сейчас, когда боль стала просто невыносимой, а времени на восстановление не было вовсе.

Можно ли верить в бег, не имея ног? Возможно ли кадить этому чудовищному левиафану своей темной души одним лишь упорством, одержимостью, не имея мужества обернуться к пустым алтарям? Я так и делал. Несмотря на мою молитву, вымоченную в соленых слезах отчаяния, для себя самого втайне я уже знал ответ: моя поездка неизбежна. Господи, даже если ты отнимешь у меня вторую ногу и остаток того, что еще можно было назвать разумом, — я доползу на брюхе до Парижа и таки постучу в эту проклятую дверь! Легион поглотил меня, как маленьких рыбешек заглатывают огромные черные чудовища, еще некоторое время оставляя их в живых в темном подzemелье своего жадного брюха.

Слегка успокоившись, от религиозных волнений я вновь перешел к холодному голосу разума, пытаюсь осмыслить основное препятствие на пути к зеленым холмам. В конце концов, это была всего лишь боль. Не хочу показаться смешным, ведь я имею в виду вовсе не те философские измышления, убеждающие вас в том, что ваша собственная больная нога — всего лишь продукт бессвязных впечатлений, целиком подвластный вершинам духа и мысли. Все это полная чушь. Нога болела

так, что порой при ходьбе я опирался на нее как на костыль, не сгибая ее ни на градус. И все же внешне я был в полном порядке: у меня были обе ноги и обе руки, так что, не подавая я никаких признаков боли, никто бы и близко не смог догадаться о моей проблеме, во всяком случае — на первых порах. Поэтому весь вопрос упирался только в одно — как долго я смогу терпеть? Мне было нужно яркое пугало, которое бы стало причиной сжатых зубов: мир был безликим, и все же он должен был стать моим личным врагом, чтобы я мог возложить на него всю ответственность за то, чему в действительности не было ни малейшего оправдания.

Итак, я решился лететь. Последние восемнадцать дней я провел в полнейшем покое, стараясь лишний раз даже не вставать к обеду, дабы чудесная мазь и отсутствие всяких нагрузок хотя бы на йоту уменьшили боль. Должен вам сказать, что этот период моей жизни был самым плодотворным из всех, какие можно отнести к подлинному человеческому существованию, когда мы нехотя вылезаем из тысяч колес, которые, словно маленькие зверьки, вертим от кресел к работе и смотрим на собственную жизнь с известной колкой ухмылкой, приводящей в движение уже колесо мыслей и дум. Конечно, холодный рассудок и тугая повязка на левой ноге — прекрасный предлог, чтобы и дальше лежать на диване, согнувшись от вихрей судьбы. Но разве разум — это только не тень, принимающая форму наших страхов и бегущая от ослепительной глубины, таящейся в каждом из нас? Но иногда бояться — означает обладать даром, которого лишены осушенные бокалы некоторых человеческих душ. Впрочем, не мне рассуждать об этом. У самого меня все же была цель, и ее едва различимые для простых смертных черты обладали для меня сиянием самого солнца, временно поблекшего от череды преград и затмений. Но что бы ни вело меня к этой цели, я ощущал, будто оно не ведет меня к ней за руку, а держит за шею, тащит за волосы, немymi криками подсознания заглушая слабые огоньки разумных доводов и предписаний. Нет, это вовсе не тьма — это сама жизнь, которую мы старательно прячем от самих себя в надежде так никогда и не узнать, кто же мы на самом деле, так никогда и не взглянуть в дуло пустого револьвера, в шутку заряженного кем-то нашими страхами и пороками. Что ж, выдержка — добродетель простодушных, и вместе с ними я готов терпеть еще тысячу лет, лишь бы настал тот день, когда я наконец смогу рассмеяться в лицо самому себе, задыхаясь от счастья потраченных лет.

Но судьбе было угодно, чтобы мое тело, и без того изрядно изувеченное, испытало еще одну

прискорбную неприятность, — и перед самым отлетом я подхватил легкий бронхит, впоследствии ставший причиной весьма специфических ощущений, которые настигнут меня в аэропорту. Уж не знаю, как это вышло — ведь за все восемнадцать дней я ни разу не выходил никуда дальше кухни, — но за сутки до отъезда температура моего тела начала стремительно повышаться, так что, посильнее махнув рукой на те цепкие клещи, которыми сжимала меня родная земля, я залпом выпил трехдневную дозу противовирусных таблеток, отчего получил небольшую сыпь на здоровой ноге, после чего действительно почувствовал себя несколько лучше. Но все это уже не имело никакого значения: что такое легкая простуда в сравнении с нерабочей ногой для места, где бег — это бог, чье бытие вы ставите под сомнение своей хромотой? Вот именно — ничего, а потому — то ли от чрезмерной дозы таблеток, то ли от особого расположения планет, — я ощутил необъяснимый покой и приятное тепло в области лба, преспокойно отдав себя в руки последней ночи перед наступлением столь долгожданного утра. И это утро настало.

Я четко помню основную мысль того дня: как я, мальчик из небольшого украинского городка, стоя прямо сейчас на красном узорчатом ковре в своей квартире, уже сегодня, в этот самый день, могу оказаться в самом центре Парижа, в столетних стенах Fort de Nogent? Особенно сбивал с толку ковер: казалось, между ним и Францией — целая пропасть, это просто невозможно, чтобы уже через пару часов я летел в самолете навстречу совершеннейшей неизвестности. Меня всего трусило. Я чувствовал невероятную слабость во всем теле, к тому же подкрепленную действительной, физической простудой. Но это был не страх. В своей жизни я испытал разные вещи, так или иначе приближавшие меня к какой-то грани, чудовищному переплетению разумности и абсурда, свивавшихся во мне столь сильно, что сам я был причудливой химерой из собственных заблуждений и иллюзий. Чем-то похожим на это был и прыжок с парашютом, через некоторое время после которого я совершил еще один, но уже с проржавевшего моста в реку, обвязанный у основания ног эластичной веревкой. И если в первом случае я не испытал ни малейшего страха, вместо этого ощущая глубокое чувство тревоги, — то, когда прыгал с моста в Днепр, у меня сложилось впечатление, будто я падаю в бездну, не будучи сдержан никакой из известных мне земных сил. Это падение вызвало во мне животное чувство ужаса — незабываемое ощущение, которое,

быть может, мне удастся вновь испытать в своей жизни лишь единожды — перед самой смертью.

Что же до поездки в Легион, то ощущения, скорее, походили на прыжок из самолета, когда перед вами открывается причудливая панорама квадратных полей и дорог, льющихся, как змейка, среди овальных дуг горизонта: ни высоты, ни страха я не ощущал — лишь туманное чувство неизвестности, через секунду сменившееся фиолетовым крылом парашюта и приятным теплым ветерком, обдувающим горячее лицо земли.

Тем временем, загрузив в себя еще несколько жаропонижающих вкупе с двумя стаканами растворимых порошков, я благополучно сел на борт самолета, который должен был перенести меня из Донецка в Киев, где меня уже поджидал рейс в аэропорт Шарль де Голль.

Несколько слов о моих родных. Джейн была единственной, кто знал о поездке всю правду, тогда как мать и остальные домочадцы и близко не подозревали, куда же я отправляюсь, имея лишь смутные представления о французской земле. Причин тому было две. Во-первых, аплодисменты, раздававшиеся у моральных крестов, на которых мои родные всякий раз распинали себя ради добровольных страданий и мук: узнай моя мать о том, куда в действительности собрался ее славный отпрыск, которому все еще рядом с тарелкой клали помытые ложку и вилку, повернутые строго на север, — она бы не просто попыталась отговорить меня от этой идеи, превратив два с половиной года в сущий ад, но и стала бы истинной жертвой, уподобившись тем, кто своими слезами над гробом обычно отнимает всю славу виновника торжества. Во-вторых, зная охи и ахи слезливой родни, я бы и сам невольно сорвал те самые аплодисменты, которые так презирал, даже сквозь плач понимающих глаз. И лишь Джейн была способна понять все бремя свободы, выпавшее на долю каждого из нас: но я не хотел ни слез, ни сожаления, ни любви. Мне нужен был голый выбор, а не повод кивнуть на других. Именно поэтому, улетаая в четверг, я заранее назначил на пятницу свидание с Джейн, избежав тем самым тяжелых прощаний и искушения остаться в стране.

Но это не помогло. Растущая температура, лихорадка и мирное алое небо, таявшее на фоне вечерних огней самолета, погрузили меня в глубочайшие размышления, заставляя сложить на весы туманную невесомость будущего и тучность прошедших годов. Ведь это была Джейн. Моя Джейн! Да, это она, девушка, чья изысканность и утонченность поразили мое грубое сердце, еще не успев стать чем-то банальным, ежедневным, высушен-

ным на старой веревке из ссор и обид. Ее смех и улыбка назойливо звучали в моей голове, и, уже подлетая к киевскому аэропорту, я вдруг понял, что совершаю ошибку, что не смогу прожить пять лет без человека, которого так люблю и которого так цинично обманул перед самым отъездом, не дав с собой попрощаться. Эта мысль мелькнула как молния, лишь на мгновение завладев мною, но определив мое будущее благополучное возвращение чьей-то бесплотной рукой. Да, до посадки оставалось не более четверти часа, и в эти пятнадцать минут вошли все годы моей жизни, которые я потратил на мысли об Иностранном легионе. Приняв главную цель своей жизни на углу одного из перекрестков, я так же беспечно отказался от нее почти за несколько часов до ее осуществления.

Я плохо помню следующие двадцать минут полета и сошествие по трапу, ибо в себя я пришел лишь тогда, когда уже стоял посреди терминала, задыхаясь от духоты помещения. Сняв с себя верхнюю одежду, я вышел на улицу и нашел небольшую скамейку, где и принялся осмысливать то, что еще недавно считал для себя невозможным.

Но сколько бы я ни думал о Джейн, сколько бы ни пытался возродить те приятные воспоминания, которые топпились теперь одно за одним в моем горящем мозгу, я понимал, что ответа здесь быть не может. Это не задача, не линейный расчет с пропущенной цифрой, а японское хокку из увядших осенних цветов. Я ощущал, словно кто-то специально играет моим умом, бросая из крайности в крайность, не давая собраться с собой. И из двух полюсов я выбрал слепую середину: решив продолжать поездку, я вместе с тем отправился в одну из авиакасс, где на последние деньги купил обратный билет на тот случай, если вдруг за следующие несколько дней мне в голову взбредет что-либо еще, отчего я захочу покинуть Европу и отправиться обратно домой. В самом стеклянном окошке меня встретил осуждающий взгляд пожилой дамы в очках, словно я собирался взять у нее взаймы приличную сумму денег, а не купить несчастный билет. Слегка наклонившись к микрофону, она строго произнесла:

— Молодой человек! Кто ж обратный билет берет за час до вылета? Весь экономкласс забронирован на двадцать дней вперед — осталось всего два места на это воскресенье, так что вам серьезно везет!

С последним я бы мог поспорить, но холодный озноб то и дело сменялся приливами жара, так что я поспешил расплатиться и отправился на рейс Air France. Уже усевшись в салоне, я ощутил, что весь

горю, и внутреннее состояние моего организма было сравнимо лишь с невыносимой жарой Каира, в котором мне однажды посчастливилось побывать в середине июля. Но именно в этом городе, среди прочего, стоя у светофора (что само по себе уже редкость) и тщетно надеясь на красный свет, на противоположной стороне улицы я увидел нечто незабываемое — старика, на котором не было ни дюйма одежды. Он был обмотан лишь грубыми тряпочными мешками, перевязанными какой-то клейкой лентой. Цвет его лица походил на застывшую коричневую глину, увитую почти до низа шеи густой седовласой бородой.

Но не это меня поразило. Буквально в ста метрах от него шла его противоположность — молодой человек в ярко-желтых брюках и красной футболке с зелеными вставками. Он был похож на героя бродвейского мюзикла «Иосиф и его удивительный, разноцветный плащ снов», а сама картина, застывшая прямо посреди шумного Каира, походила на один из этих самых снов несчастного провидца. Серость и нищета сплелись воедино с необузданными красками жизни, словно яркими пятнами капнувшими с кисти Творца на этого молодого араба.

Когда же мы наконец двинулись с места, я стал переходить улицу, не отрываясь от лица старика, чей почти божественный вид пронесся буквально в метре от меня. И все же я успел как следует его разглядеть. Так же, как в удивительном голосе Мемфис Минни звучали жаркие плантации южных земель, переливающиеся полуденным солнцем на черных, как смола, негритянских спинах, в этом невероятном лице, казалось, застыло само время: глубокие литые полосы, проходившие по щекам старика, образовывали целые речные русла, высохшие и навеки замершие в безжизненной пустыне, на которую походил его лик. И знаете, было в этом лице что-то еще, что-то удивительно грустное наравне с общей угрюмостью, но вроде бы как стоящее в стороне от нее, — что-то до глубины души притягательное, сильное, способное пережить все, самую глубокую трагедию человеческой жизни, каковой бы ее ни воображали.

Покой и умиротворенность, царившие на каирских улицах при всей внешней суете и переполохе, в тот день навсегда поселились в моем сердце недостижимой мечтой, к которой уже тогда втайне стремилось все мое существо.

Что я делал в Каире? Однажды мне приснился сон. Это был мыс Доброй Надежды, чьи грозные воды бушевали в валах моей фантазии, поражая своей чистотой. Я словно глядел на начало мира, первые секунды великой игры, разворачивавшейся

в неистовых брызгах свирепой волны. Никаких извинений. Никакой любви. Только синяя ревущая бездна, словно шепчущая нам из самых потаенных своих глубин: «О, человек! Я слишком велика для тебя! Кто может постичь мою силу, этот безмятежный океан изумрудной воли и тоски? Ты еще слишком мудр, чтобы узнать мой мирный сон среди пыльного вихря суеты и забот». Здесь был край света. Здесь сливались воедино кипящие силы нашего мира с покрывалом бирюзовых волн и холодных ветров Антарктики — место, чья чистота и дикость вавилонским зиккуратом вздымались к угрюмым небесам, готовым обрушиться на землю свою невыносимую тишину и покой. Именно так я оказался в Каире, с первого взгляда влюбившись в идею коснуться вселенной зрачком. С тех пор путешествия стали редкой отдушиной, в которую я заглядывал сквозь будничные свет.

Как бы там ни было, а перелет прошел весьма успешно, однако то, что встретило меня за стенами парижского аэропорта, вмиг сбilo последние капли пота с горящего лба: шел град, дул шквальный ветер, а температура воздуха не превышала десяти градусов, и это при том, что три часа назад в Киеве было плюс 21, а на канале погоды обещали «ясное парижское небо и +18»! Натянув на себя куртку с пиджаком, я осознал, что мой план насчет «пройтись пешком до Легиона» по спутниковым картам, чтобы сэкономить деньжат на проезд, провалился, так и не успев начаться, из-за чего мне пришлось с большим торгом нанять такси. Благо араб, который помог мне в этом нелегком предприятии, неплохо говорил по-русски и посоветовал мне своего приятеля, который, как затем оказалось, таки надул меня на десять евро и прокатил лишние кварталы.

Наконец наше такси подкатило к какому-то бордюру, и высокий темнокожий таксист потребовал расчета. Но из-за сильного ветра и града, стоявшего просто стеной за окнами такси, я почти ничего не мог разобрать, и не было никакой гарантии того, что меня привезли к нужному месту. Вдали, между аккуратными невысокими белыми домиками, виднелась какая-то постройка, и, заплатив необходимую сумму, я вышел из машины и стремительно побежал под дождем в сторону видневшихся стен — как вдруг наткнулся на человека, чей вид заставил меня забыть обо всем, включая больную ногу и холодный простудный озноб.

Это был высокий коротко стриженный молодой парень, одетый в военную форму и белую *Képi blanc* — красивый головной убор, являвшийся отличительным признаком рядовых легионеров.

Он выставил передо мной свою левую ладонь, тем самым показывая, чтобы я остановился. Я огляделся по сторонам и обнаружил себя стоящим под каменной аркой с овальной надписью Legion Etrangere, выше которой виднелось Fort de Nogent. Это был Легион. От радости я слегка глуповато улыбнулся стоявшему напротив меня легионеру, который по-прежнему смотрел на меня без единого слова и эмоции на лице. Взяв себя в руки, я произнес «пилотную» фразу, которую приготовил еще два года назад:

— Bonjour, monsieur. I would like to be a Legionnaire.

На что совершенно неожиданно для себя услышал в ответ чистейшее русское «Да ты что!».

Я годами представлял себе эту сцену: на скучных университетских парах, свиданиях с Джейн, в дни жесточайших депрессий, за обеденным столом — и везде меня встречали французы, что-то неясно бормотавшие себе под свой длинный нос. Но я и представить не мог, что в дверях Легиона меня встретит простой паренек из-под Одессы, служивший здесь уже шестой год и только что вернувшийся из Французской Гвианы.

Макс — а именно так звали моего нового приятеля — провел меня в темную комнату, располагавшуюся сразу позади ворот, перед тем с улыбкой заметив, что «своих» он видит издалека, и тут же отправился куда-то с моим паспортом, оставив меня сидеть одного. Воспользовавшись временным уединением, я снял с себя насквозь промокшие туфли, вылив из них воду, переодел носки — уж простите за такие нюансы — и наконец огляделся вокруг. Высокие холодные стены и бетонный пол вместе с тусклым освещением и единственным стулом создавали крайне аскетичную атмосферу, слегка напоминая ту монастырскую жизнь, в которую я окунулся лишь на день. На столе лежал какой-то журнал, в котором отмечались редкие легионеры, забегавшие сюда со стороны улицы, всякий раз жестами говоря мне о том, чтобы я не вставал. Вообще, непринужденная атмосфера и простота, царившие в этих стенах с первых минут моего пребывания здесь, приятно меня удивили, сохранив это ощущение до прощальных ворот. Наконец в комнату вошел Макс, сообщивший о том, что мой паспорт сейчас проверяют, после чего меня должны провести в расположение форта. Воспользовавшись тем обстоятельством, что этот человек был столь любезен и добр, я решил выяснить все основные вопросы, волновавшие мой встревоженный мозг.

Первым делом я спросил о ноге. Рассказав ему всю правду о своем положении, я услышал в ответ,

что мне достаточно продержаться до подписания контракта, а затем я могу едва ли не отрезать себе по пальцу в день, будучи полностью передан в нежные руки бесплатной военной медицины. Но было еще кое-что, что волновало меня куда больше той лихорадки, которую я стал ощущать после холодного душа из града и луж. Мой глаз. Да, совсем забыл сказать: еще в детстве мне едва его не выбили, попав в него из рогатки. Событие это в общем-то ничем не примечательное, и после двухчасовой операции в моем правом глазу появился новенький искусственный хрусталик, после чего полностью пропавшее зрение со временем восстановилось до восьмидесяти процентов. Несмотря на это, именно данное обстоятельство и стало причиной, по которой я не служил в отечественной армии и на все присылаемые мне повестки не обращал никакого внимания, не желая тратить лишние две недели на прохождение необходимых процедур.

Знаю-знаю. Вы, верно, думаете: «Постой-ка, дружище! Но если прибавить к поврежденной ноге, которую ты едва мог сгибать, искусственную штуку в твоём правом глазу, температуру от начинавшегося воспаления легких и парижские стены Иностранного легиона — не выходит ли, что шансов быть зачисленным в доблестные ряды легионеров у тебя было не больше, чем у слепого одноногого бродяги?» Что ж, во-первых, мне искренне жаль, если вы и впрямь так думаете, а во-вторых, вы абсолютно правы. Но что я мог поделать? Легион стал для меня своеобразной эпистемой, смысловым узлом, связывающим воедино все интеллектуальные волокна моей души.

Конечно, учитывая аббатство Фонтевро, в котором я рос, мой побег в Легион мог казаться побегом к отцу, но это было бы слишком просто. Размышляя о поездке впоследствии, я находил массу причин, которые бы могли оправдать меня с головы до пят: бесконечно глупое окружение, отсутствие истинных перспектив в захудалом городке, свой собственный характер, доводивший меня почти до нервных срывов в борьбе за мелочи, на которые девять из десяти людей и вовсе бы не обратили внимания, авантюризм, являвшийся в моем случае хорошо замаскированным отчаянием, в конце концов, просто деньги, несопоставимые со среднемесячным доходом рядового украинца. Но ни одна из этих причин не тянула даже на повод, не говоря уже о том, чтобы всецело объяснить всю глубину идеи, созданную мною для поддержания собственной жизнедеятельности. Именно так — теперь я склонен думать, что Иностраный легион был продуктом моего подсознания, ко-

торое еще за долгие годы до сознательных мыслей о нем прекрасно понимало, что мне просто необходима глубинная цель, дабы не прыгнуть с первого попавшегося моста вниз по окончании университета. Легион стал обратной стороной уверенности в абсолютной бессмысленности жизни — цель, поставленная ханжой ради оправдания самого себя. Но кого это волновало? Я обеспечил себе пожизненную гарантию на обман, дававшую в перспективе билет на проезд до финала. К тому же я переложил на него все свои обиды и претензии к этому миру и его творцу, что давало хотя бы более или менее ощутимый вариант ответа с той стороны.

Но revenons à Racine. Несмотря на весь цинизм и коварство, царящие на этой земле, иногда мы все же встречаем небольшие островки добродушия и приличия, растущие в бушующих водах смятений и бед. Таким островком оказался и Макс. Выслушав меня до конца, он молча достал телефонную трубку и набрал номер какого-то капитана, отвечавшего в Fort de Nogent за медицинский осмотр. Проговорив не более чем с полминуты, он ловко сунул трубку обратно в карман и угрюмо покачал головой.

— Нет, без вариантов, — сказал он мне, насколько не расстроив такой, казалось бы, печальной новостью.

Поинтересовавшись, есть ли у меня обратный билет, Макс посоветовал мне держать язык за зубами, если я хочу провести эти три дня в теплых стенах Легиона, а не шататься по Парижу в поисках ночлега и дров. Далее выяснилось, что хотя Легион и обеспечивает новобранцев специальной спортивной формой, но обувь выдают лишь подписавшим контракт, а потому мои утонченные черные туфли несколько не годились ни для тяжелых забегов, ни для принятия душа, для чего я должен был захватить с собой чуть ли не весь пляжный набор. Но и здесь мой приятель вновь не оставил меня в беде, хотя и выразил в весьма нелестных фразах свое восхищение моей безалаберностью и безумством: достав из-под стола облезший пакет, Макс передал его мне, сказав, что его содержимое переходит ко мне во владение до воскресного дня. Резиновые шлепки, находившиеся внутри, и впрямь пришлись мне по вкусу, а вот башмаки... Ну что вам сказать? Похоже, в этих ботинках бегал еще его прадед, ибо скорее это были не кроссовки, а обтянутая редкими кусочками ткани дыра, к которой отчего-то прицепилась мягкая подошва. И все же это было куда лучше, чем жесткие мокрые туфли, и я с благодарностью принял подношение. Но оставим теперь мой гар-

дероб и обратимся к тому, что ждет пылающий взор каждого, кто решится переступить порог Французского иностранного легиона в Париже.

Это было прекрасное место. У самого входа, под аркой, вас встречают старинные кованые ворота, открывающиеся специальным механизмом изнутри. Пройдя под каменным сводом, вы попадаете на территорию самого Легиона, где перед вашими глазами предстает нечто вроде небольших холмов с тремя арками посередине, над центральной из которых черными мелкими буквами можно прочесть *Legio Patria Nostra*. Сразу перед арками расположены два небольших газона, пестреющих в летнее время яркой зеленой травой и держащих на своих спинах две корабельные пушки, — впрочем, я не эксперт и не берусь утверждать их морское происхождение — они вполне бы могли сойти и за орудия наземной артиллерии. Сами газоны пересекают вдоль и поперек пять вычищенных до чиста тропинок, с отдаленной перспективы образующая нечто вроде крестов британского флага. По правую и левую стороны находятся столовая, помещения дежурных и некоторые склады, не представляющие особого интереса, тогда как на противоположной стороне стоят два великолепных четырехэтажных дома, больше походящие на старинный монастырь, чем на казарменные помещения: небольшие белые окна вмурованы в мощные стены, на которых элегантно, с известной долей аскетизма расположилась красная треугольная крыша с замершим в центре муляжом часов.

Первым делом после проверки документов меня провели сквозь все эти арки в одно из уже описанных мною зданий, где по деревянным ступеням мы поднялись на последний этаж и прошли по длинному коридору, в конце которого у самого потолка виднелась металлическая перекладина, и мне было приказано подтянуться пять раз, дабы удостовериться, что я не полный тьюфак. Возложенное на меня задание я выполнил без особого труда, однако чувствовал себя я неважно и несколько смущенно, и вот, уважаемый читатель, весомая тому причина. Сразу за коридором начинался еще один, где в длинную безмолвную линейку была выстроена по меньшей мере пара дюжин парней в спортивных костюмах, молчаливо глазевших, как я, будучи все еще одетым в выпускной костюм, рубашку и туфли, страннейшим образом болтался под потолком. Только теперь мне стало понятно, сколь идиотский вид я имел в глазах всех этих ребят, только волею случая догадавшись в такси снять с себя серебристый галстук, который мсье капрал еще припомнит мне в раздевалке.

Так или иначе, подтянувшись, сквозь презрительные улыбки арабов я поплелся в самый конец строя, после чего капрал-шеф приказал мне переобуться в кроссовки и, отпустив всех остальных, указал мне на дальнюю дверь. Но едва дернув за ее ручку, я с удивлением обнаружил, что дверь заперта, после чего на меня посыпались громкие проклятия на французском, и знакомый паренек из-под Одессы сказал мне, чтобы я отжимался.

Всем нашим доблестным филологам следовало бы неплохо поразмыслить, прежде чем составлять остроумные планы обучения иностранным языкам, ибо, ни капли не зная французского, я тут же осознал, что хотя меня и отправили к злощастной двери, но никто не просил дергать ее за ручку, — и пятнадцать отжиманий тут же осуществили блестящий перевод.

В небольшой теплой комнате меня раздели до трусов, немедленно взвесив меня и измерив мой рост, после чего вытряхнули все барахло из сумки, в которой, среди прочего, оказался и красивый серебристый галстук, уже упомянутый мною ранее. Под повисшее молчание всех присутствующих капрал-шеф указательным и большим пальцем правой руки брезгливо поднял его вверх, словно грязный помойный пакет, и на нескладном английском произнес:

— Where is your hat, sir?

После чего раздался оглушительный смех стоявших вокруг легионеров.

Кое-как объяснив, что подобное нелепое обращение было необходимо мне для истории о визе, я отправился в одну из комнат для новобранцев, перед тем оставив все свои вещи и получив наконец-то нормальный спортивный костюм.

В первую ночь в Легионе выспаться не удалось: бразилец, спавший слева от меня, ужасно храпел и вонял, хотя днем казался мне весьма неплохим парнем. Комнаты новобранцев были забиты почти до отвала, так что, дабы развеять весьма специфический запах мужских башмаков, в нашем пентхаусе были открыты все окна, отчего всю ночь напролет меня не покидала проклятая дрожь от малейшего ветерка, влетающего с ярких французских небес. Ночное небо Парижа, которое просматривалось из окон нашего чердака, и впрямь было неестественно светлым, несмотря на плохую погоду и хмурые серые тучи, бродившие по нему от холодных ветров. Но мне оставалось только терпеть, ибо все мои вещи, включая таблетки от жара, были отобраны в первые же минуты осмотра, из-за чего последующие несколько суток превратят мои собственные мозги в горячий немецкий форшмак. От озноба и бессонницы я

спасал себя тем, что на видимом мне кусочке ночного неба следил за огромным тусклым пятном, появлявшимся будто бы от гигантского фонаря и чем-то напоминавшим мерцание морских маяков. Пятно лениво скользило по густым грозовым облакам, время от времени слегка заползая под кров покатою треугольной крыши. В таком полусне и забытый мне на ум пришел удивительный эпизод из моего раннего детства, случившийся со мной наяву, что нисколько не умаляет его невероятности.

Было около девяти утра, когда я проснулся в своей двуспальной кровати, на которой все еще спал вместе с мамой, и посмотрел на красные узорчатые часы в виде двух сердец, подаренные отцом моей матери незадолго до их разрыва. Сама мама уже несколько часов как была на работе, а бабушка должна была прийти лишь к десяти, чтобы приготовить мне завтрак и проследить за его тщательным поглощением, потому мне оставался еще целый час блаженного потягивания в постели при теплых лучах взошедшего солнца. Спал я, как и сплю до сих пор, с наглухо закрытой дверью, причины чего сейчас объяснять излишне. И вот я в ужасе слышу отчетливые шаги в прихожей, прямо за закрытой дверью! Я вовсе не из тех, кто любит всякого рода мистические истории, и вовсе не ценитель щекотания нервов рассказами у костра, но тогда мне было всего лет шесть отроду, и я отчетливо понимал, что в квартире просто быть никого не может. Неподвижно застыв посреди кровати, я не смел даже пошевелиться, несмотря на то, что в комнате было светло и жарко. Между тем четкое шуршание ног по ковровой дорожке становилось все разборчивее, пропадая на некоторое время и вновь возобновляясь легким прикосновением будто бы женских стоп.

Время превратилось для меня в вечность. Я в ужасе накрылся с головой теплым одеялом и пролежал так целый час, почти не совершая даже малейших движений до прихода бабушки. Когда же та наконец пришла, к ней вышел бледный перепуганный ребенок, от согнутых ног которого на постели остались два мокрых следа, ибо я так и не решился вылезти из-под одеяла, не говоря уже о том, чтобы открыть дверь и заглянуть в коридор. Учитывая мои будущие галлюцинации, теперь я склонен относить тот случай к разряду детских фантазий, и все же до сих пор перед глазами у меня стоит та белая гладкая дверь, ставшая для меня границей своеобразного чуда, в которое я так и не перестал верить до конца. Думаю, в Легионе я пытался отыскать в том числе и те самые

шаги, которые случились единожды в моей жизни и заставили саму ее гореть ярче и красочней на целый час.

Пять утра. Яркий свет ударил мне прямо в глаза, заставив тут же проснуться и вскочить от неистовых криков извне. Капрал-шеф и пара его помощников носились по коридору, полные решимости разбудить всех, кто еще позволял себе небрежно валяться в постели. Признаюсь, подъем в такую рань слегка меня удивил, так как сам я ожидал увидеть свою больную физиономию не раньше чем через час, но, покоряясь судьбе, я неспешно побрел в ванную комнату, перед тем на особый манер застелив за собой солдатскую койку.

Но позвольте, я попытаюсь угадать и еще одну вашу мысль. Прочтя уже немалую долю того, чем мое самолюбие питает вас от страницы к странице, вы, верно, думаете, куда же может отправиться такой изувеченный калека, как я, пускай и холодным туманным рассветом, в стенах французских вооруженных сил? Я угадал? Что ж, несмотря на свою простуду, я заметил один удивительный факт — едва я переступил порог форта и погрузился в совершенно иную для себя атмосферу, как моя нога стала болеть на порядок меньше того, что я ощущал, будучи закутанным в тугие бинты сострадания и диклофенака на родной донбасской земле. То есть я хочу сказать, что боль, конечно, все еще была столь сильна, что не хромать мне помогала лишь мысль о том, что в этом месте хромота запрещена законом, — и все же в области ниже колена я чувствовал себя куда лучше, чем в месте чуть выше лба. Но был и еще один приятный сюрприз — мой кашель почти испарился, что позволяло мне практически не выделяться из общей канвы претендентов на зарплату в двенадцать зеленых ворот.

С утра нас распределили следующим образом: меня с еще каким-то корейцем и парнишкой из черкасских лесов, с которым я уже успел завести крепкую дружбу и о котором вы вскоре услышите немало подробностей, отправили на заброшенные склады резиновых шин, которые мы перетягивали в стоящий неподалеку фургон, — остальные же разбрелись кто на кухню, кто в помещения дежурных и на прочие не менее достойные работы. По прошествии некоторого времени всех нас вновь выстроили на плацу в пять коротких рядов, выдав мне и еще одному francophone огромный мусорный бак, который мы катили перед всем строем, подбирая попадавшийся по ходу этого занимательного путешествия мусор и чужие окурки. Лишь теперь мне стала ясна причина

невероятной чистоты, поразившей меня с первых шагов по тропинкам Fort de Nogent.

Наконец, таким же общим строем мы вошли и в святая святых солдатской жизни — армейскую кухню, на которой нас уже ждал горячий завтрак из вареного картофеля с запеченной рыбой, политой чем-то вроде лимонного соуса. Кроме того, каждый из нас был волен решать, чем ему наполнить глубокую металлическую миску, служившую нам кружкой: горячий шоколад, молоко и простая вода стояли тут же, недалеко от прилагавшихся к ним пакетов с джемом и кусочков твердого сыра, на который все francophone почему-то клали ложку сливочного масла, вместо того чтобы сыр поместить на него. Выпив целую миску горячего шоколада и употребив хрустящее рыбное филе, я почувствовал неимоверное уважение к китайской нации, чьи верные сыны готовили этот поистине божественный завтрак.

После столь плотных и тучных харчей капрал-шеф повел нас осматривать территорию форта, заведя на какой-то холм, с которого, если сильно изогнуться и выставить свой любопытный нос за край одного из окрестных домов, можно было увидеть весь центр Парижа, включая Эйфелеву башню, будто назло притаившуюся с самого края доступной нам панорамы. Но экскурсия длилась недолго, и мы вновь отправились в расположение форта, где я получил очередное почетное задание — помыть коридорный пол.

Конечно, ведро и тряпка в солдатских казармах — обычное дело, и все бы ничего, если бы в это самое ведро капрал-шеф заботливо не добавил какой-то мыльный раствор с запахом хвои. Все дело в том, что, имея в десять лет медицинскую карту толщиной в несколько дюймов, весьма невелика вероятность того, что ваш собственный послужной список болезней чудесным образом обойдет аллергия. Мед, солнце, алоэ, пыльные грозди амброзии, одно время являвшие собой целые йоркширские леса в родном микрорайоне, — вот далеко не полный список того, что вызывало у меня водопад слез, соплей, чудовищный зуд и мелкую красную сыпь по всему телу. Но самым большим моим врагом, начиная с глубокого детства, были эфирные масла. Запах эвкалипта и хвои был просто непереносим, и даже маленькая капля специальных лекарств от насморка могла вывести меня из строя на целую неделю, если в ней содержалась хотя бы йота этих веществ.

Находясь и без того в особом состоянии сознания из-за высокой температуры и боли в ноге, я мыл проклятый коридор с невероятной головной болью, которую мне тут же обеспечил устойчи-

вый запах сибирской тайги. Кроме того, в горле у меня ужасно першило, я почти ничего не видел из-за лившегося из моих глаз потока слез. Тайком пробравшись в ванную комнату и затворив за собой дверь, я почти вслепую нащупал раковину, вылил в нее мыльный раствор, окунул лицо прямо под струю холодной воды и, став на трубу, открыл окно и сквозь черную решетку просунул свой нос прямо в поток весенних парижских ветров. Из-за мощных стен Легиона выглядывали аккуратные крыши маленьких белеющих домиков, которые я заметил еще из окон такси. Свежий воздух и пробивавшиеся лучи бесцветного солнца вдохнули в меня новую жизнь — я почувствовал неимоверное облегчение, словно моя нога никогда и не болела, а температура моего тела не превышала отметки 36,6. Подышав еще немного воздушными вихрями французской свободы, я наконец набрал в ведро обычной воды и закончил начатое в коридоре дело.

Но я обещал вам знакомство с человеком, который уже успел разделить со мной всю тяжесть таскания скользких резиновых шин в такой же надежде на главный обещанный приз — возможность стать тем... Впрочем, нет. Для всех нас Иностраннный легион был в первую очередь возможностью кем-то не быть: не быть тем, кто заживо похоронит свою жизнь в двадцать пять в родной забегаловке, а в семьдесят шесть, умирая в своей теплой постели под болтовню часовых новостей, сможет сказать о ней лишь то, что можно прочесть в любом некрологе на пятой странице любой из бульварных газет. О, если бы мы судили о своей жизни по эпитафиям, которые могут быть начертаны на наших могилах! Уверяю вас, лучшего поручителя вам не найти. Большинство же людей настолько глупы, что наделяют своих родных столь скверными словами на их надгробиях, что смерть кажется истинным благом, ибо лишает умершего возможности их созерцать. Что толку от того, что вы безмерно скорбите о своей утрате, вырезая собственное «Я» даже на входе у райских ворот? Разве это хоть что-нибудь сообщает об умершем? О! Даже в час смерти мы думаем лишь о том, чтобы все больше людей рукоплескали нам в наших страданиях! Так знайте же, что любящее сердце никогда не поместит себя в гроб вместо вас, заполнив опустевшую вазу жизни засохшими стеблями слов. Только вообразите, как воссияли бы хмурые погосты — каждая гробница, одна за одной зажигаясь, словно яркие звезды, — одаряя мы наших родных не скупостью собственных мыслей, а короткой цитатой, которая бы подвела итог бурному потоку жизни, некогда бурлящему в

ныне спящих костях. Кладбища поистине стали бы книгой, достойной тех, чья жизнь поместилась бы в одной короткой строке.

Мне не известно, что будет начертано на могиле у этого человека, который вот уже несколько лет носит зеленый берет с гранатным пламенем у виска, но прочтите эти строки сами, бросив лишь беглый взгляд на ту неистовую силу, что привела его к этим заветным словам — Fort de Nogent.

За неполных три дня пребывания в Легионе эту историю я слышал не менее шести раз: за столиком rest-room, в курилке, на бревнах, ее подавали нам на завтрак и ужин вместе с запеченной рыбой и джемом, даже в очереди в душ перед отбоем доносились тихие, словно весенний бриз, отклики смеха вновь прибывших новобранцев, которым лишь предстояло счастье разделить долгие часы парижских ночей за байкой века, — ибо даже в полночь раздавалось легкое хихиканье с верхних ярусов солдатских коек назло всем, кто мог лишь догадываться о глубине эпитетов черкасских диалектов. Так что не будет большой беды, если и вы, мой дорогой читатель, услышите эту удивительную повесть хотя бы единожды, что, впрочем, может и не принести вам такого удовольствия, которое испытал ваш покорный слуга, ведь опустить здесь все те чудесные фразы, которыми пользовался ее автор, — означало бы срезать воздушные розы, столь пестро украшающие праздничный торт в новогоднюю ночь, но не сделать этого было бы преступлением перед столетним литературным вкусом, привившим нашему народу хотя и почтительное отношение к мату, но все же бережно хранящим от его необузданного влияния самое святое, что когда-либо было у нашего человека, — Книгу. Как бы там ни было, дело было так.

Наш герой, называть которого по известным причинам мы будем Энтони, — так вот Энтони, едва лишь окончив службу в родной украинской армии, тут же безоговорочно решил вступить в ряды Иностранного легиона, тем самым доведя свою мать почти до нервного срыва. Отец хлопнул сына по плечу, молчаливо кивнул головой, и в глазах его отразилось благородное чувство возвышенной тревоги за подрастающего потомка. Полгода наш герой копил необходимую сумму денег, а затем еще полгода тренировался, бегая в чигиринских лесах по пятнадцать километров в день трижды в неделю, чем, надо сказать, приблизил к нервному срыву уже меня самого, ибо мои скромные пять-шесть километров по средам и воскресеньям, после травмы и вовсе сведшиеся к нулю, заставляли всерьез задуматься об уровне подготовки людей, для которых Легион был всего

лишь Легионом, а не сверхметафизической идеей сознания. Но сейчас не об этом.

Получив польскую визу за невнятный, заранее подготовленный рассказ о своих глубинных связях с краковскими фермами, Энтони отправился в туристический тур по Европе, чей маршрут, однако, заканчивался чуть раньше, чем было бы нужно, — в Берлине. Благополучно добравшись до Дрездена, будущий легионер решил, что весьма нерационально делать такой крюк на север, и спокойно обратился к гиду, у которого, как в таких случаях и полагается, находились паспорта всех участников путешествия. Но паспорта эти лежали там неспроста, ибо гид в очень грубой форме тут же объяснил нашему герою, что ни черта он ему не отдаст, и вообще — лучше бы ему успокоиться, пока он не вызвал полицию. Несмотря на все уговоры и объяснения о потраченном годе, о том, что деньги, заработанные таким адским трудом, он вовсе не собирался тратить на какую-то «вшивую Европу», что ему «до лампочки» вся эта архитектура и вообще уже тошнит от всех этих восторженных возгласов типа «боже, ви бачили, який чудовий палац!», гид был неумолим, а потому тут же, уже безо всяких слов, получил резкий удар кулаком в область солнечного сплетения, после чего, задыхаясь и снова-таки угрожая вызвать полицию, все же отдал настырному легионеру его документ.

Но история на этом не оканчивается, ибо, добравшись на последние деньги до Страсбурга, Энтони постучал своей могучей рукой в дверь заветной мечты, и через некоторое время к нему, почти зевая и абсолютно не разделяя его живого энтузиазма, вышел легионер, как затем оказалось, пятого года службы. Кое-как объяснившись с ним на черкасском английском, наш герой услышал фразу, полную горькой тоски и депрессии: «Go to Paris». Вначале отказавшись верить в то, что ему так учтиво предлагал здравый смысл, Энтони вновь переспросил, что же ему все-таки делать. На что услышал уже одно-единственное слово — «Пари», которое его новый знакомый, махая вдаль рукой, повторил несколько раз. И вот тут-то и раскрылась вся красота и прелесть нашего прекрасного языка, свившего в своей темной пучине украинское «хай вам» и «шоб вам» с тремя русскими матами, которые, по какой-то дикой иронии судьбы, были прекрасно известны стоявшему перед ним легионеру, повторившему их отдельно и с паузами уже на чистейшем русском.

По какой-то неясной причине в Страсбурге не было набора в Легион, и ближайшим городом, в котором набор производился, был Париж. Несмотря на отвлекающую от сути рассказа, замечу, что

на второй день моего пребывания в Париже к нам прибыл один белорус, и прибыл он прямоком из Страсбурга на средства Иностранного легиона, купившего ему и еще одному новобранцу билет до столицы моды, духов и романтики. Это сообщение до глубины души потрясло Энтони, бродяжничавшего по Страсбургу целые сутки, прежде чем ему все же удалось добраться сюда, в Fort de Nogent. Что ж, это был лишний повод вновь услышать о чудесах его путешествия и хотя бы на время забыть о том, что температура моего тела возрастала в арифметической прогрессии, а легкий озноб, с которым я подъехал к воротам Легиона, теперь превращался в мучительную вибрацию всего моего существа.

Как бы там ни было, наскребя у себя в кармане последние центы, Энтони нашел в этом уже ставшем ему ненавистным городе интернет-кафе, в котором написал родне с Украины о сложившейся ситуации и просил в срочном порядке выслать ему не менее ста евро для продолжения путешествия. Проведя ночь на одной из лавок Страсбурга и едва не получив стеклянной бутылкой по голове, брошенной в него из окна какого-то борделя, мой недавний знакомый таки получил утром нужную сумму денег и наконец оказался в том же самом месте, где и я, — Париже. Сегодня этот человек, чье имя я так бессовестно исковеркал, благополучно служит в северо-западной Африке, в Мали, как мне теперь представляется, ни на мгновение не жалея о той холодной страсбургской ночи.

История, достойная Соломона Нортапа, разворачивалась передо мной по нескольку раз за день, и всегда, когда я ее слышал, мною овладевала одна-единственная мысль, которой сам я характеризовал для себя свое нынешнее пребывание в этих стенах: «Это лучшее, что было в твоей жизни». Несмотря на свой недуг, несмотря на большую ногу, кучу потраченных денег, которые я собирал целых пять лет, а также на то, что уже сегодня вечером я буду вынужден лично отказываться от дальнейшего пребывания в Легионе, — я был невероятно горд, что все-таки добрался сюда, и теперь, среди дюжины парней из разных уголков нашей планеты, могу наслаждаться веселыми рассказами моего приятеля, глядя сквозь окно на туманные парижские небеса.

Тем временем все свое свободное время мы проводили в одной комнате, куда я отправился сразу же после мытья полов. Внутри были развешены небольшие памятки с отличительными знаками военных чинов Легиона, а также цветные фотографии, выполненные в лучших традициях голливудского кинематографа: крепкие парни на

фоне пустыни с татуировкой в виде пунктира у шеи и надписью cut here.

Как и предполагалось, в комнате для отдыха все расселись за большими пластмассовыми столами по одному-единственному признаку, и признаком этим был тот странный лепет, который исходил из вашего рта. Так, слева от нас сидели французы, а если точнее — francophone, то есть те, кто говорил на французском, играл в покер и шумел, словно в дешевом борделе. Не издавая и звука, справа от них в полном одиночестве сидел худой молчаливый испанец, прибывший в форт сегодня утром и ни слова не знавший ни по-французски, ни по-английски, отчего на его лице читалась грусть всего еврейского народа: он был столь худ и сутул, что, глядя на него, сам я чувствовал себя куда уверенней, ведь среди остальных легионеров я явно не выделялся особыми физическими данными. Азиаты сидели молча в самом центре комнаты, лишь время от времени переглядываясь друг с другом и при этом как-то особо язвительно улыбаясь. Что же до нашей дружной компании, то за нашим столом собрались двое украинцев, включая меня, один белорус, казах, трое русских и невероятных размеров поляк, который не говорил ни по-русски, ни по-украински, но отчетливо все понимал и реагировал яркой улыбкой на каждую шутку, которую остроумный Энтони отпускал одну за одной. Особой гордостью был наполнен стол с англоговорящими новобранцами, ибо надменный американец уже не в первый раз рассказывал о своей девушке, которая отправилась служить в израильскую армию и которая, по его словам, была просто гением молекулярной биологии, что в свете ее военной карьеры придавало ему особую гордость. О! Сколько судеб, сколько разрозненных дней переплела в себе эта маленькая светлая комната, ставшая приютом для тех, кто искал новый шанс начать свою жизнь с чистого, еще не запятнанного темными мазками прошлого листа.

Что ж, если сердце Франции и существует, то оно однозначно бьется в Иностранном легионе, воплотившем в себе всю молодость, свободу и прихотливость этой чудесной страны. Без малейшей доли лицемерия эта элегантная леди в бордовом *la cloche* молчаливо выполняет то, во что верит вот уже более двухсот лет, здесь, на этом маленьком клочке парижской земли, объединяя под своим кровом целый мир — от Алжира до Китая, от Брунея до Канады, — свобода, равенство и братство нигде еще не являли себя столь сильно, как в этой удивительной авантуре — Иностранном легионе. И если бы меня спросили, какое слово

наилучшим образом выражает всю его сущность, весь его дух, я бы, не колеблясь, назвал «возможность» — то, что движет душой самых безумных мечтателей, заставляя нас аплодировать их недолгому полету в ничто с цементной платформы земли. «Достаточно открыть флакон, чтобы возникли все мои платья», — так когда-то сказал Кристиан Диор, и точно так же достаточно было взглянуть на Легион, чтобы перед вами возникла целая Франция — необычайная, волшебная, дышащая самой свободой, с ее неповторимой кухней и арабскими кварталами Парижа. Мир предстает перед нами не голой обочиной, а калейдоскопом образов, и порой, чтобы увидеть один из них, следует сперва взглянуть на другой.

Наконец в комнату неспешно вошел один из легионеров с огромным мусорным ведром и, оглядев всю нашу каморку и не найдя свободного места, уселся прямо за наш стол, подвинув к нему единственный свободный стул.

Звали его Уго. Это был широкоплечий высокий темнокожий парень с крепким черепом и лысой головой, притом с весьма внушительными бицепсами, укрытыми вздутыми от напряжения венами. На вид ему было лет тридцать, хотя сам он клятвенно уверял, что ему всего двадцать шесть и что моя нетактичность — лишь следствие тяжелого труда, которому он подвергся в далеком прошлом. От этого крепыша просто веяло жизнью, да и к тому же белоснежная улыбка никак не прибавляла его лицу пессимизма: он постоянно смеялся. Должен заметить, что любой остроумный человек в какой-то мере уже авантюрист, но скольким же авантюристам до сих пор неизвестна радость улыбки, и вся их самобытность течет под хмурыми уэльскими облаками. Чувство юмора действительно втягивает нас в авантюру, и кем бы вы ни были, чем бы ни занимались — смеясь над собой, вы становитесь на скользкий путь, сворачивая с давно известной, проторенной тропинки. Ведь не зря же Кьеркегор, этот высочайший ироник, вертелся в фаларисовом быке, точно брошенная в пустыню треска, и при этом громко смеялся над каждым прикосновением своей мрачной души к раскаленной меди? О, что было бы, если бы мы не смогли вдоволь подшутить над своей жизнью, над этой совершеннейшей бледной туманностью, чей дым не развеивается даже в могучих ветрах урагана «Катрина»? Разве не сошли бы мы с ума, прежде чем окинули бы взором все наше существо, зажатое между скукой и смертью? Едва мы распростерли руки для пылких объятий жизни, как в них влетает легкий ноябрьский ветерок, и веет могильной прохладой, и этой странной обворожи-

тельной тягой пожелтевших гробниц. Но как совладать со всем этим слабому ничтожному существу, которое можно спугнуть и мелкой морщинкой на собственном лбу, не говоря уже о пыльных ветрах мироздания, в которые превращаются наши тела сквозь туман тысячелетий? Лишь ирония, и только она способна уберечь наш ум от жалкого сползания в овраг отчаяния и смерти, и лишь на ее вершине нам открывается вид на сочные пажити и шелест ореховых садов.

Но я вас уже утомил. Потому вернемся к моему приятелю, чей яркий рот переливался всеми оттенками белого. Уго был выходцем из Котд'Ивуара, в прошлом вместе с семьей эмигрировав во Францию, после чего тут же вступил в ряды Иностранного легиона. Несмотря на некоторую сложность в общении, говорил он на таком чистейшем английском, проговаривая буквально каждую букву, что каждое слово просто отскакивало от его зубов.

— Yes, I was lucky, — широко улыбнувшись, вновь закачал он своей блестящей головой, после чего снова искренне расхохотался.

Уго был финансистом. Получив степень бакалавра, он так и не сумел найти применения своим навыкам у себя на родине, отчего вынужден был первое время после университета работать то ли на кофейной плантации, то ли на тростниковом поле... Эту часть беседы я не совсем уловил, хотя и понял по его вновь отблескивающим белоснежным зубам, что делал он вовсе не то, чем должен был заниматься образованный человек в его стране. От безысходности и бедности семья Уго решила рискнуть и перебралась во Францию, где они и стали полноценными членами французского общества.

Узнав, что у меня также имеется степень, причем в области философии, Уго совершенно неожиданно хлопнул меня по плечу и указал на пол, где уже четверть часа стояло принесенное им ведро с мусором, видимо, намекая на то, что о прошлой жизни в этих стенах можно забыть. Но эта мысль волновала меня меньше всего, ибо сам я готов был вынести тысячу таких ведер, лишь бы навсегда стереть из своей памяти то, что, в общем-то, и стало причиной моего путешествия в этот рай для отчаянных беглецов.

Вечером я вновь услышал об Уго, точнее, услышал уже его самого, когда на ор и крик в коридоре собрались поглазеть все новобранцы: наш великан держал за шкуру какого-то араба, который безрезультатно пытался вырваться из его крепкого кулака. Неспешно вышедший на этот крик капрал-шеф, почти зевая, спросил,

в чем здесь дело, чем и воспользовался один из соперников: араб наконец сумел вывернуться из ослабшей хватки Уго и толкнул того в грудь, отчего этот здоровяк даже не шевельнулся. Завязалась потасовка, после которой капрал-шеф грозно крикнул на обоих легионеров, разведя их в разные стороны. Уго тут же принялся что-то хаотично бормотать на французском, делая в сторону своего соперника весьма неприличные жесты. Все дело в том, что на принятие вечернего душа каждому легионеру давалось ровно три минуты, но даже в таком темпе вся процедура занимала не менее получаса, ибо душевых кабинок было всего три на этаж. Грозные крики Уго «trois! trois!» давали понять, что несчастный араб превысил допустимую норму, причем, видимо, пользуясь тем обстоятельством, что он легионер, а не слюнявый новобранец, — и Уго как блюститель вечерних порядков призвал его к ответу за это злодеяние.

Ну а пока же мы по-прежнему продолжали скучать, ютясь уже третий час без дела за пластмассовым столом и рассказывая о причинах, побудивших каждого из нас приехать в этот беглый и красочный сон. Выяснилось, что большинство интересовали лишь деньги, и только мой черкасский приятель заметил, что идея сбежать в Легион появилась у него после того, как на родной Украине он около года стучал молотком по гвоздям, прожигая такие ценные житейские дни. Беседа велась столь непринужденно и размеренно, что после плотного завтрака и бесплатной экскурсии по Парижу с холма де Трувиль, действительно похотевшего на только что съеденную рыбу, я просто обязан сообщить вам причины такой праздности и безделья.

Все дело в том, что последние апрельские дни означали не только приближение теплого майского солнца и легкого потрескивания, доносящегося из ночных весенних полей, но также и праздника Camerone, который отмечается в стенах Легиона каждый год 30 апреля. Непредусмотрительно приехав именно в канун этого события, я не застал никого из руководства форта, а потому, равно как и другие новобранцы, был бы вынужден прождать около недели, прежде чем на мою персону гордо бросили бы недоверчивый взгляд. Что же до праздника, то его важность трудно переоценить для традиций легионеров, ибо связан он был с одним из самых значимых событий в истории французских *soldats de fortune*.

29 апреля 1863 года бесстрашный капитан Данжу, командовавший одной из рот легионеров в составе французского экспедиционного корпуса в Мексике и к тому же потерявший свою левую руку

еще десять лет назад в Алжире, получил задание обеспечить провоз провианта и боеприпасов из мексиканского Веракруса к Пуэбла, который к тому времени уже осаждали французы. Двигаясь впереди обоза с деньгами и специальными осадными приспособлениями, рота Данжу наткнулась на мексиканскую кавалерию, а затем и на пехоту противника, чьи силы превышали французские почти в тридцать раз: против небольшого отряда Жана Данжу из шестидесяти пяти легионеров выступило около двух тысяч мексиканских солдат и кавалеристов. С боями отступив к заброшенной деревушке Камерон, капитан приказал своим солдатам укрыться в полуразрушенной местной постройке, с прискорбием обнаружив, что весь провиант и боеприпасы его роты утеряны в предыдущем сражении. Все предложения сдать окруживших их мексиканцев Данжу наотрез отвергал, заставляя легионеров клясться в том, что они будут сражаться до последнего вздоха. Сам Данжу вскоре был убит выстрелом в сердце, а из способных вести бой осталось не больше двадцати человек. Наконец, один из лейтенантов вместе с еще четырьмя людьми бросаются в отчаянную атаку на мексиканцев, после чего все они получили множество пулевых ранений, а наблюдавший за этим всплеском героизма мексиканский полковник отдал приказ остановить бой и обработать их раны, выдав оставшимся в живых тело их капитана и боевое оружие.

По разным данным, которые я слышал от новобранцев, бойко обсуждавших эту историю с сигаретами в зубах, из шестидесяти пяти легионеров в живых в тот день осталось только восемь, и будто бы лишь одного из них — некоего барабанщика Лаи — удалось обнаружить на следующий день на месте сражения. С тех пор 30 апреля почитается в Иностранном легионе как один из главных праздников, олицетворяющих дух и нерушимую стойкость его сыновей: в Обани и по сей день деревянная рука капитана Данжу, хранящаяся здесь как величайшая реликвия, с гордостью проносится перед полком в знак чести и славы, которых удостоились души тех, кто отдал свою жизнь в тот жаркий мексиканский день полтора столетия назад.

К вечеру нас всех вновь выстроили в ряд. Это процедура проводилась по нескольку раз за день, ибо в процессе нее каждый из новобранцев был обязан четко и громко произнести свой порядковый номер на французском, из-за чего все действие превращалось в небольшой театральный акт с обязательным драматическим концом: едва стоило кому-то неверно отчеканить собственный

номер, как весь взвод тут же сгонялся вниз по крутой деревянной лестнице и выстраивался в шахматном порядке под холодным накрапывающим дождем. Ваш покорный слуга может гордиться тем фактом, что вышеописанное событие никогда не происходило по его вине, ибо сам я, владея всего дюжиной фраз на французском, совершенно случайно выучил все числительные вплоть до тысячи, отчего чувствовал себя абсолютно комфортно, находясь на любом месте в строю из тридцати человек. Чего нельзя было сказать об азиатах: беднягам столь трудно давались *dix-huit* и *quatorze*, что даже когда Уго прошмыгивал по всему строю до прихода хмурого капрал-шефа, проговаривая перед каждым его собственный номер, великий Ли Бо переворачивался в гробу, то и дело слыша очередную нескладную песнь своих земляков.

Уже в четвертый раз мы молча стояли у стен Легиона, слушая гневные крики начальства. Капрал-шеф еще долго что-то вопил, из чего я смог разобрать лишь *voulez civile*, или что-то в этом роде. «*Voulez civile? Et? Voulez civile!*» — орал он на нас, но, даже напрочь не зная французского, можно было понять, что бегать туда-сюда по ступеням с тремя десятками не очень лингвистически одаренных парней ему совсем не хотелось, тем более во время, отведенное для сна. Наконец после очередного молчаливого стояния под накрапывающим дождем нам вновь было позволено подняться на последний этаж и выстроиться в коридоре, после чего уже ни один из нас не сделал ни единой ошибки и на чистейшем французском отчеканил собственный номер в строю, будто весь его род происходил с Монмартра.

Таким образом, перед самым отбоем оставалось выяснить лишь один традиционный вопрос, представавший перед новобранцами с периодичностью раз в два дня: кто желает уйти? Произнеся эту фразу на английском и уже думая разворачиваться в сторону своих покоев, капрал-шеф вдруг нервно заметил мою бледную руку, которая — хвала наше Господу! — тянулась в компании с рукой надменного американца. Это событие произвело такой фурор, что весь строй превратился просто в гудящий улей, не ожидая увидеть кого-то, кто решит убраться из Легиона спустя неполных два дня. Подойдя вплотную ко мне и подозвав с собой двоих легионеров, один из которых говорил на английском и русском, а второй — на французском и английском, капрал-шеф грозно сказал: «Говори!» И я сказал. Сказал о том, что проблемы со зрением не позволяют мне проходить дальнейшую службу и что этот вопрос выяснился только

теперь, тогда как на мой официальный запрос Легион не прислал мне никакого ответа, что было чистой правдой. О начавшемся воспалении легких я решил не упоминать, ибо в противном случае меня могла бы ожидать участь американца, который также подхватил простуду и стоял со слезящимися красными глазами, то и дело задыхаясь от кашля. И если меня было решено отправить домой уже завтра после обеда, то американцу настойчиво говорили о том, что не для того он летел через всю Атлантику, чтобы через пару дней уехать обратно домой, получив горячий мятный чай и кусок цитрамона. Поинтересовавшись у меня еще раз, понимаю ли я, что, отказавшись от Легиона добровольно, я уже никогда не смогу сюда вернуться, капрал-шеф одобрительно кивнул головой и отправил нас всех по кроватям.

Так уже следующим днем я оказался у ворот Легиона и пожимал руку одному из легионеров, говорившему на русском языке и специально выделенному для моего сопровождения за пределы форта. Сжимая мою правую руку, в левой он держал ксерокопию моего паспорта с ярким красным штампом, по всей видимости означавшим ту самую пожизненную ссылку, о которой вчера упоминал капрал-шеф. Но самого меня сейчас волновало лишь одно: как можно скорее залпом принять все таблетки, еще оставшиеся в моем сундуке, ибо сам я уже едва стоял на ногах. Пройдя метров десять по улице, я тут же вывернул карманы сумки и обнаружил, что из всей моей аптечки «в живых» осталась лишь одна таблетка парацетамола, — остальное ушло в небытие. До прибытия в Киев оставалось еще около суток, и мне предстояла дикая ночь с температурой и лихорадкой в холодном парижском аэропорту. Конечно, я мог бы попытаться кое-как объяснить с аптекарем, но в моем кармане лежало всего сорок евро, тридцать девять из которых я потрачу на проезд на такси, а также триста гривен, на которые мне предстояло прожить неизвестное количество времени, перед тем как я окончательно приду в себя и найду работу. Пытаясь трезво осмыслить ситуацию, я решил, что эти сорок евро мне просто необходимы для покупки лекарств, отчего я вновь достал из своей сумки распечатки спутниковых карт и решил снова попытаться пройти эти чертовы тридцать километров до аэропорта пешком, сэкономив на вызове такси. Но уже через полчаса блужданий по Парижу я свернул не туда и окончательно заблудился, после чего просто чудом наткнулся на одного из таксистов, решив, что двадцать четыре часа озноба и жара все же лучше, чем это же время без каких-либо

чувств и признаков жизни, — и уже через пару минут я мчался в парижском такси.

Таксиста звали Реми. Откуда мне это известно? Он оказался весьма разговорчив, и наша беседа началась с вопроса о выяснении моих лингвистических возможностей. Спросив меня на французском «Parlez-vous français?», мой собеседник получил заранее заученный для таких случаев ответ: «Je parle un peu français, monsieur». Несмотря на то, что говорить мне не хотелось в принципе, таксист не унимался. «Do you speak English?» — спросил он. «A little bit», — послышалось в ответ, на что он уже с улыбкой развел руками. В итоге, не зная французского и практически не говоря на английском, я смог объяснить ему, кто я, откуда и зачем приехал и почему так скоро уезжаю, вдобавок ко всему обсудив с моим новым приятелем достоинства музыкального стиля композиций, звучавших из радио его такси.

Добравшись к наступлению вечера в аэропорт, я отыскал относительно безлюдное место на одной из лавок, придвинул к ней еще одну и, взгромоздив свое тело на полученную кровать, пролежал так почти до утра, дрожа от растущей лихорадки. Не стану здесь подробно описывать те ощущения, которые я испытал за эти долгие сутки, лишь скажу, что в книге моей жизни они занимают второе место по шкале омерзительной гадости, идя сразу после операции на glandax в далеком детстве, когда мои руки и голову привязали тугими ремнями к креслу, напоминавшему собой электрический стул. За ту ночь, которую я провел в полнейшем бреде, я сумел подвести очередной итог своей жизни, размышляя о том, что же я все-таки приобрел за те три дня, которые стоили мне двух с половиной лет жизни и двенадцати тысяч гривен.

Очевидность никогда не была для меня проблемой, но сочетание нашей собственной воли и положения вещей столь безукоризненно неверно, что не было бы большой беды в том, чтобы человеческая фантазия хотя бы иногда сдвигала гири очевидного в пользу собственного обмана и иллюзий. Кости Бога всегда честны, но путь до стола у них бесконечен. Так я пробегал милью за милей; так в каждом моем шаге сверкала вселенная, выложенная из кусочков мечтаний о том, что эта старая истоптанная дорожка протоптана специально для меня, что эти рельсы вовсе не для ржавых товарных вагонов — а лестница, по которой я обязательно, пусть и в далеком будущем, поднимусь к своей мечте — Легиону. Мое сердце начинало биться сильнее вовсе не от быстрого бега: лишь только я затягивал шнурки ботинок, как тут же вспоминал,

ради чего и куда я бегу, что все это временно — мелочность, ссоры, скандалы, — и что меня ждет величайшая награда в конце, то, чего лишено большинство людей в этом мире, — судьба.

И вот теперь я здесь, в Париже, лежу на одной из лавок абсолютно больной, дрожь в лихорадочном поту без единой копейки в кармане. От этой мысли мне вдруг сделалось невероятно тепло, так что мое лицо расплылось в блаженной улыбке. Я вдруг почувствовал себя абсолютно счастливым, осознав, что не променял бы эти несчастные три дня ни на что на свете, даже если бы мне заранее был известен финал.

Эта черта моего характера, когда внешняя ванильная дымка благополучия и покоя оборачивается нестерпимым гневом на само блаженство, проявляла себя на протяжении всей моей жизни, когда истинное удовольствие и удовлетворение я получал лишь в обстоятельствах обратных и непереносимых. Так, особенно плохо я чувствовал себя, мирно гуляя по цветущему парку, крепко сжимая в своей руке ладонь Джейн и чувствуя ее беспечный весенний настрой и теплоту майского солнца, — невозможные ощущения, после которых я обязательно впадал в глубочайшую депрессию. То же было и с праздниками, в особенности днями рождения, когда за столом собиралась веселая шумная толпа людей, в тот миг не думающая ни о чем, отринувшая все проблемы разом, чувствуя свое единство и благополучие в среде себе подобных.

Я же, напротив, в такие дни всегда ощущал свою отрешенность и покинутость, будто меня одного оставили на голой выжженной земле, что, впрочем, в глубине души доставляло мне истинное наслаждение: словно мазохист, с каждым ударом хлыста по разодранной коже обретающий новое желание боли, втайне я желал этих беспечных мгновений, когда мысль о том, сколь далеко мы стоим от настоящего счастья, тут же даровала мне его безо всяких кредитных займов

вроде надежды или любовных волнений. Подобное творчество моей души, бесконечное созидание самого себя из пепла и вновь обрушивание здания «Я» до самых оснований было не чем иным, как классическим чувством вины, застывшим в моей душе еще с глубокого детства, так что лишь мысль о заслуженности наказания могла помочь пережить само справедливое возмездие. Напротив, идея счастья, как бы его ни понимали, возбуждала в моей душе страшные конвульсии, заставляя ее изгибаться под тяжестью собственных грехов и пороков. Я был классическим ненормальным, и общая картина сумасшествия смущалась лишь полным принятием приговора самим пожизненно осужденным: мне всегда хватало адекватности увидеть собственную странность, но дальше этого я никогда не шел.

С такими мыслями, практически потеряв слух и охрипнув, я пережил два перелета и коснулся ботинком родной донбасской земли, где еще около трех недель лечился от воспаления легких, продолжая обдумывать то, чем стану заниматься в ближайшие пятьдесят лет. Триста гривен и больная нога были прекрасным поводом изменить свою жизнь, наконец перестав гоняться за призраком, которого нет. Но даже лежа в домашней постели с полной решимостью окунуться в суровый донбасский труд, я понимал, что в глубине души Легион так и не поставил твердую точку, успокоив мой ум под завалом несбывшихся грез. Мне известна бессмысленность жизни, но я все еще тешу себя надеждой чудесного источника Меривских вод, бьющего китовым фонтаном прямо посреди отчаявшихся душ. Окончательно смириться с поражением мне не дает мысль моего превосходства, будто я был создан для этой борьбы, где единственным соперником была лишь моя собственная пугливая тень. Герои не могут погибнуть, таков уж сам жанр игры, — и я бессмысленно продолжал размахивать шпагой у собственного носа, даже когда вокруг не было ни души.

Продолжение следует.

Хелью РЕБАНЕ

Окончание. Начало в № 7–12 за 2014 год, в № 1, 2, 3 за 2015 год

ПУБЛИЧНОЕ СОКРОВИЩЕ

ПОВЕСТЬ¹

28.

После разных перипетий Лена приобрела, наконец, собственную квартиру. Буквально в пяти минутах ходьбы от дома тети Шуры.

Мы с ней перешли оживленную улицу, по которой ходит троллейбус, прошли по тропинке сквозь небольшую сосновую рощицу, и вот ее новый, типовой девятиэтажный панельный дом.

— Мне не верилось, что ты действительно съедешь от матери, — сказала я, когда мы вошли в квартиру.

— Почему? — удивилась Лена, протягивая мне тапки.

— Ты до сорока лет прожила с ней. И вдруг расстанетесь!

Переезд Лены не вписывался в мою концепцию людей как трамваев. Если трамвай кардинально меняет маршрут, значит, он временно сошел с рельсов. Значит, произошла какая-то катастрофа.

— А мы и не расстаемся! — сказала Лена. — Проходи на кухню. Квартиру ты уже видела.

Видела. И отговаривала ее покупать. Перечислила тогда Лене все ее недостатки. И шумно, и странное, слишком высоко расположенное окно кухни. Но когда это Лена прислушивалась к моим

советам? Потом, через год, она с неизменным вздохом говорит: Сильви, как ты была права... А я так же неизменно отвечаю: у меня в гороскопе написано — другим дает хорошие советы, а в собственной жизни — сумбур.

— Мы продали мамину «трешку» и купили здесь «двушку», соседнюю со мной, — продолжала Лена. — Ну ты знаешь, мамаша с глаза боится. Не хотели говорить, пока все не свершится. Она поэтому и ремонт в старой квартире доделывать не стала. Все равно новые хозяева сделают все по-своему.

Я ошеломленно смотрела на Лену. Квартира тети Шуры, тридцать пять лет незыблемо стоявшая на своем месте, вдруг сдвинулась с места, уменьшилась в размерах и переместилась сюда. В последнее время все то, за что я цеплялась в надежде на постоянство и надежность, оказывалось иллюзией.

Но, тем не менее, трамваи (Лена и тетя Шура) продолжали следовать по своему привычному маршруту. Как бы Лена ни жаловалась на мать, жить она без нее не могла и не хотела. Тетя Шура сумела сделать себя незаменимой.

Кстати, это касалось и меня. Было в заботах тети что-то такое, чего за всю жизнь мне не довелось повстречать в других людях.

¹ Журнальный вариант. Полный текст будет издан отдельной книгой.

Впрочем, любое общение с людьми — это как известная математическая задача *минимакса*¹. Минимум неприятностей и максимум радости. Все нытье, недовольство, сногшибательная и порой неуместная прямолинейность тети Шуры и *яйца выеденного не стоили* в сравнении с ее неизменной готовностью прийти на помощь, вылечить, пожалеть, накормить, спать уложить. Утром кофе в постель подать...

Придя к Лене, мы на минуту остановились в маленькой прихожей перед большим овальным зеркалом. Мы обе отражались в нем.

— Посмотри, как я выгляжу, — вздохнула Лена. — Ты выглядишь намного лучше.

Сын сказал мне недавно то же самое. Даже теми же словами. Но слова Лены меня не порадовали. Я же была категорически против ее работы в баре. Я же ей *говорила*. Я же ее *предупреждала*. Теперь мне было больно на нее смотреть. А какая она была красивая, когда шла получать выпускной аттестат! Самая красивая в классе. Глазищи, длинные густые белокурые волосы.

— Мне тебя жаль, — сказала я. — Эта твоя работа... Ты обрюзгла... Глаз не видно.

— А тебе-то что, — сказала она.

— Я тебя в колясочке катала.

— Это ничего не значит, — равнодушно сказала она.

— Для меня — значит.

— Сеня сказал, что я никогда не похудею. Что у тебя сила воли есть, а у меня нет. А на самом деле это все потому, что я тебя осуждала, когда ты бросила курить и ходила располневшая. Стоит кого-нибудь осудить — и с тобой произойдет то же самое.

— А Семен не мог бы делать тебе замечания, не сталкивая при этом нас? — спросила я и тут же вспомнила, что тетя Шура поступает точно так же. Ставит меня Лене в пример. Я уже стала смутно понимать, что двоечника вряд ли порадует сравнение с отличником. Если подумать, то отличники вообще действуют окружающим на нервы.

Мы уютно расположились за кухонным столом. Лена разогрела в микроволновке котлеты и откупила бутылку сухого вина. Но тут раздался звонок в дверь и появился улыбчивый, как всегда, муж.

— Бухаете? — весело спросил он. — А я в баню сходил! Я на минутку. Только одежду поменяю! Дела!

Семен посвежел, выглядел после бани прекрасно, и в сорок лет — как мужчина — стал интереснее. Внезапно возмужал, а седины еще не было.

— Дела-а... — мрачно протянула Лена, окинув супруга недовольным взглядом. — Как сажа бела-а...

— Как джекпот? — спросила я. — Был?

— Был! — ответил неунывающий Сеня, улыбаясь. — Кто-то миллион крон² хапнул! Но ничего — я следующий!

— Не знаю, брать ли его в эту квартиру с собой, — сказала Лена, когда за ее мужем захлопнулась входная дверь. — Даже ключи ему пока что не даю. Все деньги в казино проигрывает. Он мне сказал: тебе ведь никто не нужен, только я совсем немного. И знаешь, он прав. Иногда мне хочется уйти отсюда и никого не видеть.

«Но ненадолго», — подумала я.

— Наверное, я с ним все-таки разведусь, — продолжала она, прикурив сигарету и задумчиво выдыхая дым.

— В двадцатый раз? — спросила я.

— Почему двадцатый?! — Лена удивленно смотрела на меня. — Мы три раза заявление подавали... В четвертый!

— А может, пора уже оставить эти попытки? — спросила я, великий специалист по *чужой беде*. — Ты его любишь и жить без него не сможешь.

— Еще как смогу! — гордо сказала Лена, наполняя себе следующий бокал. — Сама эту квартиру отремонтирую! А ты-то что решила?

Я вздохнула:

— У меня сложилось впечатление, что Стас ждет меня, даже скучает по мне. И вдруг... эта книга. В гостинице.

Я рассказала ей про книгу, забытую кем-то в гостиничном номере.

— Ты же не веришь в мистику! — воскликнула Лена. — И с чего это ты вдруг?

— Когда человек в отчаянии, он как раз в мистическое и начинает верить.

— А ты в отчаянии? — Лена внимательно, с ног до головы, оглядела меня. — Что-то не похоже. Уйма поклонников за две недели. Выходи замуж за Жан-Клода. Пригласишь меня в Ниццу к вам в гости. Я иногда думаю, — продолжала она, — я старая, никому уже не понравлюсь. А тут вспо-

¹ Теория *минимакса*, тесно связанная с задачей проектирования на наихудший случай, исследовалась многими авторами и находила приложения в таких областях, как теория матричных игр, теория оптимального уравнения и дифференциальные игры. В последнее время минимаксным задачам уделяется значительное внимание.

² В 2000 году в Эстонии была еще в ходу эстонская крона. 15,6 кроны равнялись одному американскому доллару.

мню тебя... это придает мне силы. Между прочим... — Она хитро заулыбалась. — Я поняла, что мой Сенечка меня ревнует. Виду не подает, но... Вот недавно... Явился без звонка ко мне в бар и сразу баню проверять — не спрятался ли там кто-нибудь. Знаешь, так приятно.

— Вот видишь. А я что говорю? Вы уже так долго живете вместе, вот и живите, — сказала я. — Какая ты старая — сорок лет!

Я знала, что разговоры про развод, этот ее вечный лейтмотив, пустые. Лена *никогда* не разведется с Сеней. Причина проста: *она его любит*.

В Тарту у нас была соседка, которая тоже каждый год *разводилась* со своим мужем-гуленой. И ничего, дотянули вместе уже до восьмидесяти. Я их недавно повстречала в Таллине в музее Эдуарда Вильде¹. Шли бодро, под ручку. Кстати, жена всю жизнь платила мужу той же монетой.

— О, у меня ведь для тебя подарок есть! — вспомнила я.

Увидев футболку, Лена скривилась. Не знаю, чего она ожидала. Да, это была всего лишь футболка, но очень качественная и красивая — черная, с золотой женской головкой в широкополой золотой шляпе.

«*Вас много, а я одна*», — подумала я обиженно. Тетя Шура меня расцеловала, когда я ей вручила футболку с вышитой Эйфелевой башней...

Мне сразу вспомнилось, как я была недовольна мелочами, которые привозил из-за рубежа папа в далекое советское время. Мне казалось, что уж *оттуда* можно привезти вещь, которая меня не только украсит, но и в корне *изменит мою судьбу*.

Коллега и приятель отца профессор Харальд Варес рассказывал тогда у нас на даче за обедом, что из-за рубежа выгоднее всего привозить женские колготки. В комиссионном магазине они якобы шли один к десяти. Я тогда представила себе, как высокий, мощный *профессор* Варес тащит огромный чемодан, битком набитый женскими колготками. Интересно, как таможня пропускала? Варес давно умер. Но в моей памяти он навеки связан с этим чемоданом. Дядя Георг привозил в подарок шариковые ручки. Альвина жаловалась, что до нее не доходят ее заказы, оседая у жены дядюшки.

А дядя Миша привез мне в школьные годы из круиза чешский джемпер... Как я радовалась! По-видимому, мало что-то иметь. Важно, чтобы у других этого не было. Даже дубленки утратили

теперь свою, некогда *магическую* привлекательность. *Тогда* иметь дубленку означало выделиться из толпы. А теперь, напротив, слиться с ней.

Отец высмеивал меня, когда я просила денег на импортную вещь, после долгих поисков найденную в магазине. Он сравнивал меня с самцом шимпанзе, который случайно научился барабанить по пустой цистерне, вселяя ужас в других обезьян. Благодаря такой *привилегии* этот самец стал вожаком стаи.

Главное, любил повторять папа, это то, что у человека в голове. Конечно, папа многие вещи понимал гораздо лучше окружающих. Его прогнозы всегда сбывались. Но чего-то, не менее важного, касающегося нас, женщин, он все-таки не понимал...

Что ж, тогда, давно, я огорчала отца? Теперь Лена огорчила меня. Равновесие установлено. Спасибо и на этом. Мы с Вселенной квиты.

— Так ты что, во Франции ни с кем так и не была? — спросила Лена, когда мы, обсудив детали предстоящего здесь ремонта, перешли в комнату, все на тот же бежевый угловой диван, что и до моего отъезда в Париж.

Этот вечный диван следовал за Леной по всем ее квартирам. Полулежа на нем, мы продолжали потягивать вино, закусывая ломтиками сыра и яблок. Лена курила.

— Нет, — сказала я. — Не нужен мне никто. Только он.

— А ты ему нужна? — Лена ехидно посмотрела на меня.

Я промолчала.

— А ты проверь, — посоветовала она. — Сколько можно над тобой издеваться? Скажи ему, что не вернешься. Что занимаешься здесь обменом московской квартиры, ищешь варианты.

— А ты не знаешь изречение: «Не рискуй тем, чего не готов потерять?»

— Ну, может, ты и права, — сонно протянула Лена.

По ней было заметно, что я у нее засиделась. Я вызвала такси и уехала к маме, недовольная собой, недовольная Леной, недовольная тем, что зря купила ей футболку, и тем, что вряд ли смогу сказать Стасу то, что она мне посоветовала.

— Тебе тут звонили, — сказала мама, когда я вошла. — По межгороду. Какой-то мужчина. Кто это?

Мама внимательно наблюдала за выражением моего лица.

— Наверное, он... — сказала я. — Тот, кто *не в твоём вкусе*.

— Обещал перезвонить, — сказала мама.

¹ Эдуард Вильде (1965–1933) — эстонский писатель. Его дом-музей находится в таллинском парке «Кадриорг».

И тут же раздался звонок. Мама продолжала стоять рядом, внимательно наблюдая за мной и прислушиваясь.

— Мама! — сказала я сердито. — У тебя там варенье не пригорит?

— Ты почему еще не в Москве? — спросил Стас вместо приветствия.

— Так я и не обещала, — растерянно сказала я. Он что же, совсем не слушает, что я ему говорю?

И тут он произнес нечто странное. Или мне это послышалось?

— Ты победила, — сказал он вдруг.

— В каком смысле? — изумилась я.

— Когда ты будешь? — спросил он, игнорируя вопрос.

— Зависит... — сказала я, подумав.

— От чего?

— От тебя.

— Я же сказал, что жду тебя.

— Это ничего не значит, — сказала я ему словами Лены. Ей все-таки удалось настроить меня против него. — Слова, слова... Извини, я сейчас не могу разговаривать.

И повесила трубку.

Мама молча вернулась на кухню и принялась большой деревянной ложкой помешивать яблочный джем, который булькал в огромной эмалированной кастрюле. Джем этот, уже заранее обреченный на выброс (какие-то банки с позапрошлого урожая по сей день стояли у нее в подвале), тем не менее следовало сначала, для очистки совести, сварить, а только потом, года через два-три, выбросить.

Будь моя воля, я бы на даче выращивала только вишни. Весной они красиво цветут, а вишневое варенье... желающих хоть отбавляй. Но мама уже давным-давно сказала мне: «Ты здесь не хозяйка».

* * *

Словно устав предлагать мне самые разные варианты поклонников, чтобы заменить Стаса, судьба плюнула на меня и больше никаких мужчин мне не подсовывала. Возможно, самое возмутительное с ее точки зрения было то, как я поступила с Жан-Клодом. Начиная с Мари-Паскаль, теперь моими попутчицами были только женщины.

В поезде Таллин — Москва верхние полки в купе опять пустовали. Ничего удивительного. Цена билета теперь сравнима с величиной пенсии.

В моем купе ехала стройная *пикантная* брюнетка. Мы с ней быстро нашли общий язык. А именно стоило поезду тронуться, как мы обе решили посетить вагон-ресторан. Заперли купе, дружно

пошли в ресторан и после первого бокала вина разговорились.

Я, конечно же, изложила ей *под мерный стук колес* все, от начала до конца.

Она же сообщила мне, что живет в Таллине, работает в мустамяэской¹ поликлинике медсестрой, а на прошлой неделе ей *стукнуло* пятьдесят.

— Предлагаю тост, — сказала я, схватив со стола подрагивающий бокал с красным вином. — Жизнь начинается в пятьдесят!

— Принято. Жизнь в пятьдесят только начинается! Сильви, ну зачем так все усложнять? — искренне недоумевала она. — Вы встречайтесь, просто встречайтесь, просто для здоровья! А все эти переживания, любовь — зачем вам это все? Это решительно ничего не дает и не нужно ни вам, ни тем более ему. Зачем вам от него уходить? Что значит — он вам не принадлежит? Человек — это не вещь! Каждый человек принадлежит только себе самому! Вы же ничего не знаете! Что и как там у него в семье? Ведь неспроста он всю жизнь находит себе утешение на стороне. Разве вам непонятно, что это означает, что там у него бо-ольшущие проблемы? Вы что, не знаете, сколько людей живут друг с другом только из чувства долга, без капли любви? Ну и даже если не так — подумайте о себе! У вас что, очередь за дверью стоит? Надо уметь ценить каждое мгновение, подаренное жизнью. Вы же счастливая женщина, раз у вас это есть!

— В очередь не становятся, — вяло согласилась я. Но выбор у меня все-таки есть, как показал мой *вожж*.

Но главное было не это. Меня пугало сейчас другое. Мир, годами незыблемо стоявший на месте, начал вдруг шевелиться, сдвигаться с этого места, напоминая жуткие шевелящиеся щупальца кораллов в аквапарке Монако, вселяя в меня тревогу. Сорокалетнюю ель спилили. Тетя Шура переезжает в новую квартиру. Тридцать пять лет тетя не переезжала, ее жилище стояло все там же, как скала в бушующем океане, и вдруг... Мои родители люди предприимчивые, успели за эти годы пять раз переехать, поменять квартиру. Но чтобы она...

Утром, уже подъезжая к Москве, мы с соседкой увидели почерневший от пожара шпиль Останкинской телебашни. *Пожалуйста. Стояла и стоять будет, а тут пожар...*

Но самое жуткое ожидало меня впереди. Когда я подъехала на такси к моему дому, то увидела метрах в пятнадцати от него огромную длинную

¹ Мустамяэ — название одного из спальных районов Таллина.

кучу, целый бархан строительного мусора, из которого торчали куски разбитых стен, оклеенных порванными теперь обоями, железная арматура... все, что осталось от такой же длинной пятиэтажки, как наша, стоявшей напротив. Пока меня не было, ее снесли, а мусор еще не успели увезти.

На дверях моего подъезда висело объявление: «Уважаемые жильцы! В связи с предстоящим в конце октября сносом вашего дома всем необходимо срочно явиться с документами в ЖЭК, на смотровую».

Последние десять лет жильцы нашего дома с нетерпением ждали этого события и в конце концов разуверились, что оно вообще когда-нибудь произойдет. И именно теперь, так срочно...

Войдя в квартиру, я первым делом прошла на кухню и распахнула окно.

За окном, как всегда, покачивались две мои огромные плакучие березы, вымахавшие уже выше крыши нашей пятиэтажки. Наверное, во время сноса дома и им несдобровать... То начинал, то переставал шелестеть дождь, орошая жуткий бархан, оставшийся от дома напротив.

Я долго стояла у окна. Березы на фоне сизой тучи вдруг ненадолго заблестели отдельными мокрыми серебристыми листочками, перестали качаться. Вдали, откуда-то из-за высоких домов, выглянуло солнце.

Мне внезапно захотелось кому-нибудь позвонить, услышать человеческий голос, сказать, что приехала. Стасу я звонить не могла, ведь это может его скомпрометировать. Встретить он меня не мог, работает, обещал быть вечером. Я вспомнила, что пообещала, вернувшись из Франции, позвонить Сергею, менеджеру турбюро, и рассказать, что за вопиющая скромность эта гостиница «Нормандия» в Ницце. Сам он там не был и просил меня ему помочь.

Я набрала номер турагентства и попросила позвать Сергея. Судя по голосу, трубку взяла та самая девушка, которая тогда так лихо тараторила по-французски, бронируя мне гостиницу в Париже.

— Это Сильви, если помните, — сказала я ей. — Вы меня две недели назад отправляли через Эстонию в Париж. То есть Сергей отправлял. Я вернулась. Хочу с ним поговорить.

В ответ сначала последовала долгая пауза.

— Сергея больше нет, — раздался наконец сдавленный голос.

— Как?! — не веря своим ушам, спросила я.

— В тот день он ушел отсюда через полчаса после вас, — она всхлинула. — Его убило взрывом на «Пушкинской».

Я закрыла окно и села. Поколебалась, не позвонить ли все-таки Стасу. Потом пошла в комнату, распаковала чемодан и прилегла на софу.

Я лежала и думала, что мне следует в ближайшие дни съездить на «Пушкинскую». Как парашютисту, у которого не раскрылся парашют, надо немедленно сделать новый прыжок. Иначе я буду всегда бояться этой станции. Возможно, буду всегда бояться ездить в метро.

Как-то незаметно я уснула и проснулась, когда было уже темно.

Я посмотрела на часы — десять вечера. Стаса не было. Это было очень странно. Неужели мне показалось, что он и правда ждет меня? Неужели это возможно — так ошибаться?

Я пошла на кухню, открыла окно. Дождь усилился. Он теперь хлестал, не переставая. В темноте раздавались глухие удары. Сносили следующую пятиэтажку. Я долго смотрела вниз, на круг света на мокром асфальте.

Я и теперь требовала от судьбы только возможного. Чтобы он все-таки приехал. И еще. Чтобы у меня когда-нибудь появилась возможность завести собаку. Очаровательной породы кабыздох.

«Собака принадлежала бы только мне, — думала я. — Мне одной».

* * *

И тут в круге света на мокром асфальте появился, наконец, черный, с зажженными фарами, блестящий от дождя автомобиль.

Когда Стас вошел в прихожую, вид у него был мрачнее тучи. Поздоровался он со мной как-то странно, отрывисто, не глядя мне в глаза.

— Что-то случилось? — спросила я испуганно.

— Собирайся, — ответил он. — Мы едем ко мне.

— А... она?

— Не задавай лишних вопросов. Едем на дачу.

Я хорошо запомнила тот единственный раз, пятнадцать лет назад, когда он привез меня с моим сыном, тогда школьником, показать только что отстроенный загородный дом. И следующее утро, когда я смотрела, как он в одних трусах, растянувшихся и съехавших на бедра, идет открывать кому-то калитку. Какое бессилие и беспомощность я тогда ощущала, глядя вслед великому и ужасному Стасу...

...Все изменилось. Дом окружала теперь не низкая живая изгородь, а вымахавшие ввысь огромные деревья. Какие именно, в темноте невозможно было разглядеть. Царила пронзительная

тишина, и всем телом ощущалась прохладная свежесть воздуха. Высокое темное небо было усыпано звездами.

— Но все-таки... Стас, может, ты объяснишь мне?

— Не задавай лишних вопросов, — сердито повторил он. — Поживешь здесь.

Что произошло, тогда я не смогла от него добиться.

Что ж, в конце концов рассудила я. Я ведь так и не узнала, что означает Public Tresor, «Публичное сокровище». А если узнала бы, то, наверное, разочаровалась. Ведь когда исчезает магия и наступает обыденность, приходит разочарование.

* * *

Много лет спустя мне обо всем рассказала сестра Стаса. Оказывается, мои подозрения были не-

беспочвенны. В тот знаменательный год, год миллениума... У Стаса действительно, кроме меня, была еще и другая *пассия*. Замужняя.

И пока я путешествовала по Франции, пытаюсь освободиться от наваждения по имени Стас, их застучала его жена. *Дома*.

В *пылу горячки* она проговорила, что всегда знала о его похождениях и что у нее тоже давным-давно имеется любовник. Даже я была ошеломлена, услышав это. Представляю, что тогда пережил Стас. *Жена Цезаря* у нас была *вне подозрений*. Но, как говорится, *в тихом омуте*... Возможно, она потом пожалела о своих словах, но тогда ее решение было непоколебимо: пусть Стас *выметается* на дачу. Так мы с ним оказались, наконец, вместе в *правильное время* в *правильном поезде*.

В котором и по сей день едем с двумя кабыздами.

Сергей БЫЧКОВ

Продолжение. Начало в № 7–11 за 2014 год, в № 1 за 2015 год

ОТМЫВАНИЕ ЖЕМЧУЖИН

ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Для прихожан отца Александра всегда оставалось загадкой — как мог католический епископ рукоположить во священника женатого мирянина? Несмотря на предупреждение отца Александра, часть его прихожан все-таки продолжала поддерживать отношения и молиться с Никифоровым вплоть до его ареста. В основном это были московские интеллигенты, которые часто бывали в храме, общались с отцом Александром, но процесс их воцерковления протекал тяжело. Следствию удалось выяснить, что ни откровенные показания Владимира Никифорова, ни арест новодеревенского прихожанина Сергея Маркуса в январе 1984 года не приблизили сотрудников «церковного» отдела КГБ к желанной цели. Им не удалось набрать достаточно материала не только для ареста отца Александра, но даже и для того, чтобы публично ошельмовать его. Как только начались гонения, отец Александр советовал тем лидерам, имена которых прозвучали в показаниях Никифорова, временно не собираться. Те же, кто остался невыявленным, продолжали собираться для молитвы и изучения Священного Писания.

На Рождество 1984 года Никифорова отпустили как чистосердечно раскаявшегося. Первым, кого он навещал после освобождения, был младший брат отца Александра. Ему он поведал, почему избрал столь странную линию поведения. Его жена, Тамара, вела религиозный кружок для де-

тей. Своих у них не было, она занималась с детьми близких христиан. Поначалу Никифоров запирался и все отрицал. Тогда чекисты сказали ему, что, мол, против него особенно ничего не имеют, но вот его жена Тамара занималась воспитанием детей — причем чужих. А это статья Уголовного кодекса и неминуемое заключение в советском лагере. Этот аргумент, как объяснял он позже, добил его. Неожиданно он понял, что из-за него пострадает близкий человек. Зная атмосферу в женских лагерях, следователи понимали, что хрупкой Тамаре не выжить в этих условиях. И вот тогда Никифоров решил быть абсолютно откровенным перед следователями. Он поведал буквально обо всем: о приходских группах, о нелегальной литературе, о своих встречах с иностранцами, о том, кто бывал в приходе. Причем был настолько откровенен с ними, что выкладывал даже то, о чем его не спрашивали.

Один из руководителей московской «малой группы», прихожанин Андрей Анзимиров-Бесмертный, позже вспоминал этот тяжелый период, по-своему трактуя поведение Никифорова во время заключения: «Молодой "отец" Владимир утратил чувство реальности, служил по разным квартирам, одновременно поддерживая отношения с иностранцами. (По свидетельству некоторых прихожан, с капелланом американского посольства. Никифоров и капеллан просто хотели зайти

к одному из них на квартиру, но он встретился с ними на остановке, увидел хвост, и визит не состоялся.) В результате этого “смелого” поведения в феврале 1983 года Никифорова допросили в ГБ, а осенью посадили. По делу были вызваны не менее сорока человек. Среди них дети. Тамара Никифорова, супруга Володи, вела детскую группу. Павел Мушинский (сын Валерия и Наташи) был из школы взят на допрос. Валерий работал по авторемонту и был каким-то начальником. После ареста Никифорова его показательно исключили из партии и зимой 1984 года выгнали с работы за связь с ним. Отец Миши Гальперина, Владимир Абрамович, по знакомству устроил его на работу в Усинск (на севере Коми АССР) зимой 1985 года — спустя год после исключения из партии: больше нигде на работу не брали. Отец Александр лично попросил Валерия с Наташей поменьше ездить в Новую Деревню и с широким кругом не общаться по мере возможности (как и других, связанных с Никифоровым). Отец Александр написал несколько записок Наташе и Валерию в поддержку...

Никифоров... выбрал несколько причудливую, хотя в конечном счете любопытную линию защиты: назвать всех без исключения, дабы продемонстрировать, насколько широко и далеко простирает христианское движение свои руки в дела человеческие и что оно-де в любом случае уже неподконтрольно. Какую роль во всей этой истории играла Володина “яшка” (т. е. “Я”, эго) сказать не могу. “Яшка” есть у всех, и необходимо зорко блюсти, как опасно ходим. Осуждать Никифорова мне трудно, хотя по его милости КГБ открыл дело и против меня и довольно долго (1984–86 годы) держал под тесным и душным колпаком, повторяя на допросах отцу Александру, что диакон Александр Борисов и Андрей Бессмертный тоже пойдут за решетку. Нас Бог миловал... Обыски были и у Борисова, и у моего брата Сергея Бессмертного, и у Сергея Тищенко, и у Лены и Миши Кочетковых (большая семья баптистов, из коей некоторые дети стали активными православными). Так или иначе пострадали и доктор математических наук Володя Бусленко, и Владик Зелинский, и Лида Муранова (кажется), и юный Игорь Тартаковский, и многие другие. Кочетковы, кстати говоря, на стук КГБ дверь не открыли, и те ее часа три выламывали. За это время Лена с Мишей успели уничтожить все без исключения опасные материалы».

В марте 1983 года митрополит Ювеналий убрал из прихода отца Стефана Среднего. Летом 1982 года он направил митрополиту рапорт, в котором значились двенадцать пунктов. Он обвинял отца Александра в том, что он — еврей, во

время литургии занимается черной магией, а его прихожане причащаются после завтрака. Последнее обвинение заключалось в том, что отец Александр якобы не знает богослужения, поэтому постоянно путает возгласы. Отец Стефан настойчиво предлагал подписать донос алтарнику, которого он взял после того, как уволил прежнего. Но тот решительно отказался и тоже был уволен. Митрополит внимательно отнесся к этим обвинениям и показал донос отцу Александру. Но апогеем стала проповедь отца Стефана, полная антисемитских выпадов, в августе того же года. Ясно было, что все они адресованы отцу Александру, который в этот момент находился в алтаре и вынужден был выслушивать весь этот бред о евреях, пытающихся разрушить Русскую церковь изнутри. До этой проповеди отец Стефан несколько раз допускал антисемитские намеки в адрес отца Александра, но он старался не замечать их. В Троице-Сергиевой лавре один из монахов «раскрыл глаза» отцу Стефану на роль отца Александра, ознакомив его с анонимным письмом.

После этой проповеди один из прихожан подошел к отцу Александру и сказал, что на этот раз отец Стефан перешел все мыслимые границы и что он считает необходимым ознакомить с этими выпадами митрополита Ювеналия. Отец Александр согласился, и на следующий день он поехал в Москву. Позже он вспоминал: «Это было в начале августа 1982 года. Митрополит Ювеналий радушно принял меня в своей резиденции в Новодевичьем монастыре и терпеливо выслушал. После того, как я окончил свой рассказ, он спросил: “А вы можете изложить это письменно?” “Конечно”, — ответил я, не подозревая о последствиях. После того, как я изложил события письменно, митрополит принялся участливо расспрашивать меня: правда ли, что прихожане Новой Деревни причащаются после завтрака? Я ожидал вопроса о черной магии, но митрополит спросил, правда ли, что отец Александр не знает богослужения и путается в возгласах? С трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, я не подтвердил обвинений отца Стефана. В следующее воскресенье, как обычно, приехал в храм. Исповедовался у отца Александра. Когда подошел причащаться, отец Стефан попросил меня отойти в сторону. Когда прошли все причастники, он, едва сдерживая гнев, объяснил мне, что причащать не станет, поскольку я написал жалобу на него митрополиту. После литургии я посоветовался с отцом Александром, и он решил, что мне стоит вновь поехать к митрополиту Ювеналию и поведать о случившемся. Я так и сделал.

Митрополит снова ласково принял меня, но когда я рассказал ему о случившемся, он как-то посерел. Благословил меня и уверил, что сам разберется с отцом Стефаном. Но в следующее воскресенье все повторилось. Отец Стефан наотрез отказался меня причащать. Отец Александр снова посоветовал поехать к митрополиту. Владыка Ювеналий изумился моему рассказу, но заверил меня, что еще раз поговорит с отцом Стефаном, который, как он мне признался, обещал ему, что более не станет повторять своих "подвигов". В декабре отец Александр сказал мне, что настоятель приглашает меня в храм, чтобы с глазу на глаз поговорить со мной. Мне не хотелось ехать, поскольку я понимал, что разговор ни к чему доброму не приведет. Но все же поехал. На самом деле отец Стефан уперся и начал доказывать мне, что прав он и что я не имел права писать жалобу на него. У него были основания так вести себя — его младший брат, епископ Ириней (Середний) был управляющим приходами в США и Канаде. Наезжая в Москву, он иногда служил в нашем храме. После этого разговора я причащался только в те дни, когда служил отец Александр».

Накануне Великого поста 1983 года отец Стефан, вконец измученный склоками, которые сам же затеял, подал рапорт митрополиту и попросил двухмесячный отпуск, поскольку у него обострилась язва желудка и началось внутреннее кровотечение. Его положили в больницу. Владыка просьбу уважил и временно назначил в Новую Деревню нового священника. Но не того, о ком просил отец Стефан. Прошел пост. После истерик отца Стефана в храме воцарились тишина и благодать. И вдруг в Страстной четверг неожиданно появился болящий настоятель и заявил, что будет служить. Пасха была безнадежно испорчена. Он испугался, что митрополит может перевести его в другой приход. Но и после этого отец Стефан не успокоился — решил убрать старосту. А тут неожиданно — веяния новых времен — возбудили уголовное дело против заместителя уполномоченного по делам религий Московской области. У отца Стефана с ним были неплохие отношения, и он рассчитывал на его поддержку. После этого фортеля митрополит Ювеналий сначала уволил отца Стефана за штат, а спустя несколько месяцев назначил в другой приход, в Павшино, под Красногорском. Это по сути была ссылка, поскольку храм находился далеко от дома отца Стефана и был значительно беднее. На его место был переведен из Егорьевска, не без протекции местных органов КГБ, священник Иоанн Клименко, матерый стукач, уже в годах. Он тут же купил дом в Пушкино.

Тогда же начались беды вокруг новодеревенского прихода. На Светлой седмице прошел обыск у еще одного из прихожан отца Александра. Чекисты выгребли у него почти всю богословскую литературу. Потом начались допросы: вызывали его, его жену, ее дочь от первого брака. Но даже в те тяжелые годы прихожане не оставляли доброго обычая: в день рождения отца Александра приезжали к нему домой в Семхоз. Один из прихожан вспоминал: «Причем каждый заготавливал что-то для импровизированного капустника: Володя Бусленко пел, Владимир Илюшенко зачитывал пародии, Олег Степурко играл на трубе».

22 января 1984 года на очередном капустнике в одном из текстов Владимира Илюшенко прозвучало такое язвительное сообщение: "Газета "Московский комсомолец" в разделе "Под острым углом" публикует корреспонденцию С. Бычкова "Бракоделов к ответу". Вот ее текст: "В завершающем году пятилетки качества со стапелей Тьмутараканского пароходства был спущен на воду теплоход "Стефан Премудрый". При спуске корабль немедленно пошел ко дну. Расследование показало, что дубовая обшивка "Стефана" не выдержала соприкосновения с морской стихией и раскололась. Мало того, балласт оказался слишком велик для судна подобного водоизмещения. И что самое прискорбное, переборки "Стефана Премудрого" были сделаны из устаревшего, низкосортного материала и вообще набиты всякой трухой. В результате аварии "Стефан" был отправлен в сухой док. Мы надеемся, что Комитет народного контроля РСФСР, который занимается делом о "Стефане Премудром", даст должную оценку как его безобразным конструктивным качествам, так и работе его творцов". Так Илюшенко прокомментировал увольнение отца Стефана. Причем зачитывал он свои сообщения сухим бесстрастным голосом, отчего веселье только нарастало. На капустниках непременно бывал и Андрей Анзимилов-Бессмертный, один из лидеров московской группы нашего прихода. Его отмечал и любил не только отец Александр — он был всеобщим любимцем».

Этот год, как, впрочем, и последующий, был богат всевозможными бедами.

19 декабря 1983 года, на Николу зимнего, за отцом Александром приехала черная волга, и после службы его увезли. Прихожане решили, что его арестовали. Но он вернулся после долгого допроса. С этого дня его вызывали в КГБ на допросы не менее семи раз, допрашивали подолгу — по пять-семь часов кряду. Сначала на Лубянке, потом в Лефортове, затем в новом сером здании,

выстроенном позади магазина «Детский мир» на Лубянке. Допросы были применены, скорее всего, как мера психологического воздействия: от нас, дескать, не уйдешь! Сначала они были связаны с делом Владимира Никифорова, затем — с приходской жизнью: слайд-фильмы, кружки катехизации, его собственные книги и книги, получаемые из-за границы. Вновь всплыла Зоя, один из членов приходской двадцатки Сретенского храма. Вместе с регентом, толстой и крикливой старухой Ольгой, она регулярно писала доносы на отца Александра. Им трудно было смириться с мыслью, что в их храме служит священник-еврей. Новый настоятель решил, что отца Александра вот-вот арестуют, и повел себя в храме как полновластный хозяин.

В начале 1984 года вызывали на допросы по делу Никифорова многих прихожан. Следовательно зачитывали показания Никифорова, в которых он подробно перечислял «антисоветские» книги, которые он давал, цитировали его оценки прихожан новодеревенского прихода. Часть прихожан избрала тактику полного отрицания каких-либо отношений с Никифоровым, сославшись на запрет отца Александра общаться с ним. Пострадал и Владимир Волгин, незадолго до этого ставший священником в Курско-Белгородской епархии. Его также допрашивали по показаниям Никифорова. Он рассказывал, насколько полно и педантично повествовал Никифоров следователям о книгах Солженицына, которые он давал читать Волгину, и о беседах, которые проводил с ним. Отец Александр поведал нам, что во время допросов чаще всего звучали имена диакона Александра Борисова, Сергея Маркуса, Андрея Бессмертного и других. Чувствовалось, что чекисты долго готовились к этим допросам, так как звучали вопросы, касающиеся событий 1965 года, связанных с письмом священников Глеба Якунина и Николая Эшлимана.

7 января 1984 года, на православное Рождество, арестовали еще одного прихожанина, Сергея Маркуса, который в последнее время потерял осторожность, открыто встречался с иностранцами, добывал Библию и раздавал ее всем желающим. Маркус, в отличие от Никифорова, достойно держался на следствии, никого не предал и был осужден. Он сломался уже в лагере и написал оттуда в 1986 году отцу Александру письмо, в котором осуждал создание им «малых групп». Письмо Маркуса во время одного из допросов отцу Александру торжественно вручили сотрудники КГБ. Он был досрочно освобожден как осознавший свою вину и раскаявшийся. Рвался на встречу с отцом Александром и даже приехал к нему до-

мой, в Семхоз. Отец Александр холодно встретил его у калитки, не пригласил домой и не стал пускаться в дискуссию.

8 февраля 1984 года в Москве был арестован Сандр Рига, не входивший в новодеревенский приход. Но он часто бывал у отца Александра, и многие прихожане тесно общались с ним и с созданной им екуменической общиной.

31 августа 1984 года его осудили на бессрочное лечение в психбольнице. Он стойко держался на допросах, хотя его шесть раз возили на освидетельствование в психиатрический институт имени Сербского, который был известен в диссидентских кругах как карательный. Сандр был направлен в Благовещенскую психиатрическую больницу, где пережил ад: ему кололи сильнодействующие препараты, которые вызвали осложнения на сердце.

Осенью 1984 года одного из прихожан вызвали на допрос по делу Сандра в Москву. Он вспоминал: «Допрашивали в Московской городской прокуратуре неподалеку от Николо-Кузнецкого храма, где я частенько бывал во время служения там священника Всеволода Шпиллера. С другими двумя священниками — Владимиром Тимаковым и Александром Куликовым — меня связывала дружба. На этом допросе мне было легко — Сандр не назвал никого. Свои отношения с ним я не собирался открывать. Чтобы отсечь возможные вопросы, отрицал даже знакомство с ним. Допрашивал меня следователь районной прокуратуры, но рядом с ним сидел солидный мужчина под два метра роста, который молчал во время краткого допроса. Но потом, когда официальная часть завершилась и меня отпустили, он вышел из прокурорского кабинета вслед за мной и начал расспрашивать меня о новодеревенском приходе. В отличие от прокурорского работника он не столько спрашивал, сколько говорил, пугая меня всевозможными карами. Я отмалчивался, пытаюсь понять, кто же это. Ясно было, что это работник КГБ. Он задал неожиданный для меня вопрос: "А сколько человек в вашем приходе?" К этому вопросу я не был готов. Немного подумал, а потом ответил: "Человек сто, может, двести". Я уже уходил, когда он с лестничной площадки еще раз посоветовал мне обдумать свое поведение. Обычно следователи применяли трафаретные фразы: "разоружайтесь", "вы должны раскаяться". Чекист Сычев избегал подобных фраз, но, угрожая мне, словно вколачивал в мою голову каждое слово.

После допроса я поехал к отцу Александру в Семхоз. Мы постоянно обменивались после каждого допроса информацией, и он советовал, как вести себя в той или иной ситуации. Когда я рас-

сказал о допросе в Москве и описал внешность чекиста, он уверенно назвал его — полковник Владимир Сычев. Именно он курировал наш приход и несколько раз лично допрашивал отца Александра. Я спросил отца Александра, сколько, по его мнению, прихожан в нашем приходе — полторы-две тысячи? Он уклончиво ответил, что примерно столько».

В середине сентября 1985 года отца Александра вызвали в Новодевичий монастырь, где находилась резиденция митрополита Ювеналия. Викарий митрополита, епископ Григорий, направил его в Совет по делам религий. Он поехал в Совет. Как только подошел к дверям Совета по делам религий на Садовом кольце, заметил у дверей группу людей в штатском. Они тоже заметили его и вошли вслед за ним. Отец Александр проследовал в кабинет Генриха Михайлова, заместителя председателя К. М. Харчева. Михайлов, маленький, лысеющий человек, в отличие от других замов Харчева, был не гэбистом, а партийным работником. После этой встречи отец Александр рассказывал одному из прихожан: «Михайлов встретил меня у кабинета и заявил, что со мной хочет побеседовать корреспондент газеты «Труд» Николай Домбковский. И пригласил в кабинет, куда без приглашения ввалилась группа людей в штатском. Они представились также журналистами.

Беседа длилась почти три часа. Причем вопросы задавали все. Домбковский больше молчал и записывал. Вопросы касались в основном деталей приходской жизни: «Вы недовольны нашими законами?» — «Относительно прав верующих — да». — «Но ведь вы могли вносить свои предложения, когда проходило всенародное обсуждение основного Закона нашей страны — Конституции». — «Это основной Закон, а меня не устраивают частности». — «Почему на обысках мы изымаем ваши диафильмы и магнитофонные беседы с верующими?» — «А почему я не могу с ними беседовать? В чем моя вина, если кто-то записывает их? Именно этими придирадками я недоволен. Почему-то эти беседы с прихожанами рассматриваются как религиозная пропаганда».

На эти вопросы чекистам нечего было ответить. Упрекали его в том, что он не протестует против шума, поднятого на Западе вокруг его имени. Потом долго обсуждали, где опубликовать прошедшую беседу. Отец Александр предложил опубликовать в Бюллетене отдела внешних церковных связей (ОВЦС), аргументируя тем, что публикация в такой многотиражной газете, как «Труд», привлечет внимание к неизвестному в СССР священнику. После этой встречи он написал краткое

письмо, в котором указывал, что не подвергался репрессиям, перемещениям и обыскам. Отослал его митрополиту Ювеналию и в Совет по делам религий. Митрополит Ювеналий направил это письмо митрополиту Филарету (Вахромееву), который в то время возглавлял ОВЦС. Митрополит Филарет с небольшими искажениями опубликовал это письмо в Бюллетене ОВЦС. Этот шаг на время смягчил ситуацию. Когда 30 декабря 1985 года с одним из прихожан он поехал на торжественный акт по случаю 300-летия Московской духовной академии в Троице-Сергиеву лавру, митрополит Филарет приветливо помахал ему рукой из президиума. Тогда казалось, что отцу Александру удалось на время отбиться от публикации в газете «Труд».

На самом деле все пошло по-другому сценарию. Новое руководство КГБ решило прибегнуть к помощи СМИ и советской прессы. В рождественский сочельник 1986 года ему позвонил из газеты «Труд» заведующий отделом информации Александр Мостовщиков и посоветовал посмотреть программу «Время». После программы выступал Сергей Маркус, каялся, признавался, что сидит не за религиозные убеждения, а за антисоветскую деятельность. К этому времени он отсидел два года из трех. Видимо, ему пригрозили, что добавят лагерный срок, и он решил раскаться. После выступления писал длинные письма отцу Александру, расхваливал лагерную жизнь. Но его не выпустили из лагеря. Лишь в апреле 1986 года заменили срок так называемой химией: он жил как вольный, но не имел права покидать определенного ему места жительства и должен был работать на производстве.

25 марта, на второй неделе поста этого же года, отец Александр поехал в ОВЦС. В поисках председателя заглянул в зал. Несмотря на то, что шло какое-то заседание, митрополит Филарет, его друг с юношеских времен, увидев его, вышел из зала, чтобы пообщаться с ним. Спросил, верно ли он поступил, опубликовав его письмо в Бюллетене. Узнав, что отец Александр принес статью, написанную по просьбе православных чехов, и хочет, чтобы оно было передано им официально, осведомился, не хочет ли он опубликовать эту статью в СССР. Отец Александр согласился, понимая, что оно вряд ли будет опубликовано.

Статьям Николая Домбковского в газете «Труд», которые были завершающим аккордом в многолетней травле отца Александра Меня, предшествовал ряд событий. Вечером 9 апреля 1986 года после программы «Время» выступил раскаявшийся-

ся «диссидент» из Уфы Борис Развеев. Уверенно и без запинки он сообщил ошарашенным телезрителям, что раскаивается в своей антисоветской деятельности и уже вступил на путь исправления. И добавил, что на «путь антисоветчины» его толкнули два человека — священник Александр Мень и Сергей Бычков. Народ уже успел отвыкнуть от подобных телеобращений, поскольку последний раз с голубого экрана каялся священник Дмитрий Дудко в 1980 году. Но это было давно, а тут накатывала перестройка, пахивало демократией. И вдруг — опять сталинский лексикон, биение в грудь и клятвы не нарушать закон. Советские люди, обычно не доверявшие тексту, искали подтекст: то ли в Политбюро опять победили «ястребы», то ли это какой-то очень хитрый маневр демократов из того же Политбюро.

Один из прихожан вспоминал: «Поскольку у меня не было телевизора, то я пребывал в блаженном неведении относительно этого выступления. На следующий день поехал в Москву, где мне сообщили о только что появившейся статье “Крест на совести” в газете “Труд”. Я купил газету и ознакомился со своей биографией в пересказе Бориса Развеева и Николая Домбковского. После прочтения у меня засосало под ложечкой. Я понял, что дела плохи, и поехал в Семхоз к отцу Александру. Он встретил меня у калитки. Сообщил, что уже видел выступление Развеева и теперь “чистит” дом. На огороде был разведен костер. Он добавил, что обычно после таких статей следует арест, и посоветовал мне срочно ехать домой и тщательно почистить свой дом. Мы оба жили по Ярославской дороге. Я приехал домой и следующие сутки провел на огороде, сжигая все, что могло попасть в руки чекистам и повредить мне или другим прихожанам. Наши жены работали в Пушкино в Институте повышения квалификации от Министерства лесной промышленности. Утром 11 апреля Наталья Григоренко, жена отца Александра, встретив мою жену, спросила, чем я занимаюсь. “Жжет бумаги на огороде,” — ответила она. “Мой тоже”, — лаконично ответила Наталья Федоровна.

11 апреля в “Труде” вышло продолжение “Креста на совести”. В это время я мучительно искал легальную работу по специальности. Отец Александр настаивал, чтобы я устроился хотя бы сторожем, поскольку меня могли арестовать за ту неядство. А уж в лагере добавить срок — дело плевое. Я устроился сторожем неподалеку от дома в дорожном управлении. Дежурил сутками. Ночевал в сторожке на столе, положив под голову кирпич. Так что жил вполне аскетично, однако одновременно пытался найти работу по специально-

сти. Вызовы на допросы продолжались. Они были регулярными, но каждый раз проходили в разных местах». Часто вызывали на допросы и отца Александра. От него требовали письменного покаяния. Он аккуратно являлся с очередным текстом, который всякий раз не устраивал следователей.

Он очень любил кино. И даже как-то сказал, что если бы не священническое призвание, то наверняка стал бы кинорежиссером. С конца 70-х годов кустарным способом он изготовил немало слайд-фильмов. Они размножались прихожанами, их смотрели в «малых группах», и не только в Москве. Это тоже была миссионерская работа, причем настолько яркая и эффективная, что благодаря воздействию слайд-фильмов в Церкви приходили все новые и новые прихожане. Отец Александр предпочитал лишь изредка заглядывать в будущее, живя настоящим. Он по-прежнему продолжал являться на вызовы то в Совет по делам религий, то в КГБ.

13 мая 1986 года в очередной раз был вызван в Совет. Беседа проходила в кабинете заместителя председателя Совета Генриха Михайлова с участием сотрудников КГБ. Длилась полтора часа. Рассматривали очередной вариант публичного письма отца Александра. Сотрудников КГБ не устраивала форма: по их мнению, в письме почти отсутствовало то, что они называли раскаянием. Позже отец Александр вспоминал, что атмосфера была напряженной, но он не уступал. В этот раз шел разговор о руководителях «малых групп». Сотрудники КГБ называли фамилии Маркуса, Андрея Бессмертного, Никифорова и Зои Масленниковой. По их мнению, все они были врагами, работали на подрыв строя. Отец Александр возражал: кроме двух отщепенцев — Никифорова и Маркуса — никто из упомянутых не преступил закон. Тогда сотрудники дали ему прочесть письмо Сергея Маркуса, которое он написал в лагере в ноябре 1985 года. Расстались на том, что отец Александр терпеливо пообещал составить новый вариант письма, который устроил бы всех.

Один из прихожан вспоминал: «В один из таких мрачных, тяжелых дней я наугад раскрыл Библию и прочел строки 124-го псалма: “Если бы не Господь был с нами — да скажет Израиль — если бы не Господь был с нами, когда восстали на нас люди, то живых поглотили бы они нас, когда возгорелась ярость их на нас; воды потопили бы нас, поток прошел бы над душою нашею и прошли бы над душою нашею воды бурные. Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их! Душа наша избавилась как птица из сети ловящих; сеть расторгнута, и мы избавились. Помощь наша

в имени Господа, сотворившего небо и землю". Оглядываясь на эти беспросветные годы, которым, казалось, конца не будет, понимаю, что держали всех нас милость Божия и молитвы отца Александра. Он, словно птица ("кокошь" по-церковнославянски), раскидывал свои крылья, чтобы закрыть нас, своих птенцов-прихожан, от нападающих хищников. И те, кто не покидал этого спасительного укрытия, прошли через испытания и сумели выстоять».

Благодаря тому, что открылись архивы Совета по делам религий, Лещенков узнал, что 26 мая отца Александра в очередной раз вызвали в Совет. Последние две беседы вели Генрих Михайлов и его заместитель, сотрудники КГБ отсутствовали. Накануне, как обычно, священник навестил митрополита Ювеналия и ознакомил его с очередным, но уже расширенным вариантом письма. Тот одобрил его. В Совете взяли письмо и попросили приехать в три часа дня. В этот день отец Александр встретился с прихожанином Владимиром Файнбергом и еще одним другом. Вместе поехали в Центральный дом литераторов, и, поскольку Файнберг был членом Союза писателей, их пустили в закрытый для посторонних ресторан. Он всегда славился своей добротной кухней. Не спеша пообедали. Потом прогулялись, благо день был теплый и солнечный. Отец Александр много шутил, хотя казалось, что ему в этой ситуации не до шуток. Проводили его до Совета. И в этот раз его вариант письма был отвергнут, а его вызвали на 29 мая. Это был четверг, и так совпало, что в Ленинграде скончался митрополит Антоний (Мельников). Михайлов расспрашивал отца Александра о том, как проходят похороны столь значимых церковных деятелей. Потом вновь вернулись к письму — споры длились почти восемь часов. Михайлов настаивал, чтобы в письме обязательно было рассказано о встрече с отцом Иоанном Мейендорфом. Отец Александр остановился на трех пунктах: слайд-фильмах, магнитозаписи и на том, что он несет моральную ответственность за противоправную деятельность Сергея Маркуса и Владимира Никифорова. Его вариант письма уместился на одной странице...

ГЛАВА VI. МИССИОНЕР ИЛИ БОГОСЛОВ?

Споры вокруг творчества отца Александра велись еще при его жизни. Следственная группа вынуждена была обратиться в Московскую духовную академию (МДА), а также к светским философам, чтобы понять, противоречили ли книги священника

Александра Меня основным положениям православия. Добиться вразумительного ответа из МДА им не удалось. Светские философы, особенно те, которые преподавали на философском факультете МГУ, охотно пользовались книгами отца Александра как важными источниками по религиозоведению. Естественно, что ничего крамольного или еретического в его книгах они не видели. Но анонимное письмо священнику Александру Меню, написанное от имени выдуманного старца-монаха, упрекало в богословских грехах: «...Но вот, сначала случайно, а потом специально знакомясь с Вашими статьями, крупными работами и действиями, я обнаружил в Ваших словах и делах такое, что никак не совместимо ни с Вашим положением в православной церкви, ни с подлинной любовью к еврейскому народу... Ибо дело-то не столько в Вас как в богозданной личности, сколько в тех видимых и невидимых силах, которые управляют Вами. Условное собирательное имя этим силам — с и о н з м. Условным я называю это имя потому, что на самом деле гора Сион — гора святая, Божия. Но названием этой горы воспользовались для обмана непосвященных силы, глубоко враждеб-

ные Богу и всякой Его святыне, и самому еврейскому народу. Прячась за святые имена и понятия, сионисты хотят обмануть не только "гоев", т. е. всех неевреев, но прежде всего свой собственный еврейский народ. Сионизм есть не что иное, как практическое осуществление тайных стремлений религии талмудического иудаизма. Современный иудаизм — это не просто одна из религий одного из народов Земли...»

Попытки следователей разобраться, что такое «религия талмудического иудаизма», к успеху не привели. Обращение к главе московской иудаистской общины раввину Адольфу Шаевичу едва не поставило в тупик следователей, поскольку он разъяснил им, что таковой религии не существует. И популярно рассказал о трех ветвях авраамической религии, которая почитает Единого Бога-Творца и опирается на Ветхий Завет. Оказалось, что иудаизм, христианство и ислам являются теми самыми авраамическими религиями. А также раввин попутно разъяснил им, что Талмуд есть лишь комментарий к Ветхому Завету. И поведал об основных книгах Талмуда. Мишна толкует Пятикнижие, или Тору. Гемара подробно разъясняет Мишну. Галаха — сборник правовых положений, а легенды, мифы, рассказы, сопутствующие Галахе, составили Агаду. Ни одна из этих частей Талмуда не претендует на роль Священного Писания и не является религией. Что же касается сионизма, то раввин объяснил, что цель этого движения была достигнута в 1948 году, когда ООН при поддержке Генерального секретаря ЦК КПСС Иосифа Сталина признала возникновение в Палестине государства Израиль. На большее сионисты никогда не претендовали.

Тогда следователи решили искать объяснения в самих книгах отца Александра, попутно допрашивая наиболее близких его прихожан, которые так или иначе помогали ему. И здесь не обошлось без курьезов. На допросе 30 апреля 1992 года бывший настоятель новодеревенского храма священник Иоанн Клименко, отстраненный от настоятельства митрополитом Ювением еще в 1988 году, заявил: «Священник А. Мень был обычным, рядовым сереньким и средненьким служителем Церкви. Музыкальных данных не имел, слуха не имел, голос сильный, громкий, но неприятный... Митрополит Ювений объяснял свои взаимоотношения с о. А. Менем чуткими по той причине, что за А. Менем внимательно смотрят за границей. И если у митрополита будут плохие отношения с о. А. Менем, это будет значить, что у нас гонения на духовенство. Во избежание такого недоразумения митрополиту пришлось быть в хороших отношениях

с А. Менем. Все митрополиты и епископы, члены Священного синода и другие (кроме ректора Московской духовной академии, там Меню уделялось много внимания) смотрели на о. А. Мень как на обычного бездарного священника, и никто не имел к нему никаких претензий. О. А. Мень был для них недоразумением. Все знали его и студенческие способности, и священнические, и проповеднические: во всем он был незначительным сельским священником, на которого не обращали внимания... Образование священника А. Мень выглядит так, что не поверишь, что он окончил десять классов, а если и окончил, то был плохим учеником. Его богословское образование очень и очень слабое. Что может получить заочник Семинарии и тем более заочник Академии, посещавший учебное заведение десять-четырнадцать дней в учебном году... А пока нет книг, кроме конспектов... Заочное обучение существует для того, чтобы священники без образования получили что-либо. О. А. Мень был священником, учившимся заочно. Кому-то представляется возможным верить в то, что книжки, подписанные "А. Мень", принадлежали ему, а я их читал. Все они богословски слабы и незначительны и не принадлежат ему. Все труды, подписанные именем "А. Мень", написаны не в духе нашем отечественном, а в духе европейском, то есть богословы, живущие у нас, так не пишут... Сам видел, как каждый воскресный день, каждый праздник, когда приезжали москвичи, Меню привозили книги, изданные на Западе. Также каждый воскресный день о. Александру привозили отпечатанные машинописные листы. Их печатала машинистка по имени Нелля, а редактировали труды Андрей Еремин, Сергей Бычков, Владимир Архипов, и это была процедура постоянная: в разном сочетании они до службы и после службы, в храме и в комнате, на скамейке под кустом — правили, редактировали, комментировали, работали над этими трудами. При этом бывали и другие люди, часто бывали приезжие, москвичи».

Несмотря на то, что сам отец Иоанн учился в Духовной академии очно, поверить в то, что он рассказывал, было трудно. Начались поиски текстов самого отца Александра, в которых он рассказывал об учителях и основных целях своих книг. Ясно было, что еще в юношеские годы он вырабатывал цельное мировоззрение: «Наставниками моими (кроме родителей) были люди, связанные с Оптиной пустыней и маросейской общиной отцов Мечевых. С самого начала в этой традиции меня привлекала открытость миру и его проблемам. Замкнутая в себе церковность, напротив, казалась ущерблением истины, которая призвана

охватывать все. Когда в семнадцать–восемнадцать лет я интенсивно готовился к церковному служению и много изучал патристику, у меня сложилась довольно ясная картина задачи, стоящей передо мной. Я видел, что к вере начинают тянуться люди преимущественно образованные, то есть те, кто имеет возможность независимо мыслить. Следовательно, священник должен быть во всеоружии. Я не видел в этом ничего от “тактики” или “пропаганды”. Пример Святых Отцов был достаточно красноречив.

Усвоение культуры нужно не просто для того, чтобы найти общий язык с определенным кругом людей, а потому что само христианство есть действенная творческая сила. Конфликт отцов с харизматиками-эсхатологами, отрицавшими культуру и “мирские” проблемы, имел прямое отношение к этой теме. Когда изучал раннехристианскую историю и писал о ней (в девятнадцать–двадцать лет), я убедился, что в моих мыслях нет никакого надуманного реформаторства, а они следуют по пути, проложенному традицией. Традиции святоотеческой христианской культуры противостоял апокалиптический нигилизм, вырождавшийся в секты, а также бытовой, обрядово-церковный консерватизм, который питался языческими корнями, и, наконец, лжегуманизм, пытающийся осуществлять призвание человека вне веры. Под знаком этого противоборства я и пытался понять (и описать) историю Церкви. Когда я познакомился с “новым религиозным сознанием” начала XX века в России, стало ясно, что “новизна” его относительна, что оно уходит корнями в ранние времена и в само Евангелие. Хотя Новый Завет прямо не касался вопросов культуры (ибо по своей природе он глубже ее), в его духе содержалось все, что должно было породить линию, ведущую через апостола Павла к святым Юстину, Клименту и далее к классическим Отцам».

В 1983 году, отвечая на вопрос одного из своих прихожан, он сказал: «Основными идеями и задачами за последние тридцать пять лет были, кроме пастырской работы:

1. Синтез Библии и науки, в том числе исторической.

2. Церковная историософия в свете Евангелия.

Эти темы были подсказаны жизнью (т. е. противоречиями этих начал) и векторами, указанными Владимиром Соловьевым. В детские годы делал попытки обрабатывать эти темы путем художественного литературного творчества. Но потом понял, что реальное — интереснее вымысла (эти беллетристические попытки не сохранились)». Владимир Соловьев стоял у истоков русского ре-

лигиозного возрождения и был учителем большинства русских мыслителей начала XX века. Отец Александр научился у него наиболее ценному: «На что бы он ни обращал свое умственное внимание — на социализм или на учение о революции, на развитие старообрядчества или судьбу России, — он всегда брал оттуда нечто ценное, он понимал, что ничего нет на свете бесплодного и бесполезного, его мышление проходило под знаком того, что он сам называл “всеединством”. Слово это многозначное, но в данном случае оно для нас может означать великолепное умение Соловьева созидать, синтезировать. Он много полемизировал, много выступал со статьями, даже целыми книгами против своих идейных противников. Но ни один из противников, которого он сразил, не оставался для него мертвецом — он всегда заимствовал у него то, что считал ценным. Таким образом создавался синтез мысли. Это была открытая мысль, и это поразило университетских профессоров». Следователи пришли к выводу, что отец Александр усвоил этот редкостный дар Владимира Соловьева: за что бы ни брался, включая советскую литературу, он всегда умудрялся извлекать что-то ценное.

Еще в начале 50-х годов в лавке букиниста юный Александр Мень за бесценок приобрел полное собрание сочинений Владимира Соловьева, мыслителя, критиковавшего позитивизм, в том числе и марксизм. Они по тем временам не могли быть выставлены на прилавке, а грудой валялись на полу. Будущий священник внимательно штудировал его сочинения. Соловьев вооружил его не отвлеченным, а опытным знанием. «Всеединство — это дух, который связывает элементы природы и духовные миры, который связывает общество, нас — с Высшим, Единым началом. И когда люди берут какую-либо одну ограниченную часть всеединого бытия и выделяют ее, получается то, что он называл “отвлеченным началом”. Поэтому рассудочное знание, ставшее отвлеченным, оторванным от бытия, в конце концов терпит поражение. Эмпирическая наука, которая перестает считаться с внутренним, духовным опытом, тоже заводит в тупик. Соловьев подвергает критике основные “отвлеченные начала”. Это стало содержанием его докторской диссертации». Выяснилось, что Владимир Соловьев был не только оригинальным мыслителем, но и одаренным мистиком. После блистательной защиты докторской диссертации он уехал в Лондон, где просиживал днями в Британской библиотеке, изучая средневековых мистиков. И там его настигло озарение: он едет в Египет в поисках Души Мира. В Каире он по-

кидает гостиницу и уходит в пустыню. «В цилиндре, в своем европейском одеянии он бредет наугад. Куда он шел, он сам этого не мог сказать. Он заснул на холодном песке. И когда проснулся, вдруг увидел в тот момент, который называют фазовым состоянием, когда человек переходит от сна к бодрствованию, другой мир, совсем иной. Как будто бы с окружающего его мироздания сняли пелену. Вот почему он писал в одном из своих стихотворений: "Милый друг, иль ты не видишь, что все видимое нами — только отблеск, только тени от незримого очами?" Это было его главное внутреннее переживание».

В этот период Владимир Соловьев задумал многотомный труд. «Своей невесте он говорил, что хочет написать историю религии, которая бы показала место христианства в мировом религиозном становлении. Но этот план не был выполнен». Именно этот неосуществленный замысел Соловьева был блистательно исполнен спустя сто лет отцом Александром в его шеститомнике «В поисках Пути, Истины и Жизни». В предисловии к первому тому этой серии он писал: «Главная цель работы — по возможности доступно изобразить драматическую картину духовной истории. Воссоздавая ее в свете целостного христианского мирозерцания, автор исходил из богатого наследия богословской и научной мысли. Поэтому весь цикл можно рассматривать как своего рода попытку религиозно-философского и исторического синтеза». В этом же предисловии он особо отмечает влияние на него английского ученого-социолога и историка религий XX столетия Кристофера Даусона. Его книга «Прогресс и религия» наряду с работами Владимира Соловьева помогла отцу Александру избрать верный вектор. Его шеститомник стал не только продолжением, но и творческим развитием многих глубоких прозрений мыслителей русского религиозного ренессанса.

Основная мысль шеститомника — не только показать духовные искания человечества, но и извлечь то ценное, что было обретено их основателями. Завершающий этап духовных исканий человечества отец Александр видел в Радостной вести богочеловека Иисуса Христа: «Не человеческой, а Божественной вестью вошло Евангелие в поток исторического бытия. Оно покорило многих, а для иных так и осталось соблазном или безумием. Некоторые, приняв его, потом отступились. Но идти миру было, в сущности, уже некуда. Оставалось лишь снова и снова повторять блуждания, которые увлекали человеческий дух в дохристианские времена. Отход от Христа на деле означал возврат к Будде или Конфуцию, Заратустре или

Платону, Демокриту или Эпикуру». Будучи свидетелем сталинских гонений, которым не было аналога в истории человечества, отец Александр тем не менее не был сторонником эсхатологистов, утверждавших, что конец мира близок как никогда. Будучи христианским оптимистом, он считал, что современные христиане на деле являются пока еще «неандертальцами духа». «Среди христиан еще слишком часто дают о себе знать рецидивы доевангельского сознания. Они проявляются и в отрешенном спиритуализме, и в авторитарной нетерпимости, и в магическом обрядоверии. Это вполне объяснимо: ведь позади сотни веков, в сравнении с которыми две тысячи лет — ничтожный срок для того, чтобы преодолеть "язычество" и осуществить хотя бы малую часть задачи, поставленной миру Богочеловеком. А она поистине абсолютна и неисчерпаема. Можно сказать, что "закваска" Евангелия только начала свое преобразующее действие».

Не все в философии Владимира Соловьева, как выяснили с помощью философов следователи, было близко отцу Александру. На вопрос одного прихожанина: «Какие положения системы Владимира Соловьева вам чужды и почему?» — он ответил: «Наиболее чужды мне его апокалиптические мотивы. И идея земной теократии. Это была дань времени. Самое драгоценное в нем — идея синтеза, "цельного знания", которое охватывает все области познания, вообще размах его мышления. Софиология — ни его, ни другая — никогда меня не привлекала. Его опыт Софии может быть истолкован как искушение. Слова "богиня" не понимаю. Возможно, что субъективно люди определенного склада способны воспринимать Бога в женской ипостаси. В принципе здесь нет ничего другого. В Божественном нет пола. Идея божественного "материнства" — одна из сторон живой религиозности, известной в Индии, Греции. В христианском мире она прикровенно проникла в почитание Богоматери. В действительности Бог — и Отец и Мать».

В конце 80-х годов, когда перед отцом Александром открылись широкие возможности христианской проповеди и он начал выступать с лекциями перед большими аудиториями, он попытался донести до аудитории смысл софиологии Соловьева: «Его опыт встречи с Душой Мира привел его к мысли об одухотворенности космоса и всего мироздания. Он ищет и находит имя этого Начала — имя это София — по-гречески "мудрость". В Библии говорится о Божественной мудрости. Божественная мудрость — это на современном языке информация, которую Бог за-

ложил в природу. А для Соловьева это некое духовное средоточие мира, которое ищет свободу. Мир отпал, в силу этой свободы, от гармонического состояния. Дальнейшая история мира — возвращение к вечной гармонии, к вечной Божественной симфонии, которой противостоит распад, дезинтеграция. Всякая ненависть, всякая сила, которая разделяет, разрушает мысль, чувство, тело, природу, — это противящееся Богу начало. Сегодня, в эпоху экологического кризиса, национальных и геополитических конфликтов, этот призыв Соловьева, его мысль о том, что Божественное соединяет, а все, что разъединяет — сатанинское, — в высшей степени актуальны». В лекции, посвященной братьям Евгению и Сергею Трубецким, которые были учениками и последователями Соловьева, отец Александр развивает эту мысль.

Отцу Александру Соловьев был близок и своей социальной позицией. «В отношении социальном он был всегда сторонником демократии и справедливости. Его блестящие статьи в защиту свободы совести актуальны полностью и сегодня. Он считал, что православное христианство в России унижено тем, что его защищает цензура, государство. Соловьев выступал против гонений на старообрядцев, против гонений на сектантов. Он говорил, что если действительно истина реальна, если люди, которые исповедуют ее, верят в нее, то нельзя прибегать к цензуре, насилию, подавлению. К этим средствам прибегает только тот, кто в глубине души не верит в свою идею. Он, кстати, говорил и о “правде социализма”. “Правда социализма” частична. Понятие “социализм” он понимал очень широко, считал, что необходимо добиваться лучших экономических условий для жизни человека. Но он был убежден и доказывал это, что одних только экономических преобразований недостаточно. На самом деле человек не может быть счастлив, если он материально обеспечен, а духовно нищ и обделен... Что такое идея Богочеловечества? Бог не Один творит мир, человек также участвует в мировом творении. Возникает колоссальная ответственность. Понятие “Богочеловечество” не случайно — оно взято Соловьевым из церковного обихода. Ибо для нас Иисус Назарянин Богочеловек, а раз Богочеловек, значит, Он освящает самим фактом Своего пребывания на Земле земной труд, земную жизнь, земную человеческую личность».

В то же время философы, привлеченные следователями, разъяснили, что отец Александр никогда не стремился выстроить богословскую систему, подобную той, которую на протяжении десятилетий эмиграции пытался выстроить отец Сергей Булгаков. Ему был ближе апостол Павел, который писал свои послания общинам, обсуждая, казалось бы, сиюминутные проблемы первохристиан. Но попутно раскрывал сущность евангельской вести. Прибегая к метафорам, сравнениям из повседневной жизни, он как бы мимоходом говорил о том, как должны жить христиане, о тайне смерти, о личности Иисуса Христа и созданной им Церкви. При всей симпатии к отцу Сергию он говорил о его ошибках: «Булгаков считал, что творение мира должно было иметь в своем основании некое духовное начало: Бог создал Душу Мира. Эта Душа Мира очень тесно связана с Самим Божественным Началом, она как бы мысль Божия, пронизывающая творение. Но иногда можно было понять так, что между миром и Богом нет пропасти, что Абсолют и тварное плавно переходят друг в друга. Получалось, что творение — не акт, а чудо, когда из небытия рождается бытие. А из мысли, которая находится в Боге, из Небесной Софии — Премудрости Божией — рождается духовная основа мира, а из нее — мир. То есть мир более связан с Богом, чем всегда считало христианское богословие. В этой системе много соблазнов: например, уклон в пантеизм. Но Булгаков никогда не выдвигал это как догмат, это было только его частное богословское мнение. Теологумены допускаются в Церкви и всегда допускались, если они не претендуют на абсолютную истину». Отвечая на другой вопрос, отец Александр четко отделил подлинно христианское от ложного: «В отце Сергии Булгакове я ценю прежде всего его идеи раннего периода: об очеловечивании природы, о творческом призвании человека, о необходимости реализовать Евангелие в жизни общества. Богат мыслями и его анализ апофатического богословия (“Свет невечерний”), а также его трилогия. Но в основном его парижские работы кажутся мне многословными, стилизованными и гностическими. Он пишет о сокровенных вещах слишком прямолинейно, слишком катафатично. Эта гностика (включая и софиологию) мне чужда. Она висит в воздухе, не опираясь ни на Писание, ни на разум».

Продолжение следует.

Валерий ЛАМЗОВ

Окончание. Начало в № 2, 3 за 2015 год

ВИЗИТ КОРРЕКТОРА

ГЛАВА 16. ДОРОГА В НИКУДА

Смерть Андропова стала сильнейшим моральным ударом для Виктора Михайловича. Мало того, что потерял друга... Умер генеральный секретарь, с которым ушла в небытие целая эпоха.

Пока Ю. В., считай, год болел, страной правил коллективный склеротичный разум. Спасибо, помощники у Андропова оказались на высоте. Теперь взмошел второй «могиканин», которого специально вытащили из пропахшего нафталином сундука, чтобы рассмешить народ. Константин Устинович, конечно, хороший мужик, но этого ой как мало.

Думая об этом, Виктор Михайлович уже точно знал, что идет большая игра, в которой старшая гвардия небожителей оказалась в положении заложников чьей-то недоброй воли. И что под видом младореформаторов, которые уже высовывают свои головы из-под ковра и начинают невнятно, сплуняво говорить о западных экономических моделях, притаились откровенные враги государства, желающие в прямом смысле прибрать его к рукам. Через тягу людей к обновлению про-

тащат реформы, которые выбьют основы управления у государства.

Этому еще предстояло случиться, а сейчас он решил довести до конца дело, порученное ему Юрием Владимировичем. И потому генерал-майор Пономарев и полковник Федотов, как и было поручено, явились с докладом по результатам работы.

Никого больше не приглашали. Доклад проходил в обстановке полной секретности. Пономарев начал с того, что в смертях Гречко, Сулова, Кулакова и даже самого Брежнева, как и предполагалось, вырисовывается одна закономерность. И если рассматривать проблему в комплексе, это не только медицинский фактор, это еще и интриги в высших эшелонах власти. Например, отставка Романова, смерть Машерова — все указывало на наличие системы, преследующей определенную цель.

— Конкретней, пожалуйста, — попросил Чебриков.

Полковник Федотов положил перед шефом справку.

— Обратите внимание, Виктор Михайлович. Вот, к примеру, мар-

шал Гречко. Долгие годы он третирует Леонида Ильича, грубил, иногда откровенно дерзил в присутствии членов политбюро. Часто ставил генсека в недвусмысленное положение. И считал вправе это делать по той простой причине, что во время Великой Отечественной войны Брежнев был его подчиненным. И вдруг совершенно неожиданная смерть. Мы досконально проверили результаты вскрытия и можем с высокой долей уверенности заявить, что эта смерть была естественной.

— И что? — озадачился Виктор Михайлович. — Это же нормально?

— Нет, — ответил Пономарев за своего подчиненного, — в остальных случаях мы так однозначно утверждать не можем. Смерть Гречко — это исключение.

— Значит, мы не ошибались, когда предполагали злой умысел и организованный характер преступлений?

— Похоже, что да! — сказал Пономарев. — Я только прокомментирую вереницу совпадений. Начну со смерти Л. И. Брежнева. Причина — острая сердечная не-

достаточность, приведшая к остановке сердца. Умер Леонид Ильич в преддверии важнейшего политического события — пленума ЦК, где он должен был сделать заявление о переходе на другую, более спокойную работу — председателем партии, а генсеком он собирался предложить Щербицкого. В связи с этим он дал соответствующие распоряжения секретарю ЦК, руководящему партийными кадрами Капитонову. «Через месяц в этом кресле будет сидеть Щербицкий. Все назначения делай с учетом этого». Через три дня после этого разговора Леонида Ильича не стало.

— Это мы все знаем! И что здесь нового?

Пономарев продолжил:

— В ночь, когда умер Брежнев, на даче не было ни одного медицинского работника. Прежде такого не случалось.

— Мне это известно! Чадов объяснил это роковым стечением обстоятельств. Леонид Ильич чувствовал себя хорошо и сам разрешил уйти своей медицинской няньке, которая приучила его к снотворным. И что здесь интересного? Почему начали доклад именно с Брежнева?

Пономарев замаялся.

— Ну, говорите же, Борис Михайлович.

— Когда обнаружили тело, Медведев пытался его оживить массажем. Но предварительно позвонил нам. Первым приехал значительно раньше других Андропов, уже в ранге секретаря ЦК по идеологии. Прошел в кабинет Леонида Ильича, взял из сейфа кейс с документами и, не поздоровавшись и не попрощавшись с Викторией Петровной, ушел. И вскоре прибыл с другими членами политбюро, как будто здесь его и не было. Это, естественно, шокировало вдову, о чем она поделилась с женой Гришина. Медведев подтвердил.

— И это все?

— Пока да!

— Это больше похоже на бабские сплетни, а не на материалы повторного расследования. Могу представить, что бы там было, если бы Федорчук приехал.

Виктор Михайлович ждал подтверждения своему предчувствию, своей интуиции, но пока тщетно.

— Теперь что касается Кулакова. Острая сердечная недостаточность у совершенно здорового человека. Это как мы докладывали, но по факту — пулевое отверстие в височной части левого полушария, как у Цвигуна. Левшой он не был.

— Это я тоже знаю! — оборвал Чебриков. — И что?

— Самым первым у тела тоже был Ю. В., и также отсутствовал медик. Есть основания полагать, что версия о том, что Шеварднадзе передал Брежневу неприятные разговоры о нем со стороны Кулакова и Машерова, которые гостили у последнего и это и явилось причиной смерти обоих, не лишена оснований. Более того, смерть Цвигуна, Косыгина, Устинова и четырех министров обороны стран Варшавского договора носит заказной характер заинтересованной стороны, это очевидно.

— Надеюсь, она вам уже известна? — спросил Чебриков, заранее предвидя отрицательный ответ.

В разговор включился Семен Михайлович Федотов.

— Разрешите мне высказать свое видение этой проблемы?

— Прошу вас, — согласился Виктор Михайлович.

— Вы знаете, очень часто бывает так, что мы пытаемся обнаружить или вычислить, как нам кажется, абсолютное зло, а ларчик открывается просто и совсем в другом месте.

— Продолжайте, — подбодрил его Виктор Михайлович, заметив смущение полковника.

— Я думаю, что здесь может быть несколько составляющих. Одна из них — в рамках поставленной задачи — действительно ли смерть Кулакова была инициирована ради выдвижения Горбачева? И побудительный мотив, и фактический материал есть для простого мирянина, для члена политбюро — нет!

Может ли идти речь о каком-нибудь маньяке в системе медицинского обслуживания номенклатурных работников? Конечно, может. У нас нет системы психического отбора врачей. Она проводится от случая к случаю.

Может ли это быть деятельностью спецслужб? Тоже исключать нельзя. Я думаю, что сложность в понимании произошла от наличия взаимоисключающих эпизодов, составляющих происшествие. И это сбивает с толку. Если разбить на группы по похожему смертей, тогда будут вырисовываться почерк и побудительный мотив.

Мы рассмотрели эти варианты, и у нас образовалось три группы. Первая: Сулов, Кулаков, Брежнев. Здесь просматривается прямая связь, вытекающая в прямой интерес. Связь, в которой ключевой фигурой является Ю. В., как ни странно. Мы считаем, что это невозможно. Андропов к власти никогда не рвался, — заключил Федотов.

— Здесь хитрить не надо! — остановил его Чебриков. — «Кто во власти, одержимый страстью властвовать над всем». Давайте будем объективны. И только факты.

— Это говорит о том, что Горбачев нужен был Андропову в Москве как особо доверенное и приближенное лицо. Что касается Брежнева, то для многих это был счастливый случай. Но вот тайный, первый ранний визит Андропова к покойному на дачу и этот чемоданчик выглядят совершенно

закономерно, если речь идет о завершении операции. Какая-либо здесь случайность отпадает, — закончил Семен Михайлович.

— А что было в этом чемоданчике? — спросил Чебриков.

Ответил Пономарев:

— Многие считают, что это был компромат на всех членов политбюро, который ему давал сам Ю. В., и это представляло опасность для государства.

— Ну ясно! — вздохнул Виктор Михайлович. — Так мы далеко не уйдем. Хотя чему тут удивляться! Ю. В. мудрый человек был. Это разумно, в его стиле.

Брошенная фраза взбодрила приглашенных работников: значит, все не так плохо, и они продолжили.

— Что дальше? — снова спросил Виктор Михайлович, надеясь найти хоть какую-то зацепку, говорящую об организации и связях Горбачева, который был теперь при Черненко.

«Его уже дважды пытались убить — первый раз якобы под видом отравленной копченой ставридки. Еле откачали. Затем отправили для поправки здоровья на высокогорный курорт в Кисловодск — под сильнейшим давлением на Чадова со стороны Горбачева. И как будто нарочно забыли, что у человека эмфизема легких. Через десять дней его на носилках, полуживого, вернули в Москву. Но работать он уже не мог. Реальная власть перешла к Горбачеву. Но пока был жив Константин Устинович, шла ожесточенная подкованная борьба». Виктор Михайлович понимал, что самую большую опасность для Горбачева представляет Щербицкий. «Интересно, — думал он, — какой вариант нейтрализации придумают младореформаторы для его устранения?»

К действительности шефа КГБ вернул генерал Пономарев.

— Вы поставили задачу установить связи Александрова на Запа-

де и, прежде всего, с США. Мы больше года вели скрупулезную работу. Часть выводов мы уже доложили, но это только вершина айсберга...

— Прошлый раз вы дали нам понять, что Андропов наемкнул на совершенную им ошибку относительно Горбачева и очень хотел избавиться от влияния Александра. И мы решили посмотреть, что вообще могло быть общего между этими совершенно разными людьми. Теперь уже можно утверждать, что, во-первых, у Ю. В. была сильнейшая душевная травма из-за несчастной судьбы своего первенца, старшего сына от первого брака, который страдал алкоголизмом и умер несколько лет назад. Во-вторых, он очень переживал и считал себя виноватым в том, что жена Татьяна Филипповна во время венгерских событий в бытность его там послом получила сильнейшую психическую травму, насмотревшись на ужасы, творимые националистами. И в Горбачеве он увидел благодарного и толкового ученика.

— Сколько раз Горбачев был в больнице у Андропова во время последней госпитализации? — спросил Чебриков.

— Один раз. В первый же день вечером. И потом в журнале посещения записано: два раза с женой и семь раз один.

— Неплохо для любимого ученика, — грустно сказал Виктор Михайлович. — Видимо, долгий у нас будет сегодня разговор.

Он позвонил в приемную и попросил для всех чай.

Когда чай принесли, Виктор Михайлович снял галстук и повесил пиджак на вешалку — топили хорошо. Он положил в стакан лимон и, аккуратно помешивая ложкой, спросил притихших офицеров:

— А вы знаете, кто был крестным отцом Ю. В. и его патроном?

Оба отрицательно замотали головами.

— То-то и оно, товарищи чекисты. Крестным отцом Ю. В. был его наставник еще со времен работы в Карелии Отто Вильгельмович Куусинен. Очень интересная фигура. В молодости он крутился в политическом бомонде Финляндии. Водил дружбу с богатыми масонами. Целых девять лет был депутатом финского сейма. Шесть лет возглавлял социал-демократическую партию. Затем много лет вел подпольную работу, практически до 1943 года. Был одним из руководителей Коминтерна. Даже был членом ЦК ВКП(б), а при Хрущеве стал секретарем ЦК КПСС. Не шутки вам шутить. Так вот. Когда была Советско-финская война, произошел один случай, на который обратили внимание наши чекисты. Куусинен возглавил в то время создание на территории СССР на случай нашей победы правительства народной Финляндии. Западная пресса вылила на него всю грязь, какую только можно. Короче говоря, ругали его везде... Кроме, заметьте, Великобритании. А крупный английский политик Крипе даже публично заступился за него.

В ЦК КПСС Куусинен ведал международными вопросами, к нему-то после венгерских событий и попал Ю. В. заведующим отделом. — Чебриков сделал глоток уже остывшего чая и задал риторический вопрос самому себе: — Зачем я вам это рассказываю?

— Видимо, для этого есть основания? — в полушутливом тоне ответил Пономарев.

— Мы бы так ничего и не узнали, если бы наш человек в Великобритании не предоставил нам убийственные доказательства. Отто Вильгельмович Куусинен указом королевы был награжден Высшим орденом Великобритании, получил рыцарское звание и считается нашими коллегами там, в туманном Альбионе, самым успешным агентом-нелегалом.

— Это не укладывается в голове, — пытался возразить Федотов. — Как это может быть?

— Может! — невесело усмехнулся Чебриков. — Все, что случилось, всегда возможно и может повториться.

Пономарев предположил:

— Выходит, что после возвращения из Америки, по окончании стажировки в Колумбийском университете, Александров попал работать к Куусинену?

— Нет, — возразил Чебриков, — он вернулся к Суслову, которого боготворил. Вы же понимаете, англичане не могли допустить их сотрудничества. Это значит за-контрапупить все дело. Они не подозревали о существовании друг друга в другом ключе, кроме как работа в ЦК. Хотя были хорошо знакомы и не раз встречались.

— Тогда получается, что Андропов, Александров и Куусинен в одно и то же время работали в ЦК, где-то на одном номенклатурном уровне.

— Абсолютно точно! — подтвердил Чебриков. — Кроме вас еще одна группа работает по этой же теме. Но у нее другая задача. Ясно одно: Андропов знал об этих людях значительно больше, чем кому-то хотелось. Еще с тех времен. Была какая-то тайна. Очень большая. Тайна партии. И я хочу вас предупредить. Мы находимся в смертельной опасности, потому что речь идет о больших, очень больших деньгах там, за бугром, и Александров в курсе. Думаю, Ю. В. догадывался. Если кто узнает, всем нам не поздоровится. Тем более сейчас, в преддверии больших перемен.

— Странно это как-то звучит в стенах нашего заведения, — заметил Федотов. — Похоже, времена начинают очередной раз меняться.

— Поживем — увидим.

Чебриков встал из-за стола, пошел к окну и стал внимательно

разглядывать пешеходов, укутанных в теплые одежды и спешащих куда-то по делам. «У каждого свои дела, своя судьба, — подумал он. — И никому нет дела до того, что судьба их родины висит на волоске. Все решается под ковром в кулуарах. Везде интриги. И смерти, смерти больших и значимых людей. Что это? Роковое предзнаменование чего-то страшного? Случайность? Или естественный ход событий?»

Его мысли прервал телефонный звонок. Он поднял трубку. Долго слушал и, ничего не сказав, положил.

— Что-то случилось, Виктор Михайлович? На вас лица нет.

— Черненко умер.

Все замерли.

— И что теперь делать? — спросил Федотов.

Но ему никто не ответил, потому что зазвонил другой телефон. Кремлевка.

Виктор Михайлович сел в кресло и спокойно взял трубку:

— Слушаю вас.

— Здравствуйте, Виктор Михайлович.

— Здравствуйте, Михаил Сергеевич.

— Вы в курсе случившегося?

— Да, уже знаю!

— Вот и отлично. Надеюсь, вы понимаете важность текущего момента?

— Да, конечно! У нас на такой случай есть план необходимых обеспечительных мер, — начал докладывать Чебриков. — Границу переведем на усиленный режим охраны. Все комитеты на местах действуют по специальному плану заранее разработанных мероприятий...

— Это все правильно вы делаете, — перебил его Горбачев. — Мы очень на вас рассчитываем. У меня к вам просьба. Нужна ваша помощь.

— Слушаю вас, Михаил Сергеевич!

— Вы знаете, где сейчас находится товарищ Щербицкий?

— Да, конечно. С визитом в Великобританию.

— Абсолютно верно. И сегодня он должен возвращаться в Москву. — Горбачев умолк, прикидывая, как лучше сказать ключевую фразу, и наконец выдал: — Нам надо, чтобы он задержался у англичан на пару-тройку дней ради общего дела!

Чебриков молчал.

— Вы можете справиться с таким партийным поручением?

— Да, конечно, — наконец произнес он. — Я все сделаю.

— Мы на вас рассчитываем, Виктор Михайлович.

В трубке раздались короткие гудки.

Чебриков, как-то странно улыбаясь, отпил чай из стакана и, глядя в пораженные лица коллег, сказал:

— Вот и сказочке конец, други мои. Горбачев будет новым генсеком. Через два-три дня.

— И что нам теперь делать? — очередной раз спросил полковник Федотов.

— Закрываем дело. Теперь уже не имеем права.

— Что делать с материалами, Виктор Михайлович? — тотчас озадачился Пономарев как руководитель рабочей группы.

— Сколько работников в курсе? — снова спросил Чебриков.

— Двенадцать человек вместе с нами!

— Со всех подписку о неразглашении. Делу дать режим особой секретности. Об этом я позабочусь сам. Сегодня же все подготовьте.

Когда генерал и полковник ушли, Чебриков попросил к себе начальника управления охраны.

А на Старой площади в это время жизнь кипела так, будто страна готовилась к какому-то очередному торжеству. Случилось так,

что до покойника не было дела никому. Правительственные машины сновали между Кремлем, МИДом и Старой площадью, как челноки. Группировки властителей страны готовились представить нового лидера, и каждая — своего.

Но это был самый настоящий фетиш. Потому что кукловоды расписали все заранее, как по нотам. Оставалось только открыть занавес этого театра абсурда. Где мудрый дипломат и политик с богатым политическим и житейским опытом соглашается стать ферзем на час ради минутной слабости, нисколько не подозревая, что его, мудрого и умного, руководящего и направляющего, «обуют, как самого настоящего лоха». Этим лохом оказался Андрей Андреевич Громыко. Поддавшись уговорам сына, обработанного Александровым, Андрей Андреевич согласился на должность председателя Верховного совета. Как старейший партиец, не дождавшись открытия заседания политбюро, предложил Горбачева избрать генеральным секретарем. Сделка состоялась. На мелочи никто не обратил внимания. Главное, на смену старикам пришел молодой и энергичный, выступающий без бумажки лидер. И на тот момент это был лучший вариант.

«Ну, теперь заживем!» — вздохнула облегченно страна. Но не тут-то было!

ГЛАВА 17. НАШ МИЛЫЙ ДОКТОР

Много лет тому назад

Лариса Венедиктовна Тужикова всю свою жизнь посвятила медицине и больным и нисколько не жалела об этом. Быть нужной людям, дарить им радость жизни, помогать преодолевать недуги, радоваться с ними своим победам — все это делало ее счастливой, дарило ощущение востре-

бованности, нужности людям. Ей было уже около шестидесяти, но ни у кого из начальства даже не возникало и мысли отправить ее на пенсию. Хотя казалось бы, почему не пойти на заслуженный отдых... Нет! Она не могла себе этого представить. Дети выросли. А внуки ей были интересны до двух лет, пока они были похожи на маленьких зверьков: котят или щенят. Чуть повзрослевшие дети ее уже не интересовали, как и взрослые. Она не понимала, что такое любовь к ближнему. К больному — это другое дело. Но вот к своим — это ей было непонятно. И не потому, что она этого не хотела. Она просто не могла жить и любить по-другому. Она была так устроена. Лариса Венедиктовна была абсолютно уверена в том, что все делает правильно и что так живут все.

Последний ее муж умер три года назад. Он был третьим, и она вздохнула с облегчением.

— Рано или поздно это должно было случиться, — рассуждала она. — Ну никак не идет лечение впрок — то инфаркт, то инсульт! А потом рак толстой кишки — оперировали, затем рак желудка и, наконец, рак кожи, а умер от сердечной недостаточности. Парадокс, и только. Жизнь мучит человека одной болезнью, а смерть приходит от другой.

Когда он умер — а случилось это совершенно неожиданно, — она читала книгу. Он вышел из туалета и упал замертво, неудобно свалившись набок в узком коридоре, уткнувшись головой в пол. Ее расстроила не столько смерть мужа, сколько та некрасивая поза, в которой он встретил свой конец. Так и сказала:

— Как некрасиво!

Понятно, что такую сторону ее жизни никто не знал. Да, похоже, она и сама о себе любимой много чего не знала. На людях же она

была само обаяние. Больные ее обожали. Тем более это были не какие-то рядовые пациенты, это были великие люди мира сего.

Старожилы клиники, знавшие Ларису Венедиктовну очень давно, помнили ее пышногрудой красавицей с темными карими глазами, мимо которой не мог равнодушно пройти ни один мужчина.

Десять лет назад, когда ее муж, тоже, кстати, фармаколог, врач, начал сильно болеть, на Ларису Венедиктовну обратил внимание ее старый друг со студенческой скамьи Сергей Петрович Вишня, который на целых двенадцать лет был младше своей возлюбленной.

Как бы то ни было, но роман состоялся, и чувства взыграли вновь. Будто сахар бросили в старое вино: Лариса Венедиктовна под старость лет влюбилась без памяти, как девчонка.

Двойственность положения вынуждала влюбленных вести скрытую жизнь многие годы. Но, как говорится, все тайное становится явным. С трудом дождавшись годовщины усопшего супруга, Лариса Венедиктовна и Сергей Петрович решили жить вместе под сводами ее дома.

Сергей Петрович, несмотря на заметную разницу в возрасте со своей подругой, представлял собой плюгавенького мужичонку, практически лишенного волос на выдающемся черепе. Что было особенного в этом человеке, так это глаза. Они, как и у Ларисы Венедиктовны, были карие, но широко расставленные, чего сначала можно было не заметить из-за глубокой посадки. И смотрели они всегда не на человека или объект, а вовнутрь его! Это очень возбуждало Ларису Венедиктовну. Она знала, что у мужа есть дар, и она подчинялась этому дару безропотно, как кролик удаву.

Прошлое Сергея Петровича ее не волновало. Ей было известно лишь, что очень давно он увлекал-

ся какими-то психологическими опытами. За что пять лет отсидел где-то в Пермском крае. Затем опять вернулся в медицину и практиковал лечение с помощью гипноза. Женат он никогда не был. Детей тоже не имел. И это ей было приятно.

Ей казалось, что из своего любовника она вьет веревки. «Он такой исполнительный, такой безотказный, — думала она. — Это лучшее, что когда-либо было у меня в жизни».

Ей так нравилось с ним жить и общаться, что она даже никогда не задумывалась, почему она, фармаколог по образованию и один из самых известных в своей профессии специалистов, никогда не может рассказать или вспомнить, о чем она говорила с Сергеем Петровичем накануне. Все помнила абсолютно. Разговоры с ним — никогда! Она этого не знала.

Причиной такого необъяснимого явления было то маленькое обстоятельство, которое Сергей Петрович Вишня скрывал от своей дражайшей половинки. Он владел навыками так называемого боевого гипноза, участником эксперимента по внедрению которого сам и являлся в далеком прошлом. И как-то имел несчастье неудачно его применить. За что и схлопотал пять лет.

В душе этого маленького человечка с широко распахнутыми глазами кипели недюжинные страсти. Он мечтал управлять миром. Увлечение Ларисой Венедиктовной в юности, женщиной, которая была гораздо старше его и которая не обращала на него никакого внимания, породило в нем сильнейшее желание влюбить ее в себя. И он серьезно увлекся гипнозом, видя в нем панацею от всех бед. Успехи молодого человека были замечены, и ему была предложена работа. Но! Головокружение от

успехов, рестораны, девочки привели его в Пермский край. Там-то он и познакомился с известным фарцовщиком Юрой Бланковым, человеком со связями и весьма уважаемым в криминальном мире. Он говорил молодому Вишне:

— Ты, Сережа, цены себе не знаешь! Придет время, и мы с тобой такие дела будем делать — закачаешься. В шоколаде будем ходить.

— А что для этого надо делать? — наивно спрашивал Вишня, изображая из себя полного идиота.

— Ты шлангом не прикидывайся, — понимая его хитрость, назидательно говорил Бланков. — За что сидишь, то и будешь делать. Только на очень высоком уровне. Держись за меня, и все будет хорошо! — Затем, помолчав, добавил: — А вздумаешь драпать — найду и убью.

Вишне это уже было не страшно. Грубые ласки Бланкова Вишне уже давно нравились. У них были отношения, которые держались в глубочайшей тайне. И это их сближало еще больше.

Юрий Бланков очень интересовался политикой и считал себя диссидентом. Он был против существующей власти. Презирал коммунистов, преклонялся перед Западом. Любил все заграничное. Но срок мотал не за политику, а за спекуляцию импортными тряпками, о которых до знакомства с Бланковым Вишня не имел ни малейшего представления.

Выйдя на свободу с небольшим интервалом, они уже знали, что делать. Детали будущей жизни были расписаны как по нотам.

Первым освободился Бланков и стал вести скромный образ жизни в московской квартире своей родной тетки, которая незадолго до появления племянника, единственного наследника, померла.

Кроме участкового Чуйкина, знавшего, по какой статье в действительности мотал срок его

подопечный, никто ничего заподозрить не мог. Настолько Юрий был обаятельным и воспитанным человеком. Самого же участкового очень скоро он сделал своим приятелем, стал баловать деньгами, коньячком... Иными словами, приучил. Осталось дожидаться Вишни. И Вишня пришел. О Ларисе Венедиктовне тогда он забыл начисто. Теперь у него был Бланков — самый дорогой ему человек.

Но в начале 70-х вместе жить двух особям мужского пола считалось очень неприличным. Пришлось ублажить сексуальную бдительность общественности и снять квартиру для Вишни неподалеку, в соседнем доме.

Предстояло большое и прибыльное дело, суть которого заключалась в следующем: Юрий вводил Вишню в круг состоятельных людей, страдающих неприязнью к государству из-за невозможности красиво потратить честно наворованные деньги, а тот с помощью гипноза выуживал у них всю информацию об их деньгах.

Сладкая парочка, нетрадиционно ориентированная в жизни, процветала, расширяя свои финансовые возможности и круг общения. Юрий Николаевич создает себе образ видного профессора, широко известного в университетской среде. Жизнь удалась. Но чего-то ему не хватало.

Как уже отмечалось выше, Бланков питал слабость к политике и всячески искал среду, где бы можно было блеснуть своими политическими дарованиями. И вот однажды, после завершения одного такого почти подпольного вечера диссидентов, где Вишня провел парочку «оздоровительных» сеансов, а Юрий Николаевич выплил гигантскую кучу грязи на Леонида Ильича Брежнева, откровенно противопоставляя политике партии свои гениальные суждения об истинной демократии, о гени-

альности сексуальных меньшинств, являющихся носителями всего творческого и передового и так жестоко унижаемых в этой стране, в дверь неожиданно позвонили. Любовники не на шутку испугались. А происходило все это в большой квартире Бланкова.

Юрий Николаевич посмотрел на напольные часы — стрелки показывали пять минут первого ночи. Сергей Петрович, уже с сеткой на голове и в ночном макияже, мгновенно перестал натирать кремом ладонки рук.

— Кто бы это мог быть? — спросил Бланков, мгновенно превратившись в большое желе от страха.

Вишня подошел к двери, осторожно взглянул в глазок — и тут же отскочил от нее, как будто увидел дьявола во плоти. От ужаса Бланков не сдержал пук. Отчего внезапно обрушившийся на них страх стал еще сильнее, еще невыносимей, еще тягостней.

— Кто там? — тихо, чуть дыша, спросил Вишня.

— Я по делу. Я не враг. Не бойтесь меня. Откройте дверь.

Непонятно почему, Юрий Николаевич с готовностью бросился к замку и распахнул дверь настежь.

На пороге стоял человек, одетый во все черное: высокий воротник, пальто и нахлобученная на лоб шляпа, скрывающая лицо. Видна была лишь седина на виске. Черный шарф полностью закрывал нижнюю часть лица, потому видны были только глаза. Незванный гость легкой походкой вошел в огромную квартиру Бланкова, будто знал здесь каждую дверь, каждый шкаф. Это сильно напугало хозяина. И неспроста. Он тут же начал вспоминать, где какие у него есть схронки, где «николаевские» червонцы и «империалы», где камушки, а где валюта.

Из глубокой тревожной задумчивости его вывел сочный, молодой голос с заметным англий-

ским, а скорее, американским акцентом.

— Я пришел, господа, предложить вам работу, грязную, аморальную, но очень хорошо оплачиваемую!

У Вишни на голове оставалось два-три волоска, вечно прилепленных к потной лысине, которые после таких слов встали по стойке смирно, как солдат Швейк, превратив его голову в сплошное внимание. В этот момент вообще вся его фигура напоминала большой вопросительный знак — сколько? Человек в черном, манерно меряя шагами большую залу, начал говорить медленно, как профессор изящной словесности, то и дело забывая союзы и склонения. И это вселяло надежду — наш человек! Оттуда!

— Вы, Юрий Николаевич, большой любитель красивой жизни, — начал свою разъяснительную речь человек в черном, обводя широким жестом хоромы хозяина. — Все ваше добро нажито непосильной работой и бессонными ночами за картами и за думами о том, как бы круче обокрасть своих друзей — завсегдаев вашего дома.

Эти идиоты даже представить себе не могут, что везучесть ваша в игре — всего лишь гипноз вашего любимого друга Вишни. Периодически повторяющиеся несчастья с вашими друзьями, у которых то и дело странным образом пропадают деньги и драгоценности, — тоже благодаря дару вашего друга Вишни, который делает это все только потому, что безгранично любит вас и привязан к вам рабски.

Слушая это, Бланков трогательно поцеловал Вишню в лоб и нежно вытер любимому другу внезапно накотившуюся слезу.

— Зачем вы так, по живому? Нам ведь и так нелегко живется в этой стране дикарей и откровенных мужланов.

— Согласен! — весело ответил человек в черном. — Но товарищ Вишня заслуживает более серьезного и более почтительного отношения к своему дару. Он будет работать в самом престижном медицинском учреждении страны и приносить пользу нам. Невозможно допустить, чтобы ваше дарование, товарищ Вишня, пропадало ни за грош, — заключил посетитель и, как показалось Бланкову, укоризненно посмотрел именно на него.

— А что тогда делать мне? — возмущенно спросил он.

— Вы, Юрий Николаевич, без работы не останетесь, — заверил его человек в черном и снова вернулся к делам Сергея Петровича Вишни. — Вы завтра приезжаете в клинику и спрашиваете профессора Ларису Венедиктовну Тужикову. Она вас примет на работу.

— Господи! Ларочка! — радостно воскликнул, припрыгивая и хлопая в ладоши, Вишня. — Это же моя старая любовь. Как я рад! Вот это радость!

Бланков смотрел и на Вишню, и на пришельца так, как смотрит собака, у которой хозяин отобрал недогрызенную косточку. Он поднял голову, собрался с духом и спросил:

— А кто вы такой, позвольте спросить, чтобы делать такие пертурбации и крутить нами как марионетками? Но...

Обращаться уже было не к кому. Человека в черном исчез. Остался только Вишня, довольный и счастливый.

Так, еще не зная, чем он будет заниматься, Вишня вновь встретился с Ларисой Венедиктовной, и в этот раз уже до конца ее дней.

А Бланков исчез так же внезапно, как и появился в квартире своей умершей тетушки. Через три года его имя всплыло в каком-то скандальном деле, связанном с нарушением государствен-

ной границы. Но тогда уже до него никому не было дела. Все от него открестились.

ГЛАВА 18. ПИК СЛАВЫ КАК НАЧАЛО ПАДЕНИЯ

После инаугурации, когда отшумели банкеты и затихли поздравления, Михаил Сергеевич наконец избавился от своих европейских и американских почитателей и встретился со своим другом Александровым наедине, чтобы определить дальнейшую работу, так сказать, масштабно выстроить программу действий. Они уже знали, что будут ломать через колено эту страну. Однако плана действий, указывающего, как это сделать с минимальными потерями для себя, у них не было. Предстояло не спеша обозначить канву, по которой аппарат должен был вывести их на ключевые решения, давно сидевшие в голове у обоих. Разница состояла только в том, что Горбачев, еще не начав преобразований, возомнил себя великим реформатором, а Николай Яковлевич давно считал себя великим мыслителем, с помощью интриг незаметно влияющим на судьбы людей целой страны. Ему это было ближе. В душе, в самых ее глубинах, он оставался пропагандистом, для которого нет большего счастья, чем видеть воплощение своих идей. И потому у них было полное взаимопонимание.

— Ну что, Николай Яковлевич, вязываемся в драку, как говорил великий Ленин, а там посмотрим, чья возьмет? А?

— Это Наполеон говорил, Михаил Сергеевич, — поправил его осторожно Александров.

— Ну и... с ним, с твоим Наполеоном. Сейчас это я говорю. Ну, что у нас там? — Он снял галстук, пиджак и развалился поудобней в кресле. — Какая у нас самая большая проблема?

— КПСС, — спокойно ответил Александров, улыбаясь при мысли, что разговор происходит на Старой площади, в главном здании ЦК партии.

— Партия! Партия! Партия! — быстро заговорил Михаил Сергеевич, думая о чем-то другом. — Тебе, Николай, надо использовать свои связи на Западе, донести до них мысль, что пришел новый лидер, при котором все будет по-другому, но ему надо помочь не болтовней, а деньгами. Если хотят жить спокойно. А то мы им такое устроим с голодухи...

— Михаил Сергеевич, они давно уже вас знают и помогают нам как могут.

— Чем они нам помогают? — возмутился Горбачев. — Пусть воткнут эту помощь себе в одно место. У нас жрать нечего, продовольствия нет.

Александров язвительно заметил:

— Они понимают, что продовольствие — продукция сельского хозяйства — это близкая вам сфера деятельности, и делают что могут. Но чтобы помощь была активной, нужны поступки, нужны шаги! Необходима новая идеологическая доктрина, которую бы все заглотили, например, перестройка, гласность, плюрализм мыслей.

— Что за плюрализм? — Горбачев выругался матом.

— Многообразие мнений, суждений, Михаил Сергеевич.

— Зачем тебе это?

— Я все обосную, все организую с позиции диалектического материализма, агитации и пропаганды. Нарботки есть. Ведущие институты, идеологический актив, пропагандистский аппарат — все получают соответствующие указания.

— Вот-вот! Правильно, Николай. Надо, чтобы партия начинала с себя строить новую жизнь. Но делать это надо как-то осторожно.

— Но, прежде всего, кадры, — добавил Александров.

— Да! Кадры решают все, — огласился Горбачев, — даже такие хреновые, как наши!

Он поднял трубку и попросил, чтобы принесли перекусить и выпить.

«Быстро он освоился в кабинете генсека», — подумал Николай Яковлевич и сглотнул слюну. С утра еще не ел, некогда.

Горбачев прочитал эту мысль в глазах товарища и поучительно заметил:

— Это место давно принадлежало мне. И только по этическим соображениям я не хотел его занимать раньше. Как выясняется, напрасно. Только потерял время. Ну ладно, ты давай, иди, занимайся, как ты говоришь, «глубокой перестройкой умов», через неделю встретимся, все должно быть готово. Апрельский пленум будет громким. Я на тебя рассчитываю, мне нужна мощная речь, которая перевернет мир. Кому много дано, с того много и спрашивают! И не забудь свои предложения по кадрам подготовить. Это важно. Я с Капитоновым еще потолкую. Ну все, давай.

Александров собрался уже выходить, но в дверях стоял официант с тележкой, на которой под салфеткой просматривались закуски и приборы на двоих.

Александров протянул руку Горбачеву, тот быстро ответил рукопожатием:

— Пока, Коля.

Александров шел по коридору третьего этажа к себе в кабинет, рассуждая о человеческой сути и несправедливости жизни.

— Я сделал тебя. Я тебя и убью. Мудак! Выскочка!

Но что бы там ни думал Николай Яковлевич о новом своем патроне и, так сказать, сподвижнике, он прекрасно понимал, что исполнить свою мечту он мог, только находясь рядом с этим челове-

ком. Только став его тенью, его ушами и глазами. «Надо заставить думать его, как надо мне. А пока пусть упивается властью и читает Ленина “Головокружение от успеха”. Осознание собственной гениальности, как правило, приходит при первом поносе. Я подожду. Надо работать, работать и еще раз работать».

Он прекрасно знал, что первые идеи перестройки страны были изложены в неопубликованных выступлениях Бери, но Хрущев и его окружение признали их очень опасными для партии, потому они вместе с Лаврентием Павловичем быстро исчезли с горизонта этой жизни.

Знал Александров и то, что Горбачев нахватался «верхушек» от Андропова, который фундаментально разрабатывал концепцию перестройки как общественного сознания, так и производственных отношений и, главное, системы управления страной.

Андропов считал, что именно КПСС должна инициировать процессы обновления в обществе. Запустить их и затем поэтапно, шаг за шагом, сложить с себя полномочия руководящей и направляющей силы, запустив систему многопартийности. Все это Александров, как опытный аппаратчик, понимал лучше многих. Но сейчас задача стояла по-другому. Надо было показать стране и всему человечеству: вот, смотрите! Появился планетарный лидер, который изменит этот мир к лучшему, если только не утопит его в крови своей примитивной болтовней, непомерными амбициями и самолюбованием. «Ну ничего. Это мы переживем, но зато тем интереснее дело. Мое дело!» — закончил свою мысль Александров.

Он деловито потер руки. Попросил чаю с бутербродами и стал писать тезисы речи, которую должен будет преподнести стране

новый Генеральный Секретарь ЦК КПСС.

Понимал Александров и другое. Горбачев не такой антикоммунист, каким показывает себя. На людях он другой. И всегда верит в то, что говорит. Пока говорит. И несмотря на то, что Горбачева толкали вверх со всех сторон, включая его, Александрова, западных друзей, по большому счету новый генсек является выдвинутым той частью верхушки партии, которая стремится выжить путем модернизации системы. А он, Александров, как раз тот человек, который великолепно владеет всеми идеологическими инструментами влияния, более того, западник, оказавшийся в нужное время в нужном месте. «Во всяком случае, — подумал Александров, — мне уже за шестьдесят, а я продолжаю делать карьеру в стране, где далеко не последний человек. Нет, я первый. — Его вдруг осенило: — Батюшки мои! Эврика! Как же это я не додумался сразу. О чем последнее время талдычит наш пропагандистский аппарат? Что я требую от партийных комитетов? Больше социализма! Надо утопить информационное пространство страны лозунгами о необходимости дать больше социализма, больше гласности. Будет красиво звучать и разрушать сознание народных масс. Сделаем Михаила Сергеевича великим демократом или великим демагогом. Впрочем, в этой стране эти слова — синонимы».

Как бы там ни было, но Александров подготовил все принципиальные выступления Горбачева в области внутренней и внешней политики. Более того, из политбюро скоренько, без лишних объяснений, были изгнаны ставленники «дорого и любимого» Леонида Ильича. Пришли новые молодые технократы. Александров создал команду известных интеллектуа-

лов из числа экономистов, социологов, которые откровенно были ориентированы на Запад.

И лед тронулся! Не совсем туда, куда надо... Но тронулся тяжело, лениво, нехотя. Работали много и бестолково, спорили до хрипоты, до полного изнеможения. Однако дело не шло, вернее, шло, только так, как надо было ему, Александрову, а не Горбачеву.

Тут еще, как назло, стали происходить катастрофы одна за другой, и каждая следующая страшнее прежней. Вначале рванула Чернобыльская АЭС, затем затонул пассажирский теплоход «Адмирал Нахимов», врезался в мостовую опору круизный теплоход «Александр Суворов», у берегов Новой Зеландии затонул теплоход «Михаил Лермонтов». Кругом жертвы, жертвы... и недовольство рабочего народа. «Михаил Меченый», — болтают в церквях старушки, и их ропот подхватывала улица. Народ захлебывался слюной от навалившейся на него свободы при пустых прилавках.

Стартовала перестройка через пень-колоду. Разговоров много, дел — мало. Радовало Михаила Сергеевича одно: Запад начинал понимать и поддерживать его демократические преобразования. Но что огорчало больше всего нового лидера — так это непонимание и даже прямое противостояние со стороны однопартийцев и даже вчерашних единомышленников. «Они не понимали глубины и важности происходящих процессов, они не видели перспективы», — жаловался он Раисе Максимовне.

— А может, и вправду, Михаил Сергеевич, не надо изобретать велосипед. Взять, к примеру, китайскую модель и пойти по натоптанной дороге — все легче. Или шведскую, например. Тоже хорошо. Мне кажется, и этот молодой интеллектуал Явлин-

ский — хороший мальчик, со своей программой «500 дней». Ты, Михаил Сергеевич, подумай хорошо и прими единственно правильное решение. Как всегда. — И она игриво посмотрела на мужа.

— Да я разве против? — соглашался Горбачев. — Но стоит кого-то поддержать или даже намекнуть на поддержку, такая буза начинается... Хочется послать куда подальше. Подключают членов политбюро, помощников, Александрова...

— Мне кажется, Михаил Сергеевич, ты ему чересчур доверяешь. Он вроде такой умный, ученый, а двух слов толком связать не может. Я вот недавно почитала его выступление на конференции, так белиберда какая-то заумная. Народу не понять.

— Ты права, как всегда. Ни писать, ни говорить он не умеет. Но советы дает дельные. Нюх у него есть, понимаешь. И английский знает. Мне с ним легко с иностранцами работать. Здесь, дома, он никакой.

— Чужой он какой-то, Михаил Сергеевич!

— Да брось ты, мать! — отшутился Горбачев. — Наш он в доску, только за границей пересидел малость. Вот и пыжится, изображая из себя светило. В другие бы времена сидеть ему в подвале на Лубянке. Но сейчас он у меня такой один.

— Ну, смотри. Тебе видней, Михаил Сергеевич.

— Да! Мы сейчас готовим встречу с Рейганом в Рейкьявике, — продолжал Горбачев, — мне без него и Эдуарда там никак. Придется идти на уступки по СНВ. Наши военные против. Этот Ахромеев задолбал страшилками. Говорит, что американцы нас обманут. Что они готовят ловушку. Ну ничего, разберемся. Рейган — мужик тертый. Я тоже не пальцем сделанный. Ну это так, для прессы. Главную же работу подготови-

тельную ведет Александров через свои связи в Америке. В основном он контактирует с Бесенджером. Его задача — убедить Рейгана в том, что со мной можно рассматривать ключевые реальные дела, а именно модернизацию страны — двухсторонние отношения, права человека. И потом, их рецепты для нас были бы полезны. Мы рассматриваем американский опыт для себя как базовый.

— А как же программа «СОИ»? — спросила Раиса Максимовна.

— Это блеф! — ответил ей Горбачев. — Это чистой воды надувательство, но я должен делать вид, что действительно боюсь этого.

— Ты думаешь, они нас обманывают? — не унималась Раиса Максимовна.

— Я знаю, что они брешут, как собаки. Но им деваться некуда. Их тоже уже измотала гонка вооружений. Им нужна передышка. Для меня главное, чтобы Рейган понял, что я хочу изменить страну, что я друг, что мы должны быть вместе. Сказать об этом членам политбюро невозможно. Не поймут, не поддержат. Я сразу стану ренегатом.

— Понимаю, как тебе тяжело. Но ты справишься.

— Теперь понимаешь, зачем мне Николай?

— Теперь понимаю, он тебе необходим, но мне все равно не нравится.

Разговор этот происходил в Пичунде, на даче генерального секретаря. Это был их второй визит и, видимо, последний, потому что в Форосе бешеными темпами уже шла стройка новой резиденции.

Во время первого своего визита Раиса Максимовна сделала целый ряд принципиальных замечаний, которые были обязательны для выполнения. Так, официантки, обслуживающие спецконтингент, после своего кокетства перед Михаилом Сергеевичем и дурацких

улыбочек, а также после обнаружения женского волоса в тарелке генерального секретаря были строго предупреждены и переодеты в специальную одежду. Теперь все девушки имели короткую стрижку, обязательно белую косынку на голове и аккуратное синее платье — однообразно и красиво. Разговаривать запрещалось.

Второе новшество было потрудней выполнить. Дело в том, что когда Горбачевы первый раз ехали в свою резиденцию, Раиса Максимовна обратила внимание на то, что в Сухуми повсюду растут мандариновые деревья. В резиденции деревья были, а мандаринов не было. Она приказала, чтобы к следующему визиту мандарины были.

Все прежние деревья в резиденции выкорчевали и заново засеяли газон. Как только прошла команда, что едут... тут же посрубали сильные красивые деревья с плодами, затесали стволы под конус и крепко воткнули в газон.

Раисе Максимовне понравилось.

Белый дом, 4 октября 1986 года. Совещание по подготовке встречи в Рейкьявике с советским лидером Горбачевым

Все уже собрались, и Рональд Рейган бодрой походкой проследовал к своему президентскому столу.

Быстро устроившись в кресле, Рейган пошутил:

— В ковбойском седле удобней — ноги можно свесить.

Все дружно засмеялись.

— Ну, с кого начнем? Где у нас Шульц? Прошу, Джордж.

— В соответствии с ранее разработанным планом мы активно проводили работу по дезинформации русских относительно программы «СОИ». Совместно с Агентством национальной безопасности и ЦРУ.

— Что у вас получилось? Надули Советы?

— Насколько нам известно, цель достигнута, и Горбачев предполагает сокращение вооружений. Значит, боится.

Затем выступил председатель комитета начальников штабов, который удивил президента тем фактом, что у Советов оказалось тяжелых баллистических ракет значительно больше, чем у США.

Выступило еще несколько человек, занимающихся подготовкой встречи.

Неожиданно Рейган встал и быстро покинул кабинет. Присутствующие замерли в ожидании. Минут через пять президент вернулся. Он также быстро прошел к своему председательствующему креслу.

— Что у нас сегодня, господа? — как ни в чем не бывало, спросил он, улыбаясь.

Выручил всех Бесенжер.

— Мы все закончили, господин президент. Все готово к встрече. Есть некоторые нюансы, но мы это доработаем.

Выйдя из здания на лужайку, он подошел к Шульцу и тихо сказал:

— Болезнь прогрессирует, Джон. Не дай господь, если такой номер он выкинет в Рейкьявике. Весь труд пропадет даром. Я работаю там со своим человеком, на самом верху. Эта встреча должна быть бомбой. Русские заглотили крючок и идут на попятную, им надо чуть-чуть подыграть — и они попали. Он может все испортить.

— Похоже, Горбачев на кон поставил все! — согласился Шулец.

Чего боялся Бесенжер, то и произошло. В самый кульминационный момент встречи, которая длилась уже четыре часа, советский лидер поставил перед Рейганом основной вопрос, касающийся сокращения СНВ. Рейган неожиданно для присутствующих и самого Горбачева

встал и быстро вышел из зала. Болезнь действительно прогрессировала. Но русские этот жест президента США расценили как срыв переговоров. Но худа без добра не бывает. Главную свою мысль Горбачев до окружения Рейгана донес намного раньше и получил карт-бланш, но уже значительно позже, когда Бесенжер через Александра дал ему отмашку. Ну а сейчас, выходя из комнаты с участниками переговоров, шепнул ему на ухо:

— Ни хрена не вышло, Коля.

Но Александров знал, что это неправда, все вышло, и значительно раньше. Когда на итоговой конференции Горбачев говорил о грандиозном прорыве в советско-американских отношениях, он был совершенно уверен, что врет всем. Однако прорыв был достигнут. Только заключался он в том, что на этой встрече стартовала программа уничтожения советского государства, лидер которого то ли по глупости своей, то ли по «доброму» совету совершил роковой ход.

Раиса Максимовна сидела в первом ряду, смотрела счастливыми глазами на мужа и думала: «Какой же он у меня умница. Любимый». Она даже представить себе не могла, что происходящее является большой и тонкой игрой окружения Рейгана, не понимающего ничего из того, что он делает, и ближайшего окружения Горбачева, понимающего все.

Белый дом, наши дни. Среда, 10:45

Президент быстрой походкой шел из семейного крыла Белого дома в свой рабочий кабинет. Проходя мимо помощников в приемной, он резко бросил:

— Вице-президента ко мне. — Увидев стоящего почти у самой двери кабинета госсекретаря, широко улыбнулся ему. — Привет,

Рэнди, ты как всегда первый по плохим новостям. Да? — И протянул руку для приветствия.

— Я их не создаю, сэр, — ответил госсекретарь раздраженно.

— Ну что у тебя на этот раз? — снова спросил он уже в кабинете.

— Мы прокачивали через наше посольство в Москве информацию относительно нового биоинформационного оружия и этих инопланетных модулей на предмет, не русских ли это дело.

— И что?

— Ни ЦРУ, ни наше посольство никакой информации не имеют. АНБ докладывает, что если хоть что-нибудь было, они бы точно знали.

— И что это значит?

— Это значит, — пояснил госсекретарь, — что мы столкнулись с реальной космической угрозой.

— Вы верите в эти сказки? — рассмехался президент.

— Я думаю, что это совсем не сказки.

Он сделал паузу и попросил президента включить телевизор.

Президент нажал на кнопку пульта. На экране возникли толпы демонстрантов с его измазанными краской портретами. Кое-где даже были его чучела. Люди скандировали: «Go on! Go on!»

— Что это? — удивился президент. — Где это?

— Это в Нью-Йорке, в Вашингтоне, это везде, — пояснил госсекретарь.

— Что это такое? — вскричал хозяин Белого дома. — Кто это сделал?

— В средствах массовой информации появилась ваша речь, — госсекретарь запнулся. — Ну, как будто она ваша, та самая, о нас, американцах.

— Это проклятый Кетлер. Это он, негодяй, решил мне отомстить...

Госсекретарь молчал. Ситуацию спас влетевший в кабинет вице-президент. Он хотел что-то

сказать, но, увидав включенный телевизор, встал как вкопанный.

— Но не только это, — продолжал Рэнди, — в газетах появился список лиц, подлежащих ликвидации.

— Откуда он им известен? — вскричал вице-президент. — Кругом одни предатели. Нет, вы меня не убедите в обратном. Но я вам точно скажу, господа, у нас в высшем руководстве есть предатели. Нас просто смыли, как говно в унитазе. Все это катастрофа.

Президент так и не встал со своего кресла. В глазах у него потемнело. Еле слышно он прошептал:

— Мне осталось просидеть в этом кресле каких-то полтора года. А я уже мечтаю от него избавиться. Делайте что хотите, но это надо прекратить.

Конечно, Рудди не мог себе даже представить, что его дерзкая выходка поставит на уши всю страну. Нельзя сказать, что поступок Рудди был необдуманным и явился результатом какого-то психического срыва. Как хакер, он был откровенно заточен на то, чтобы выкинуть какой-нибудь факт и остаться в стороне никем не замеченным. Но и, кроме того, события последних дней изменили его представление о собственной стране. А тут такая удача — Эвон, или биомагнитный модуль, решил остановиться у них в телевизоре. И по вечерам они с женой вели с ним удивительные беседы. Эвон даже умудрился показать свой дом. Он представил Рудди своего отца, которого совет старейшин Флорентиды на три года избрал главным гражданином планеты от своего анклава, те вежливо пообщались. Объясняя ему опасность однополярного мира, сообщили об угрозах, исходящих от Америки остальному миру, и что может побудить Флорентиду скорректи-

ровать эту ситуацию и направить несколько астероидов в тревожный регион.

Поэтому когда в прихожей после ухода Кэтрин и Патрика он увидел серебряного слоника на цепочке и флешку, лежащие на полу у двери, то чуть было не поддался мгновенному желанию окликнуть друзей. Рудди наивно полагал, что это сделали они. Но, как говорят, бес попутал. Рудди не удержался и увидел и выступление президента, в котором тот выглядел полным идиотом, и запись какого-то Трауберга о списке коррупционеров и государственных чиновников, конгрессменов и сенаторов.

Ну как тут было не шандарахнуть по общественному сознанию? И Рудди шандарахнул через Твиттер, а потом бросил «Речь президента» как вирус.

Реакция общественности у Рудди вызвала неоднозначные чувства. С одной стороны, он вдруг осознал свою значимость. А с другой — понял всю хрупкость власти в стране, которая целиком и полностью построена на информационном шоу. Сделав дело, он с азартом наблюдал за митингами и демонстрациями. За падением курса акций. Скандалы в конгрессе и сенате стали интереснее любого телевизионного шоу и били все рекорды по рейтингу. Рудди ликовал. Он искренне хотел насолить власти, которая обидела и унизила его и его жену. И он решил действовать еще круче.

ГЛАВА 19. ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

25 декабря 1985 года

После ухода генерала Пономарева и его заместителя Виктор Михайлович попросил зайти к нему своего зама начальника Первого главного управле-

ния (ПГУ) Владимира Александровича Крючкова.

Крючков пришел быстро.

— Присаживайся, Володя, чай будешь?

— Нет, спасибо, я только что выпил.

— Ты уже в курсе?

— Чего? — удивился Крючков.

— Черненко умер!

— Да что же это такое, мрут как мухи! За границей уже черт знает что говорят о нас.

— И что говорят? — насторожился Чебриков.

— Витя, ты лучше меня знаешь, что говорят. В наших братских странах говорят, что травят наших лидеров. А на Западе утверждают, что СССР изжил себя, разваливается под тяжестью низких цен на нефть и межнациональных конфликтов. Еще говорят, что старики страну до ручки довели.

— Да, мнение сформировалось не в нашу пользу, — грустно заметил Чебриков. Затем, пристально посмотрев на Крючкова, спросил: — Вот ты, Володя, в разведку пришел с партийной работы. Ты много лет работал в ЦК. Скажи мне, кого изберут генеральным, можешь ответить?

— Я не могу сказать точно, — с небольшой заминкой ответил Крючков, — но, скорее всего, Горбачева.

— Откуда такая уверенность? — снова задал вопрос Виктор Михайлович.

— Ну хотя бы потому, что власти «днепропетровских» когда-нибудь должен был прийти конец.

— Правильно, Володя, — согласился Чебриков, — зришь в корень, — и, встав из-за стола, подошел к Крючкову. — Ты абсолютно прав. Смотри, Хрущев, Брежнев, Черненко, и, глянь, какие преференции нашим братьям-хохлам страна все время дает. Они потому и молчат, что местная мафия процветает. А по сути, весь Запад, Украина — откровенные оунов-

цы и бандеровцы. Ты справки читаешь.

— Еще бы, американцы через своих канадских коллег ведут нешуточную работу. Там мы скоро столкнемся с большой бедой.

— Именно поэтому, Володя, я сегодня и дал команду: Щербицкого в Лондоне подзадержат малость, пусть выбирают генсека без него!

— Это ты сам решил? — с опаской спросил Крючков.

— Нет! Горбачев попросил от имени товарищей.

— А ты согласился?! И правильно. Партия — наш рулевой. А мы ее солдаты.

— Помнишь, ты мне докладывал по Александрову. Больше ничего нет? — неожиданно спросил Чебриков.

— Пока притих, — ответил Крючков. — Контакт не замечено. Наши люди в Штатах замечают, что-то готовят коллеги против нас.

— Теперь можно ожидать чего угодно, — согласился Чебриков.

Крючков достал из тонкой папки два листа бумаги и протянул их Виктору Михайловичу.

— Это копия доклада Крежинского Рейгану.

— Что пишет?

— Это рекомендации, как уничтожить Советский Союз.

— И что, дельно пишет? — снова спросил Чебриков, бегло просматривая текст. Он их уже начитался столько, что начал сомневаться, увидит ли что-то новое. Но на этот раз было совсем другое. Каждая строка била в сердце страны.

— Ну и дела! Как нам сейчас не хватает нашего Ю. В., — горестно вздохнул Чебриков.

— Витя, его не хватает не только тебе, но и всем нам, всей стране его не хватает.

Чебриков подошел к шкафу, достал бутылку коньяка, разлил.

— Давай помянем нашего Юрия Владимировича.

Выпили. Чебриков снова сел за свой стол.

— Помнишь, когда он стал генеральным, дал нам задание проанализировать ситуацию в стране: экономическую, политическую, социальную. Помнишь? Втихаря попросил все сделать!

— Конечно, помню, Володя, как не помнить. Именно после нашей справки он на пленуме сказал эту ключевую фразу: нам необходимо разобраться, в какой стране мы живем, что вообще мы есть такое. В ЦК тогда против него жутко обозлились. Многим это не понравилось.

— Страшно подумать, что будет, если Горбачев угробит страну, — вдруг сказал Чебриков. — И такая опасность существует, пока рядом с ним такие прохвосты, как Александров.

— Неужели ничего нельзя сделать? Может, ты поговоришь с Горбачевым?

— Сейчас? Когда его избирают генеральным секретарем? Ставки Александрова во сто крат возросли. Не сегодня-завтра он секретарем ЦК станет и членом политбюро.

— Ну, тогда нам крышка! — грустно заметил Крючков. — Но ты прав. Брать в разработку члена ЦК себе дорожке, погоны слетят. У наших вождей со времен Коминтерна появилась мания заводить собственную агентуру и доверенных лиц: никому не верили вожди. И мы понятия не имеем, что от Лёни осталось в наследство. Андропов знал, но куда он дел все это, не знаю. Скорее всего, решил уничтожить. Думаю, что дерьма там предостаточно. Не дай бог кому в руки попадет. Ну да ладно.

— Поживем — увидим, — сказал Чебриков.

И вроде бы все шло хорошо, страна, казалось, начала оживать, пока не состоялась встреча в Рейкьявике. А к концу следующего

дня на стол Чебрикова положили телеграмму: «Москва. Центр. Совершенно секретно. Состоявшиеся 11–12 марта переговоры в Рейкьявике, по информации Касатки, имевшей контакт с высоким известным вам представителем администрации президента США, носили формальный характер. Все ключевые темы были заранее согласованы через доверенных “шерпов” Бесенжера и Александрова. Американский источник считает, что Рейган получил от Горбачева предложение, от которого невозможно отказаться. Рейган сильно страдает болезнью сосудов головного мозга и потерей памяти. Управляет процессом не он. Существует вероятность, что после инцидента, произошедшего с Рейганом на двусторонней встрече, отработка деталей дальнейших действий продолжится.

По информации того же источника, ЦРУ уже получило задание подготовить большую группу агентов, представителей всех спецслужб, под видом специалистов различных отраслей бизнеса и экономики для легальной отправки в СССР с целью внедрения во все ключевые ведомства СССР под видом советников и консультантов в рамках достигнутых договоренностей.

Жду дальнейших инструкций. Виктория».

ГЛАВА 20. СТАРЫЙ ВОЛК НА ОХОТУ ХОДИТ ОДИН

Личная жизнь Роберта Кетлера целиком и полностью была посвящена работе. И в силу специфических обстоятельств не предполагала оседлости. Впрочем, Америка давно забыла это понятие. Неважно, в какой части страны ты получил работу — бросаешь все и едешь. Работа — это жизнь. Нет работы — нет и жизни. Ну а если ты

кадровый сотрудник ЦРУ, то про такой нюанс, как семья, надо забыть. Кетлер был как все его коллеги. Его первая жена, которая оказалась и последней, после их развода воспитывала сына, пока тот не поступил в колледж. Она заявила бывшему мужу, что у нее другая семья, и Альберт теперь — его забота. Несмотря на то, что Кетлер был очень плохим отцом, Альберт его все равно любил и понимал. С возрастом он узнал, чем занимается Кетлер, и пошел по его пути. Причем без ведома папы.

По службе их дорожки не пересекались никогда. И это было заслугой его руководителей. Но после того, как Кетлер узнал, что сын работает вместе со своей женой Мэрилин на русских, он стал переоценивать и свою жизнь, и свои поступки, и происходящее в стране.

Главный вывод, который Кетлер сделал для себя после работы в Ираке, России, Афганистане, что львиную долю своей жизни он провел на стороне зла. Сейчас он ехал по Вашингтону на своем стареньком, но очень хорошем бьюике и думал о превратностях судьбы, как вдруг у Капитолийского холма увидел огромное скопление митингующих, которые громко скандировали: «Импичмент, импичмент!» Кетлер остановил машину на парковке и решил пройти пешком, не без оснований опасаясь, что пресса может подлить масла в огонь или кто-то из обдолбанных сенаторов ляпнет телевизионщикам какую-нибудь несурезицу, ситуация взорвется, и демонстранты начнут жечь машины, бить витрины, устраивать Майдан.

Проходя мимо кафе «Джон и Джонсон», он в окне неожиданно увидел Рудди и его жену Габриэлу, сидящих за столиком. В другие бы времена Кетлер прошел мимо, сделав вид, что не

заметил приятелей Кэтрин и Патрику, тем более что ему не хотелось лишний раз после всего случившегося мельтешить у них перед глазами. Если бы не одно обстоятельство. В ноутбуке Рудди в гнезде для флешки очень четко виднелась задняя часть слоника, а передняя болталась на цепочке у него на шее.

Кетлер прошел непринужденно мимо кафе, мысленно пересчитав все видеокамеры. Зашел в киоск и купил «Вашингтон Пост» у старинного приятеля-киоскера, которого знал лет двадцать. Болтая с ним, боковым зрением он внимательно наблюдал за Рудди.

Кетлер догадался, что тот сливает в Твиттер всю информацию, которая попала ему в руки. По словам Кэтрин, лучшего хакера и более изобретательного и рискованного человека отыскать было невозможно.

Наблюдая за происходящим за столиком, Кетлер успокоился только тогда, когда Рудди закрыл свой ноутбук и, расплатившись с официанткой, вышел вместе с Габриэлой из кафе. Улица кипела и скандировала. У Рудди и Габриэлы были счастливые лица. Они подошли к месту для парковки мотороллеров и велосипедов, где Рудди чуть замешкался, пытаясь извлечь что-то из карманов. Жена подошла к нему, чтобы помочь достать многоцветную парковочную карту, как вдруг дернулась беззвучно и на глазах у ничего непонимающего Рудди, медленно приседая, повалилась набок. Вокруг головы быстро стала растекаться лужа крови. Рудди бросился к ней и принялся тормошить ее уже бездыханное тело, пытаясь поднять. Он хотел кричать, но только молча открывал рот, судорожно глотая воздух. Вокруг них быстро стала собираться толпа митингующих и зевак.

Воспользовавшись скоплением людей, Кетлер незаметно снял с обезумевшего Рудди цепочку со слоником. Теперь надо было забрать сумку с ноутбуком. Неожиданно он увидел шкодную физиономию молодого парня на роликовых коньках, который рыскал глазами по толпе в поисках добычи, которую можно стянуть.

— Снимите сумку с мужчины, не видите, он дышать не может, оттащите его, — кричал Кетлер.

Парень тут же оказался за спиной Рудди и ловким движением руки снял с него сумку и уже рванул было на своих роликах в сторону, но успел сделать только два шага. Аккуратная подсечка Кетлера ловко опрокинула незадачливого воришку на асфальт. Да так, что его плоский нос и полные губы в одно мгновение превратились в отбивную котлету. Кетлер извлек из сумки ноутбук, засунул его за ремень брюк и прикрыл пиджаком, а сумку оставил рядом, где ее тут же затоптали зеваки из толпы. Незаметно Кетлер вновь вернулся к киоскеру и стал горячо обсуждать с ним происходящее до тех пор, пока не приехала полиция и скорая помощь. Обоих увезли: Габриэлу — в морг, одуревшего Рудди — в больницу.

Кетлер из всего происходящего сделал несколько выводов. Одно, безусловно, было ясно. За Рудди следили. По отверстию в затылке жены было ясно, что стреляли, скорее всего, в него. Она оказалась невинной жертвой.

Понятно было и то, что стрелял снайпер. Стрелял, скорее всего, «холодной» пулей. Иначе бы Рудди поразило тоже.

Следующий вывод, который сделал Кетлер, — снайпер находился на правительственном здании. Другого здесь нет. «Значит, убийца из спецслужбы. И последнее. Они ликвидируют всех, кто имел хотя бы косвенное отношение к биомагнитному модулю.

ГЛАВА 21. ЛИЧНЫЙ РАЗГОВОР

1988 год

Значит, на очереди — Патрик, Кэтрин и я». Кетлер еще не знал, что в этой кафешке Рудди слил в Интернет обращение правителя Флорентиды, где тот недвусмысленно намекал, что если Америка не изменит свой биологический фон и не перестанет терроризировать население Земли, они вынуждены будут направить на их анклав группу астероидов.

Надо было спасти детей. Кетлер позвонил Патрику и, дождавшись соединения, досчитал до трех, нажал на кнопку своего израильского подарка.

— Слушаю, — услышал Кетлер в трубке.

— Патрик, слушай меня внимательно и не перебивай. Срочно вылетайте с Кэтрин в Стамбул и запиши номер телефона моего друга. Ждите меня там.

— Меня никто не отпустит. Я государственный чиновник. Я должен исполнить определенные формальности...

— Не волнуйся, — успокоил его Роберт, — они вас сами срочно туда откомандируют. Главное, найди Кэтрин, будьте готовы. Возможно, что еще полетим все вместе.

Кетлер не хотел говорить Патрику, что Габриэла убита. Но в данном случае, чтобы заострить внимание друга Кэтрин, он сказал:

— Габриэла Винстон мертва. Стреляли в Рудди. Попали в нее.

Через несколько минут Кетлер общался с Гарольдом Стоуном.

— Привет, дружище! — услышал Роберт голос директора департамента внутренних расследований и поморщился, как будто через трубку почувствовал запах крепчайшего перегара.

— Гарольд, надо срочно встретиться. Дело касается списка Трауберга.

— Что-то новое? — оживился Стоун.

— Да! Он мне звонил, предлагает срочно лететь в Стамбул с внуч-

кой. Она для него — гарантия безопасности. Но я боюсь, мне впервые страшно.

— Не дрейфь, старина. Я полечу с тобой.

— Ты шутишь?

— Нет, Роберт. Мне через год на пенсию. Я должен закрыть это проклятое дело. Оно ведь касается и наших сотрудников.

— Да, конечно! — согласился Кетлер. — Есть еще одна тема.

— Какая?

— Ты видишь, что творится на улицах Вашингтона, Нью-Йорка, Филадельфии, Лос-Анджелеса и других?

— Ну и что? — спокойно ответил Стоун. — Пусть этим занимается наш Цезарь.

«О-о-о! — подумал Роберт. — Как все запущено!»

— Гарольд, — продолжил Кетлер, — Трауберг запросил двадцать миллионов долларов за исчерпывающую информацию о биомагнитном модуле.

— Он в курсе? — почти вскричал Гарольд.

— Да! Он знает мельчайшие детали.

— Это серьезно, Роберт. Что ты предлагаешь?

— Я хочу взять с собой Патрика Миллера — помощника Дженифер Джонс. Для нас с тобой это крутое прикрытие. А потом, этот парень в теме больше, чем кто-нибудь другой.

— Может, кого-то из АНБ взять? — спросил Стоун.

— Думаю, что в данной ситуации лишних людей не будет.

— Ты молодец, старый волк, — поблагодарил его Стоун. — Собирайся. Я закажу самолет. Полетим спецбортом все вместе.

Для Кетлера это был лучший вариант. Пока его план работал. Он устал от двойной жизни и хотел расставить все по своим местам. И заплатить по счету кому следует...

Не пойму ничего, Николай. Какая-то ерунда происходит. Что я ни задумаю, ничего не получается. Мне иногда кажется, что против меня конкретно кто-то работает. Что скажешь? Есть какие-то соображения?

— Будем честны сами перед собой: Америка и Европа нам, слава богу, не враги, — ответил Александров, будучи абсолютно уверенным в своих словах. — Они поддерживают нас во всем. Враги у нас здесь, дома. Надо нам было резче реформировать все структуры управления государством. Вот где главный враг, вот где проблема.

— Быстрее нельзя. Тем более резче. Страна не швабра, через колено не ломается, — ответил Горбачев и вдруг спросил: — Ты, Николай, всю свою жизнь пропагандой занимаешься, наукой там всякой, академик, профессор, разоблачитель наш главный, тебя даже называют «Черный ворон» партии. Партии, тебя породившей.

— Ну зачем же вы так, Михаил Сергеевич, — обиделся Александров, — я же денно и ночью работаю, не покладая рук, на перестройку.

— Ты не перебивай меня, не уводи в сторону. Я хочу тебя спросить, ты когда-нибудь был первым руководителем? Директором завода, секретарем горкома, обкома?

— Ну вы же знаете, Михаил Сергеевич, что не был. А в чем проблема? Я не понимаю, — насторожился Александров.

— То-то и оно, — ответил Горбачев. — Мне Андропов как-то говорил: первый руководитель, лишенный перспективы, становится тормозом. А второй засидев-

шийся на должности перерождается в интригана.

— Вы это к чему, Михаил Сергеевич? — еще больше озадачился Николай Яковлевич.

— Это я к тому, Николай, что вокруг нас очень много собралось вечно вторых, которым мы дали шанс идти вперед, а они уже забыли, что это такое, им бы интриги вить да лясы точить.

— Нынче вы что-то не в духе, Михаил Сергеевич, — попытался отшутиться Александров. — Может, я пойду поработаю?

— Нет, останься! Сиди. У меня к тебе вопрос. Смотри, — продолжал Горбачев, — мы сделали все, что требовали от нас американцы. А что взамен? Одни обещания и новые требования. Помощи никакой. А вся работа шла через тебя и Бесенжера. Как мне все это объяснить членам политбюро?

Александров почувствовал холод в груди и дрожь в ногах.

— У меня был Чебриков и показал радиоперехват переписки заместителя директора ЦРУ со своим сотрудником в Москве, — продолжил Горбачев.

— И что? — полюбопытствовал Александров. — Наверняка какая-нибудь шпионская байка «Игрушки в войнушки». Откуда им знать то, что знаем только мы с вами и Джордж Буш или Маргарет Тэтчер?

— Здесь ты прав. Прорыв на лицо, — согласился Горбачев. — Но и с Рыжковым трудно не согласиться. Он утверждает, что мы, разрушая, ничего не создаем взамен. И повсюду, откуда мы уходим, пустоты тут же заполняют американцы.

— Рыжков не понимает глубоких перестроечных процессов. У него нет представления о вашем видении реформ, и в этом его проблема.

Горбачев молчал, слушал своего верного соратника и вдруг неожиданно спросил:

— Скажи, Николай, а ты не шпион?

— Это вам Чебриков нашептал? — спокойно ответил вопросом на вопрос Александров. — Я догадывался... Знакомый почерк.

— Я задал вопрос, — перебил его Горбачев. — Отвечай!

— Михаил Сергеевич, человек в моем положении не может быть шпионом. Для чего мне это? Меня уже Андропов проверял. А то, что я выступаю за изменение роли КПСС в государстве, за демократизацию общественной жизни... так это ваши идеи. Они номенклатуре как серпом по яйцам. Фаберже. Им не нужны ни гласность, ни демократия, ни либеральные реформы. Да, я либерал. У нас что, либерал что враг, это одно и то же?

— Ну ладно, не заводись. Я спросил — ты ответил, — остановил его Горбачев.

— Михаил Сергеевич, сколько можно этому Чебрикову воду мутить. Он и его КГБ не соответствуют текущему моменту. Он опасен. Его, Миша, и таких, как он, надо менять. А то, глядь, он и на тебя компромат заведет. Если уже не завел!

— Ишь, какой ты шустрый, Николай. Как кто тебя против шерсти — так или убрать, или менять. Не любишь ты критики, злопамятный ты. Учись с разными точками зрения работать. Впрочем, у вас, пропагандистов и идеологов, злопамятство в крови. Вы мастера убить словом кого угодно. Вон, твой любимец Волкогонов, генерал, политработник хренов, хуже любого диссидента стал. Между прочим, с твоей подачи. Ты, Николай, подумай, тех ли людей мы в попутчики берем. А то у тебя скоро и Новодворская, и Сахаров, и Ельцин элитой общества станут. И эта сладкая парочка — Гдяня и Иванов, и факир Кашпировский...

— Люди всякие важны, люди всякие нужны, Михаил Сергеевич.

Новые лица. Новые мыли. Это важно для народа.

— Хорошо, работай, но не заигрывайся. А насчет Чебрикова, пожалуй, ты прав. Надо ему нейтральную работу подобрать. Как думаешь, куда? Генерал армии все-таки, и не старый?

— Секретарем ЦК, милое дело, — подсказал Александров. — Реформированной партии такие люди нужны.

— Хитрый ты, Николай. Смотри, самого себя не перехитри, — ответил ему Горбачев. — Хорошо. Я подумаю.

В этот день Александров никак не мог уснуть. Ему показалось, что Горбачев или знает что-то, но не хочет ему говорить, или скрывает что-то весьма важное от него. Во всяком случае, это был первый разговор, когда Горбачев открыто выразил свое недоверие. «"Скажи, Николай, ты шпион?" А кто я? Почему я хочу разрушить эту власть? Почему я ее ненавижу? Она же дала мне все, о чем можно только мечтать!

Видимо, я видел другую жизнь, другую свободу. Настоящую. Эту дикую рабскую страну не сделать свободной никогда.

Зачем же ты тогда обманываешь всех? Зачем тайно работаешь против Горбачева? Почему все тебя ненавидят, кроме небольшой кучки идиотов, возомнивших себя интеллектуалами, а ты лепишь из них убогую элиту общества? Почему? — задавал он себе вопрос и тут же на него отвечал: — Потому что я ненавижу этот мир, эту жизнь, в котором благополучие построено на преступлении, любовь — на лжи.

В эту ночь ему опять приснился человек в красном и с лицом хирурга-дьявола.

— Ты зачем пришел? — спросил его Александров. — Я тебя не звал. Я не хочу тебя видеть.

Красный хирург рассмеялся.

— Мне, дорогой, не надо ждать твоего приглашения. Ты отдал мне свою душу, и я волен быть с твоим жалким телом столько, сколько захочу, пока ты жив.

— Ты прав, — согласился Александров. — Хотя мне и наплевать, пришел ты или нет, тебя все равно нет. Ты — выдумка, ты просто иллюзия, рожденная моими воспоминаниями.

Красный хирург опять расхохотался:

— Нога-то цела? Хоть и короткая?

— Да цела!

— А как насчет карьеры, достатка и благополучия? Известности? — не унимался хирург.

— Все нормально!

— Очень даже нормально, — перебил его человек в красном. — Ты второй по влиянию политик в стране после Горбачева.

— Ну и что? Я к этому не стремился! — отвечал ему Александров.

— Стремился — не стремился, но это у тебя есть. Потому что это тебе дал я. А вот чего у тебя нет — и уже не будет никогда — это простого человеческого счастья. Радости жизни у тебя нет. Ты никого не любишь. И тебя, наверное, мало кто любит. И знаешь почему?

— Почему?

— Потому, что бога у тебя в душе нет! Я это точно знаю! Вот она у меня где, душонка твоя! — И он помахал прямо перед носом Николая Яковлевича какой-то испанской убористой почерком бумажкой.

Проснулся Александров в дурном расположении духа. Дома оставаться не хотелось. Суббота, но в ЦК все работали — дел невпроворот. К 10:00 прибыл на Старую площадь. Помощник доложил, что уже с утра звонили из посольства США — напоминают, что сегодня вечером фуршет, день открытых дверей, и господин

посол Мэтлок ждет с нетерпением встречи.

— Скажите, что непременно буду. Еще что?

— Егор Кузьмич просил соединить, как вы придете.

— Ну давай, соединяй...

Когда соединили, Лигачев сразу же перешел к делу:

— Николай Яковлевич, разговор есть серьезный. Нужно твое мнение. Зайдешь?

— Сейчас буду, — ответил Александров и про себя тут же подумал: «Я не гордый, меня не убудет».

Лигачев был один.

— Заходи, Николай Яковлевич, — вставая, пригласил он. — Работаем вместе, а толком поговорить возможности нет. Чай будешь с баранками? — с ходу предложил он.

— Если со мной почаевничаешь, то не откажусь, — ответил Александров.

Разговор начался сам по себе. С Александровым хозяин кабинета по традиции был на «ты» как член ЦК и вообще как товарищ по работе.

— Вчера встречался с Михаилом Сергеевичем. Говорили о внутриполитической обстановке. Он серьезно обеспокоен. Ротация кадров нужна в силовых структурах, говорит, нужны другие подходы. Больше свободы. Мы, говорит, одной рукой даем свободу, а другой за эту свободу действий наказываем. Силовые структуры не готовы. Я с ним согласен. Что сам думаешь, Николай?

Александров сразу понял, о чем пойдет речь.

— Я поддерживаю такую точку зрения. Реформам нужны другие подходы, — согласился он.

— Вот я и подумал, почему бы нам Виктора Михайловича Чебрикова не забрать к себе в секретариат ЦК. Работы здесь хватает. Он человек дельный, андроповский кадр.

— Человека убрать с должности нетрудно. А где взять замену, которая бы отвечала требованиям дня? — Сказав это, Александров артистично опустив голову.

Лигачев почесал затылок и, хитро прищурившись, заметил:

— Это как раз то главное, ради чего, Николай, я тебя и позвал. Есть у меня кандидатура, но мне необходимо твое мнение, понимаешь? Дело-то серьезное. Я думаю предложить Михаилу Сергеевичу Крючкова. Что скажешь?

— По мне, человек дельный, интеллигентный, к тому же из наших. Я бы не возражал.

— Вот и хорошо! — обрадовался Егор Кузьмич. — Буду готовить материал.

— А Чебриков в курсе? — спросил Александров.

— Нет, что ты, Николай! Когда все решим, тогда и скажем.

Вечером Николай Яковлевич был, как и обещал, в американском посольстве. Народу собралось немало. Главным образом представители новой демократической волны из числа зарождающейся оппозиции. Все крутились вокруг Сахарова, вещающего гениальные тезисы переустройства общества. Здесь же выделялась пышная шевелюра Явлинского. Скучали гениальный и стеснительно-задумчивый Гайдар, а также многие другие. Приход Александрова был встречен бурными и продолжительными аплодисментами. Мэтлок вышел к нему с распростертыми объятиями.

ГЛАВА 22. ДЕНЬ, ИЗМЕНИВШИЙ МИР И ЖИЗНЬ

25 декабря, за неделю до Нового года, Горбачев, Александров и несколько помощников собрались в Кремле. Михаил Сергеевич нервничал, записывали его отречение, он несколько раз

перечитывал текст. У телевизионщиков тоже не ладилось. То звук не шел, то какой-то кабель забыли подсоединить. Обстановка была нервная. Кто-то заметил: «Так напряженно и тяжело и почему-то радостно, будто акт капитуляции Германии готовим».

Александров одобрительно посмотрел на сказавшего. «И действительно, в этом что-то есть, — подумал он. — Скорее всего, насмешка истории». Он был совершенно спокоен, и его спокойствие удручающе действовало на Горбачева, вызывая раздражение, но сил злиться у генсека не было. Надо было хотя бы достойно прочесть этот проклятый текст, который, как огромный шрам, разделит судьбу его и страны как бы на до и после.

Александров еще с утра предупредил Тони Батлера, что предстоит финальная фаза представления и он все проконтролирует, чтобы речь была без сучка и задоринки. Горбачев, конечно, не знал, что приход к власти Ельцина был не только результатом его принципиальных просчетов и ошибок, но и следствием кропотливой, ежедневной работы сотрудников ЦРУ, некоторых будущих олигархов и его друга Николая Яковлевича по созданию Фонда поддержки Ельцина, финансируемого США при пристальном внимании Джорджа Буша-старшего и директора ЦРУ Кейси.

Горби был им не нужен. Это был уже не тот парень. Собиравшийся созидать разрушитель опасен и непредсказуем.

Александров стоял, скрестив руки на груди, с сочувствующим лицом постороннего наблюдателя, не изображающим уже ни преданность, ни готовность выполнить любое поручение.

«Интересно, — думал он, — как все-таки мал человек. Нет, пожалуй, не мал, а ничтожен. Философия бытия: чему бывать — того не миновать. Так-то!

Вот он сейчас говорит в камеру. А сколько людей в этой уже бывшей стране будут слушать эту речь, которую написал я, посылать в его адрес проклятия. И ведь есть за что! Дурак! Он возомнил себя великим политиком, реформатором. Нет уж, дудки! Великий политик и реформатор — это я! И вы все это поймете немного позже. Кто управлял в действительности этими жалкими хвастунишками, жаждущими славы и величия? А народ — он всегда народ. Дай только хлеба и зрелищ».

Горбачев читал свое отречение, и Александрову казалось: вот он, миг его возвышения. Вот оно, торжество его гения. Однако внешне он был совершенно спокоен и продолжал стоять, так же скрестив на груди руки. «Впереди еще большая работа», — думал он.

Все прошло чинно. Культурно. Горбачев, закончив речь, всех поблагодарил и направился в свой кабинет.

— Николай Яковлевич, зайти ко мне!

Александров направился за уже бывшим президентом. Из кабинета Горбачева прямоком проследовал в комнату отдыха. Попросил срочно соединить его с президентом Соединенных Штатов Америки.

Связь дали так быстро, как будто заранее этого ждали.

— Джордж, я сделал все так, как должен делать президент в цивилизованном государстве. Надеюсь, все договоренности по защите моей семьи и меня лично будут выполнены.

Видимо, на том конце провода дали утвердительный ответ и положили трубку телефона.

Горбачев как-то сразу обмяк и прилег на диван.

— Николай! — обратился он к Александрову. — За что мне все это?

— Михаил Сергеевич! — оживился Александров. — Вы сделали этот народ свободным, а свободы без потерь не бывает! Это аксиома. Вы же марксист, знаете диалектику лучше других.

— Да пошел ты на... со своей диалектикой! Ты знаешь, что будет завтра? Ельцину не Россия, ему власть нужна. У него маниакальная жажда власти. Ему плевать на страну. Мне говорили, он с детства мечтал сесть на русский трон. Он маньяк.

«Ишь как разошелся», — подумал Александров, а на словах предложил поехать домой.

— Вам сейчас, Михаил Сергеевич, надо среди своих дома побыть, с Раисой Максимовной, успокоиться, а потом вплотную вашим фондом займемся. Дело новое, интересное.

Горбачев быстро собрался, ничего не взяв из кабинета, и направился к выходу, думая про себя: «Ну и змея же ты подкодная, Николай Яковлевич! Прав был Крючков, когда говорил мне о твоих шпионских делишках. Сука продажная! Так мне и поделом. Пропади оно все пропадом! Ничего, переживем и это. Главное, как учил великий Ленин, ввязаться в драку. Стоп! Нет! Это не Ленин говорил, Наполеон! Да! Еще важнее вовремя из драки выйти».

Через два часа Николай Яковлевич уже принимал американского посланника Тони Батлера и его помощника Роберта Кетлера. Александров интересовал вопрос своего будущего. А именно останутся ли все договоренности о том, что ему дадут при новой власти руководить телевидением и радио?

— Не беспокойтесь, мой друг, — успокоил его Батлер, — господин Ельцин очень ценит вас и ваши заслуги и подтверждает наши договоренности.

— Есть еще одно обстоятельство, и очень важное, — вмешался в разговор Кетлер. — Надо

присматривать на первых порах за Горбачевым, чтобы он ничего там в своем фонде не выкинул. Что ни говори, сторонники у него найдутся. Есть предложение сделать вас в Горбачев-фонде его заместителем. Это наша идея.

Батлер добавил:

— Впрочем, вы можете отказаться. Но ваше участие там нам было бы весьма полезно и небескорыстно. Мы разговаривали с Геннадием Бурбулисом, он поддержал эту идею.

Александров с сарказмом заметил:

— Вот только его, преподавателя научного коммунизма, рекомендаций мне, академику пяти академий, не хватало! Но если надо для дела... Я не возражаю. Имейте, пожалуйста, в виду, я долго с ним не смогу. Его демагогия — вот у меня где! — И он показал на горло.

И Батлер, и Кетлер остались довольны встречей с Александровым. Возвратившись в посольство, уединились в кабинете Кетлера и принялись прокачивать ситуацию для подготовки письма в Лэнгли и Госдеп.

— Завершен самый важный этап всей нашей операции, и Гуру становится опасным, — заключил Батлер на правах старшего.

— Ты хочешь сказать, что его надо убирать? — удивился Кетлер. — Он нам еще нужен!

— Я разговаривал с Ельциным и, поверь мне, с большим трудом уговорил его дать Гуру работу.

— Он его ненавидит. И как крупный зверь, не любит гадов.

— Мне он тоже не нравится. Мне почему-то еще с Канады кажется, что он ведет какую-то свою игру.

— Ты хочешь сказать, что Гуру работает не на нас, не на русских, а на себя, преследуя какую-то цель, нам неизвестную?

— Вот именно! — согласился с ним Батлер. — Он, по сути дела, стал вторым человеком в го-

сударстве, и он же один из главных его разрушителей, причем делал гораздо больше, чем мы ему поручали. Но я, кажется, начинаю его понимать.

— Он мстит? — спросил Кетлер.

— Да, Роберт! Ты абсолютно прав. Он мстит за своих родных, за себя, за свою хромоту, за свои страхи. Посмотри на него. У человека есть все, что только можно иметь в этой стране! Он ее обожать должен! Так нет! Счастья нет. Но нам он нужен как никто. Ничего подобного в нашем деле еще не было.

— Я думаю, что это у него появилось еще тогда, когда ФБР взяло его на той смазливой блондинке, помнишь? — спросил Кетлер.

— Нет.

— Как нет? Наша сотрудница в Колумбийском университете с польскими корнями. Вспомнил? Касатка.

— Да, конечно, помню.

— Страх у него тогда был нешуточный, — согласился Батлер. — Я читал материалы. Но игру он ведет свою. Надо за ним понаблюдать. А сейчас давай напишем в Лэнгли и Госдеп.

— Что писать будем, сэр? — поинтересовался Кетлер, довольный собой.

— Пиши: «Горбачев ушел. Работа продолжается. Советского Союза нет! Смотрите новости».

— Все? — удивился Кетлер. — Так коротко?

— Пока да, — ответил ему Батлер. — Это Россия. Отсюда еще никто победителем не уходил. Чувствую, что мы здесь тоже в своем дерьме поваримся. Надо быть крайне осторожными. И как можно быстрее делать ноги. Пусть другие проявляют инициативу, мы свое дело сделали. Сейчас эйфория вокруг Ельцина. Тот только почувствует в руках реальную власть — начнет чудить. И куда нас его чудачество заведет, никто не знает. Начнет

ядерной головкой, как членом, махать — мало не покажется. Я вообще считаю, мы на него зря поставили. Он непредсказуем.

— Он крепко пьет, — заметил Кетлер.

— Да, пьет! Только все вокруг него уже лежат. А он нормально. Я пару раз с ним был — чуть не умер.

— Он теперь будет обслуживаться в нашем медицинском учреждении. Если что — острая сердечная недостаточность, и дело в архив, — заметил Кетлер.

— Не получится! — возразил ему Батлер.

— Почему ты так считаешь?

— Как я понимаю, правительство США рассматривает его как этапную фигуру, максимум года на три. И мы за это время должны Россию стерилизовать. Ты в курсе, сколько наше правительство вбухало в Ельцина? Миллиард долларов! Раскручивать кого-то еще нет ни средств, ни реальной возможности. Ельцину альтернативы нет. Видал, что он сделал с гэкачепистами? Из танков палил, мог и «Град» применить. Если мы начнем наглеть, он и с нами церемониться не будет. Даст под зад, мало не покажется.

Наша с тобой задача — влиять на него через наших людей, так сказать, корректировать его действия в нужном направлении. Остальное сделают бизнес и политики, ориентированные на нас.

— Не много ли мы на себя берем? Ты же сам говоришь, эти русские не знают, что завтра выкинут.

— Не беспокойся, дорогой. Я тебе говорил в глобальном плане про русских как нацию, а здесь частности. И пока Гайдар и его команда под нашим контролем со своим либералами, под контролем будет и Ельцин.

— Жалко мне эту страну, — неожиданно произнес крамольную фразу Кетлер.

— С чего бы это, Роберт? Раньше я не замечал за тобой такой сентиментальности.

— Да нет, Тони. Сентиментальность здесь ни при чем. Я просто подумал, если бы с нами, с американцами, сотворили такое, как мы себя ощущали?

Батлер, недолго думая, ответил:

— Если бы я тебя не знал, то послал бы куда подальше. Но, к несчастью, я сам задавал себе этот вопрос не один раз.

— И что?

— Это не мы, это они сделали сами. Потому что, как и мы, разрешают всяким беспородным засранцам управлять страной. Они очень похожи на нас, но свободные. Да-да! Свободные внутренне. Наша демократия — это обязательный, жесткий набор принципов, которые определяют, лоялен ты к власти или нет. Если ты против Белого дома, ты против Америки. А здесь посмотри. Они власть костерят на чем свет стоит, а как какой внешний враг — сразу же превращаются в кулак. И могут так шандарахнуть! Вот этого-то я и боюсь. Что политики заиграются и обгадят весь наш труд и завтра у Америки проблем будет куда больше, чем сегодня у России.

Кетлер согласился: скорее всего, так и будет.

— Но какая богатейшая страна, гигантская территория, огромные природные ресурсы — а в магазинах купить нечего.

— Согласен, — ответил Кетлер. — Но это не наше с тобой дело. Ну ладно, пойду позвоню домой, поболтаю с Ханной и Кэтрин.

— Передай Ханне и Кэтрин привет от меня. Обязательно, — сказал Батлер.

На том они и расстались. Нисколько не задумываясь над тем, какие сюрпризы преподнесет им судьба.

Поговорив с нянкой и внучкой, Кетлер отправился погулять по Арбату. Было несколько человек из числа либеральной интеллигенции, с кем ему предстояло встретиться в кафе и обменяться новостями. Говорил этот люд много, но ничего интересного. Каждый норовил показать себя более крутым оппозиционером, чем другой. Они наивно полагали, что чем больше ругают власть, тем интереснее разведке или просто иностранцам. Но встречаться с ними было надо, хотя они уже порядком надоели вымогательством. Министры, советники, помощники и прочая правительственная камарилья — это одно. А эти люди — совсем другое. Они помогали видеть общую картину, так сказать, наложить последний штрих. Размышляя так, Роберт Кетлер шел, вернее, пробирался через ликующую толпу, которая уже видела или слышала о сложении полномочий президента СССР Горбачева.

Люди радовались, что Горбачев наконец ушел, но еще не поняли, что вместе с ним ушла страна, в которой они родились и жили. Пройдет еще немного времени, несколько часов — и над Кремлем спустят флаг Великой страны, и в небо взлетит русский триколор как символ новой эпохи, новой жизни, новых надежд и разочарований.

Неожиданно Кетлера окликнули:

— Роберт Кетлер?

По тому, как было произнесено его имя, он сразу понял: с ним хочет иметь дело КГБ.

— Да, это я, — ответил он спокойно человеку в штатском.

— Здравствуйте, я подполковник Петр Васильевич Меньшиков, пройдемте со мной, пожалуйста, в машину.

— Вы не имеете права. Я американский дипломат. Я сотрудник посольства США, — как можно громче заявил Роберт.

— Не волнуйтесь, пожалуйста, — успокоил его подполковник, и Роберт увидел рядом еще как минимум двух человек, готовых силой впихнуть его в машину.

— Я думал, у вас действительно демократические перемены. Выходит, что это все фарс. Вам даже наплевать на дипломатическую неприкосновенность.

Неожиданно Меньшиков наклонился к уху Кетлера и спросил его:

— Вы хотите узнать судьбу своего сына Альберта и его жены Мэрилин?

Роберта словно током ударило. Он отпрянул от подполковника и тут же спросил:

— Вам известна судьба моего сына и его жены?

— Да! — ответил Меньшиков. — И по этому поводу с вами хотят поговорить мои руководители. Мы знаем, кто вы. И чем занимаетесь. Но сейчас для нас это не столь важно. Поехали? — сказал он тоном, не терпящим возражений. — Это в ваших интересах, тем более мы вас надолго не задержим.

Кетлер быстро сел в черную «Волгу». Через левую заднюю дверь сел еще один человек. Кетлер оказался посередине между Меньшиковым и этим вторым.

Когда пронесли мимо Лубянки, Кетлер настороженно спросил:

— Вы куда меня везете?

— Не волнуйтесь, Роберт. У нас, как и у вас в Вашингтоне, много офисов в Москве. Вы ведь тоже не всех в Лэнгли возите.

Через несколько минут подъехали к большому старинному особняку с колоннами, похожему на старинную усадьбу. Как в нее заехали, Кетлер так и не понял. Похоже, что через подземный паркинг.

— Приехали, — сказал Меньшиков.

По широкой лестнице поднялись на второй этаж.

— Здесь обитают ваши контрразведчики? — поинтересовался Кетлер. — Хорошо устроились, богато. Успокаивает, что в таких хоромах не пытаются.

— Почему же? — возразил Меньшиков, пока они шли по коридору. — Пытают. Только очень аккуратно.

Кетлер так и не понял, шутит этот русский или нет.

Вошли в большой просторный кабинет. Его хозяином оказался невысокий рыжеватый мужчина, лицо которого Кетлеру показалось знакомым. Когда он подошел поближе к столу, то в этом человеке безошибочно признал Нила Трауберга, своего бывшего стажера. Он не мог ошибиться: перед ним стоял его канадский приятель, который недавно бесследно исчез. Во всяком случае, в числе живых уже не числился. Говорили про него всякое, но Кетлер не верил.

— Это ты, Нил? — спросил Кетлер, нисколько не сомневаясь в утвердительном ответе и начиная понимать, в чем дело.

Трауберг вышел из-за стола и подошел к Кетлеру.

— Может, обнимемся? — предложил он, расставив руки.

— Как это возможно? — возразил Кетлер. — Мы по разные стороны баррикад. Ты работаешь на русских. Ты предатель?

— Успокойся, Роберт, — оставил его Трауберг. — Я русский и всегда им был. И это моя работа. Такая же, как и твоя. Просто я вернулся на родину. Как видишь, и ты, и я при деле.

— Только каждый при своем, — возразил ему Кетлер раздраженно.

— Вы же, американцы, говорите, что помогаете строить новую Россию. Выходит, вы признаетесь нам в дружбе. Значит, мы друзья и мы по одну сторону баррикад, — с сарказмом ответил ему Трауберг.

— Не ерничай, Нил, или как здесь тебя зовут. Мы же оба знаем, что это не так.

— Потому я тебя и пригласил, чтобы рассказать, что происходит на самом деле. Причем, как видишь, время я выбрал самое неподходящее. Страна разваливается. Но я надеюсь на лучшее...

— Мне сказали, что я могу узнать судьбу своего сына Альберта и его жены, это правда? — перебил его Кетлер.

— Это правда, Роберт. У нас есть кое-какой материал. Я знаю, что ты уже больше двух лет ищешь их след, и мы решили тебе помочь. Может, присядешь?

— Хорошо, — согласился Кетлер. — Хоть какая-то надежда есть, что они живы?

— Надежда есть всегда. — Трауберг посмотрел на Меньшикова, и тот быстро вышел.

Через минуту молодая девушка прикатила небольшую тележку с водкой и холодными закусками в соседнюю комнату.

— Прошу к столу, — пригласил Трауберг. — Общаться не хочешь — тогда давай хотя бы выпьем за встречу.

Он разлил содержимое бутылки по стаканам. Быстро выпили.

— Так только для этого ты пригласил меня сюда или действительно чтобы рассказать о сыне и его жене?

— В общем, да!

Кетлер был взволнован. Он не сдерживал дрожи в руках, которые почему-то не слушались.

— Значит, я не арестован? — скорее для того, чтобы скрыть неудобство своего состояния, спросил он Трауберга.

— Нет. Сейчас нет смысла тебя арестовывать. Можно сильно по шапке получить. Ты же дружишь с нашими младореформаторами. И потом, твой подопечный очень влиятельный человек.

— Это кто? — наигранно поинтересовался Кетлер, которого этот вопрос застал врасплох.

— Николай Яковлевич Александров, — спокойно ответил Трауберг.

У Кетлера горло перехватило, и спина стала мокрой.

— Так вы все знаете?

— Конечно! И очень давно.

— Так почему же вы его не арестовали? — не сдержав любопытства, спросил Кетлер, явно подавленный такими поворотами дела.

— Видимо, еще не время, — спокойно ответил Трауберг.

Но в голове у Кетлера, как вбитый гвоздь, уже сидел вопрос, что с сыном, а давить он не мог. Надо было ждать, пока Нил или как там его...

— Как тебя здесь зовут, как твое настоящее имя? — неожиданно спросил он.

Трауберг ничего не ответил и, помолчав немного, сказал:

— Зови меня по-прежнему. Это лучше для нас обоих. Ты же знаешь правила игры.

— Да! — согласился Кетлер.

Разве он мог подумать, чем закончится этот день, который начинался так хорошо! Но зато появилась надежда что-то узнать об Альберте. И это главное.

— Что с моим сыном? — не сдержавшись, спросил он. — Ты же говорил, что-то знаешь? Говори же.

— К нам некоторое время назад совершенно случайно попали видеокассеты, которые по непонятной причине оказались у одного афганского контрабандиста, перевозчика опиума через границу. Парня убили наши погранцы. При нем оказался кожаный рюкзак, явно с кого-то снятый, где среди прочего лежала кассета с записью задержания Альберта и его жены. Похоже, что она была сделана как отчет о проделанной работе. Для кого и для чего, я не знаю. Могу

сказать одно: их задержание было спланировано, сделано это было по наводке. Я так понимаю, они занимались тем же, чем и ты?

— Да! Тем же, чем и я. Только, видишь, я жив. Сажу перед тобой, а их... — Он сделал паузу, с трудом сдерживая слезы. — Я могу посмотреть эту запись?

Меньшиков включил уже настроенную аппаратуру.

На пленке была дата — ровно два с половиной года тому назад. Мужчина — высокий, худой, одетый по европейской моде, и женщина в брюках, укутанная в платок, идут по торговым рядам, разговаривают между собой и с продавцами, шутят. Ведут себя непринужденно.

Кетлер представил, как за ними следует человек, снимая все на камеру.

Внезапно к этим двум подбегают люди в белом и уводят в сторону.

Затем пошел второй сюжет. Альберт и его жена сидят вместе со связанными руками и отвечают на вопросы.

— Как вас зовут?

— Меня зовут Джек Паранга.

— Чем вы занимаетесь?

— Я археолог, моя жена тоже.

Нам в Карачи ваши правительственные чиновники дали разрешение на работу в вашем музее и на посещение раскопок.

— Это неправда.

— Зачем нам вас обманывать. Это наша работа по программе ЮНЕСКО. Проверьте наши документы, сделайте запросы.

Было видно, что Альберт держится спокойно, уверенно ведет линию легенды.

— Ну что ж, — сказал голос за кадром, и он показался Роберту знакомым, — если вы не хотите говорить, может, ваша жена будет разговорчивее.

Показали Мэрилин. Платка на ней не было. Она плакала.

— Отпустите нас. Мы не сделали ничего плохого, мы... ученые.

Меньшиков выключил запись.

— Дальше не очень приятно. Тебе лучше не смотреть. Хотя ничего страшного, — успокоил Кетлера хозяин кабинета.

Наступила напряженная тишина.

Нарушил ее Кетлер, спросив:

— Это все, что у вас есть?

— Нет, — ответил Трауберг.

Кетлер ожил:

— И что же?

Трауберг попросил Меньшикова поставить материалы экспертного заключения записи и прокомментировать их.

Меньшиков голосом учителя начал пояснять кадры на экране.

— Обратите внимание на кусок окна, попавший в камеру.

Его резко увеличили, и в отражении стекла возникли мечеть и часть минарета.

— Наши специалисты, — пояснил Петр Васильевич, — определили именно по мечети, что допрос происходит в Пешаваре. Приблизительно в районе Паксиси. А вот самое главное, — продолжал подполковник, — обратите внимание на нижнюю часть окна. Здесь случайно оказалось отражение стакана. Окно слегка приоткрыто. И на стакане мы четко видим человека, ведущего допрос. Увеличиваем его, еще чуть-чуть, небольшая коррекция — и вот, готово.

От удивления Кетлер встал. Это был Гарольд Стоун, которого он знал по работе в Лэнгли.

— Невозможно! Зачем все это надо? — почти вскричал Кетлер. — Такого не может быть. Это монтаж, Нил. Вы меня дурачите. Это дешевая подделка. Я знаю, вы на эти штуки мастера!

— А вы? — остановил его

Трауберг.

Кетлер сдвинулся, как проколотый воздушный шарик. У него началась истерика. Он ничего не мог с собой поделать.

— Вам что, делать нечего? У вас страна рушится, людям жрать нечего, повсюду национальные конфликты, мафия контролирует все. И вам нет дела до этого! Вам надо поиграть с американским дипломатом на его горе?

Успокоил его на этот раз Меньшиков.

— Вы не волнуйтесь, господин Кетлер, нам еще о многом надо поговорить.

— Да-да, о многом, — поддержал своего помощника Трауберг. — Однако что касается твоей бурной речи, ты во многом прав. Но это все плесень. Мы от нее избавимся и пойдем дальше. Надеюсь, ты будешь свидетелем.

— Вы победите весь этот беспредел?

— Да, победим, — твердо ответил Трауберг, — потому что мы уже сегодня закладываем фундамент нашей завтрашней жизни... — Он умолк, встал из-за стола и стал мерить шагами маленькую комнату, почесывая щетину на подбородке, и вдруг неожиданно заключил: — И я думаю, что ты в этом деле будешь нам, то есть России, хорошим помощником.

Кетлер игриво заявил:

— Я? Никогда. Ты меня знаешь. Я предателем никогда не буду.

— Порядочность и честность — вот что в тебе нас привлекло. Я ходатайствовал за то, что тебе надо помочь.

— О чем это ты ходатайствовал, Нил? — удивился такой постановке вопроса Кетлер. — Я что-то перестал тебя понимать. Ты ведешь со мной какую-то непонятную игру. Вы не боитесь, что наш здесь разговор прослушивается? И меня могут хватить?

— Нет, — успокоил его Меньшиков. — Ваш сопровождающий видел, что вы спустились в метро, и потерял вас из виду. А здесь прослушка невозможна. Кроме

того, в вашем посольстве оператор видит, как вы двигаетесь в метро в сторону юго-запада.

— Все нормально, Роберт. Не волнуйся, — сказал Трауберг, подойдя к нему и дружески похлопав по плечу. — Ну а сейчас последняя часть балета Хачатуряна. — И он дал знак Меньшикову. Потом попросил Кетлера проследовать назад в свой кабинет.

Через некоторое время позвонил дежурный, и Нил сказал в трубку только одно слово:

— Пусть заходят.

В комнату вошли двое: мужчина, это был Альберт, и женщина — Мэрилин. Они были живы-здоровы. Но Кетлер не верил в реальность происходящего. Со слезами на глазах он кинулся к сыну и Мэрилин, они обнялись, крепко обхватив друг друга руками. Ни Трауберг, ни Меньшиков им не мешали. Когда все немного успокоились, Кетлер отошел от детей и, подойдя к Траубергу, обнял его.

— Спасибо! Спасибо большое.

— Вот это другое дело, — пошутил Нил, — а то он, видите ли, обниматься не хочет...

Кетлер взял себя в руки и, успокоившись, спросил:

— Так что произошло? Почему и как вы оказались здесь?

— Будет лучше, — посоветовал Трауберг, — если Альберт сам расскажет, что произошло.

— Можно я по-английски?

Трауберг одобрительно кивнул головой, и это неприятно резануло Роберта.

— Нам с Мэрилин в департаменте внутренних расследований дали задание проверить наших сотрудников, работающих под прикрытием в Афганистане, на предмет участия в контрабанде опиума и героина на афгано-пакистанской границе. Задание совершенно секретное. Никто, кроме шефа, об этом не знал. Мы получили очень надежные документы, легенда была стопроцентная,

отработанная и соответствовала нашему реальному образованию. Из Карачи мы прилетели в Пешавар, где местный резидент познакомил нас с нужными людьми. Стив Андерсон, так его звали, собирался на пенсию и работу свою на задворках планеты считал незаслуженной ссылкой. О цели нашего визита, как мы думали, он не догадывался. И вообще производил впечатление уснувшего в седле ковбоя. Ему было не до нас. Человек готовился на покой. Так, во всяком случае, нам казалось. Правда, Мэрилин?

— Да! Но мне в нем сразу что-то не понравилось. Мне показалось, что он изображал уж очень усердно безразличие, а глазки у него бегали. Я женщина, и сразу заметила, как он быстро раздел меня глазами, как то и дело пялился на мою попу. У безразличных и уставших от всего людей так не бывает...

— Это правда! — заметил Альберт. — Он ей сразу не понравился. Но надо было с чего-то начинать. И вот, вдоволь походить по антикварным лавкам и базарам и съездив на раскопки, мы узнали массу интересного. Но вот об участии наших коллег в контрабанде — ничего. В конце концов, измотанные и уставшие, мы решили устроить себе праздник. Разгрузку сделать.

— Так оно и было, — перебила мужа Мэрилин. — Альберт привез три бутылки джина и целую коробку тоника. Мы много пили и болтали. А надо заметить, что окна нашего номера в отеле прямехонько выходили во двор офиса, где жил и работал наш резидент. Так вот, мы пили, и я то и дело бегала в туалет. И вот, пробегая в очередной раз, я заметила, что у окна его офиса стоят три машины. И, как мне показалось, был очень нервный разговор. Я быстро взяла стереотрубку со встроенным лучевым микро-

фоном, поймала их разговор. Стив Андерсон был сам на себя не похож. Он говорил: «Мне завтра нужна партия для отправки в Штаты. Хорошая партия. А это дерьмо отправляйте в Ашхабад, там все сожрут. Ясно?»

Другие двое поклонились Андерсону, и кто-то на английском сказал, что все сделают. Пока я наблюдала в окно за происходящим, в номер вошел этажный. К сожалению, я его заметила лишь тогда, когда он спросил:

— Наблюдаете, госпожа?

Альберт был в другой комнате, и его не видел. Я же была полураздетой и потому закричала: «Как вы здесь оказались?» — «Извините, госпожа, дверь была открытой. Вот я и зашел проверить, не случилось ли чего».

На мой крик выскочил Альберт, но этажного уже как ветром сдуло. Я обо всем рассказала мужу.

— Да, — подтвердил Кетлер-младший, — мы быстро оделись и собрались спуститься вниз, как вдруг в дверь постучали. Мэрилин принялась прятать чемоданы, а я пошел открывать дверь. Это был этажный с подносом, на котором стояли чайник, две чашки и восточные сладости.

— Это вам от меня за причиненные неудобства.

Мы приятно удивились и решили, что наши опасения преувеличены. Однако где-то на второй день мы стали замечать за собой хвост. По вещам в номере мы поняли, что здесь побывали чужие. Слава богу, что Альберт той же ночью для предосторожности опустил в вентиляционную трубу все наше техническое обеспечение. В конечном итоге на первом этапе наших злоключений именно это нас и спасло.

Продолжил Альберт:

— Мы делали вид, что ничего не замечаем и занимаемся своими археологическими делами. Ищем артефакты, часами

торчим в книжных лавках. И вот однажды прямо на местном рынке нас арестовали и доставили в отделение полиции.

— Так значит, арест, который мы видели в записи, произвела полиция? — спросил Кетлер.

— Да, отец, это были местные полицейские, как раз те, которые занимаются борьбой с наркотиками (Antinarkotics force). Они в нас заподозрили наркокурьеров и, доставив нас в участок, как понимаешь, нашли подкиннутые нам наркотики. За это грозит большой срок или смертная казнь.

На первом этапе нас допрашивал европеец. На записи его не видно, но голос я запомнил на всю жизнь. Сто процентов, что он американец. Здесь нас сильно не били, но копали глубоко, со знанием дела. Потом совершенно неожиданно нас отправили в провинцию Бадахшан. Мы не знали, где мы. И лишь случайно я услышал радио «Озоди» (Таджикская служба радио «Свобода»), где понял, что мы находимся в уезде Мдиджан. Один моджахед сказал мне, что правительственные войска много взяли в плен важных талибов, поэтому нас будут беречь, чтобы обменять на кого-то из них. Но нас никто не берег. Они постоянно воевали. Нас показывали то одним — и увозили куда-то, то другим — и снова увозили, причем ничего не спрашивая...

Продолжила Мэрилин.

— Нас так замучили, что уже ничего не хотелось. Силы жить давала только надежда увидеть нашу

дочурку Кэтрин. И вот однажды, мы тогда были заложниками очень влиятельного талиба Забехуло Мудтохида и сидели в сарае, неожиданно дверь распахнулась, в проеме возник здоровенный мужчина и сказал, чтобы мы собирались. Ничего не понимая, мы вышли во двор и чуть не упали от ужаса: человек двадцать убитых талибов лежали вокруг дома хозяина, а пять или больше человек, очень похожих на русских, ждали нас на бэтээре. Не помню, как мы залезли в него. Помню, они смеялись, а мы плакали.

Кетлер подошел к сыну и Мэрилин и достал из кармана фотографию Кэтрин. Они целовали фото и плакали.

— Когда домой? — спросил Роберт детей и повернулся к Траубергу: — Как я понимаю, Нил, все зависит от тебя.

— Спрашивай, Роберт, у них.

Кетлер уселся обратно в свое кресло и повернулся к Альберту:

— Когда?

— Мы не поедem в Америку, отец. Мы приняли решение остаться здесь. Еще тогда.

Кетлер все понял.

— А что я скажу маме?

— Отец, никто ничего не должен знать.

— Я понимаю, понимаю... — прошептал Кетлер. Потом встретился, будто вспомнив что-то важное. — Так здесь тоже оставаться нельзя. Тут скоро такое начнется...

— Роберт, успокойся. — Трауберг подошел к нему и по-дружески обнял. — Главное, они живы. И ты знаешь, давай не

будем торопить события. Пусть все идет своим чередом.

Провожать Кетлера вышли только сын и Мэрилин. Они долго целовали друг друга, обнимали, что-то говорили, пока Меньшиков не попросил его сесть в машину.

Подъехали к станции метро «Маяковская».

— Здесь будет лучше.

— Я понимаю, — согласился Кетлер. — У меня один вопрос. Удивляюсь, почему я его не задал раньше. Я как-то могу видеть своих детей? Как нам жить дальше после всего того, что произошло?

— Господин Кетлер, мы не рассматриваем вас как врага государства. А ваш сын и его жена являются в данный момент нашими сотрудниками, — ответил Меньшиков.

— Позвольте спросить, вернее, уточнить, Петр Васильевич. Сотрудниками чего, какой структуры они являются?

— Если я вам скажу, что они не меняли своей профессии, вам этого будет достаточно?

— Я понял! — раздосадованно ответил Кетлер.

Но Меньшиков его взбодрил:

— Вы можете их видеть когда угодно. Мы вам дадим все необходимые инструкции.

Кетлер грустно, с пониманием посмотрел на здоровенного русского подполковника и тихо произнес:

— Никогда бы не подумал, что меня так легко можно завербовать...

Валентина ЩЕРБАК

Меня зовут Валентина Кравченко, но пишу я под псевдонимом Вэл Щербак (Щербак — моя девичья фамилия). Мне 26 лет, родилась в Сибири, в городе Братске, но желание греться на солнышке и плескаться в море привело меня в Сочи. Уже три года я живу в олимпийском городе. По образованию журналист. Сейчас занимаюсь созданием художественной прозы, в основном короткой. Своим «литературным отцом» считаю писателя Юрия Томина, именно он когда-то в детстве поразил меня легким юмористическим слогом. Стараюсь как можно больше читать. Поглощаю не только русскую и иностранную классику — современные авторы тоже вниманием не обижены. Интересуюсь наукой. Воспитываю мужа и пса, пытаюсь выращивать цветы.

Проводник Игорь

Проводнику Игорю все мешали. Особенно надоедали пассажиры: они шумели, грелись, шарахались по вагону, волновались, курили, хамили и требовали начальника поезда. А когда из туалета сперли ершик, Игорь совсем раскис.

— Н-да... — чесал затылок молодой проводник, разглядывая пустое сортирное ведро. — Н-да...

После обеда вагон наконец успокоился и задремал.

Поезд несся мимо цветущих полей всех оттенков аграрной палитры. Солнечные лучи, пробираясь сквозь засаленные окна, нежно подсвечивали клубящуюся матрасную пыль.

Уже вторую смену Игорь пытался сосредоточиться и написать Оле пылкое сообщение. Молодой проводник окинул взглядом присмиривший вагон и закрылся в купе.

«Милая Оля!» — начал он.

— Нет, не то... Лучше «дорогая».

В этот момент содержимое вагона вместе с пассажирами и запахом огурцов подпрыгнуло, и у

Игоря вышло: «Дооорогая Оля!». Молодой проводник ругнулся и стер написанное.

Раздался стук, и дверь поехала в сторону.

— Извините, а можно чаю? — За дверями стоял вихрастый паренек в очках.

Молодой проводник воткнул в паренька суровый взгляд, но юный пассажир лишь невозмутимо таранился в ответ.

Тогда Игорь надул щеки, поднялся и остервенело принялся собирать чайный набор: стакан с хрустом провалился в подстаканник, следом улетела ложка, потом шмякнулся и пакетик.

— А зеленого нет? — обыкновенно спросил паренек, до сих пор не почувствовав угрозы.

Игорь был уже не Игорь, а бурлящий котел. Он ничего не ответил, только лицо его еще больше окислилось, а губы слиплись так, будто нырнули в рот. Молодой проводник от всей души желал наподдать очкастому приставале.

Наконец вихрастый почуял жар, прошептал «спасибо», торопливо сволок кружку со стола и умчался, забыв про кипяток.

Игорь размахнулся, чтобы закрыть дверь, но в последнюю секунду, испугавшись разбудить еще какое-нибудь лихо, удержал ее от громкого хлопка. Он протер взмокшее лицо полотенцем, уселся и взял в руки телефон.

«Олечка! Сейчас я удаляюсь от тебя, но мысленно приближаюсь к тебе».

Игорь стер последние слова и написал: «...но душевно я с тобой». Потом немного подумал, исправил «душевно» на «духовно», снова стер и напечатал: «...но рвусь к тебе всей душой. И если бы я сейчас был рядом, то взял бы тебя за руку и сказал бы...»

Игорь не закончил мысль, потому что отвлекся на ползущую по липкому столу муху. Это была жирная Софья, катившая с ним от самого Саратова. Муха грузно поднялась и, раскачивая полное тело, устремилась в сторону Игоря. Молодой проводник приоткрыл дверь и заехал полотенцем по упитанной Софье. Летунью швырнуло на коридорное окно, где она моментально оценила обстановку и замерла, прикидываясь куском грязи.

Игорь задвинул дверь, стащил туфли и улегся. Только он вспомнил подходящее слово и потянулся к телефону, как в дверь снова постучали.

«Да что ж вам не спится-то?!» — натягивая тесные туфли, думал Игорь.

В купе, преодолевая тесноту, как бур, вонзился безразмерный живот. Хозяин живота остался снаружи.

— «Юбилейное» дайте! — басом гаркнул живот. — Чай пить не с чем!

— Сколько пачек? Одну?

— Издеваешься? — Живот беспокойно зашевелился, все сильнее разрастаясь в узком пространстве. — Три! Нет, шесть давай!

«Чтоб тебе одну ботву жрать!» — подумал молодой проводник.

Он сгреб из шкафчика печенье и протянул его брюху:

— Вот, забирайте все, какое есть.

Потная красная пятерня, отделившись от живота, ловко сцапала пачки.

— Мне в поезде все время кушать охота, — благодарно прощебетало брюхо. — Спасибо, я попозже еще найду.

И живот, кряхтя и вздрагивая, извлек себя из узкой проводницкой кельи.

Игорь закрыл дверь. Он сел на место, вытер со лба пот и посмотрел в телефон. Его лицо тут же скорчилось, как будто под носом разлили уксус.

— Тьфу! Галиматъя! Позорище! Сопли какие-то распустил, в самом деле! — И Игорь стер все, что до этого написал.

«Оля, ты по мне скучаешь?» — появилось на экране.

Теперь нужно было подождать полчаса до ближайшей станции и отправить сообщение, когда появится сеть.

— Так, стоп-кран! Если она мне ответит, когда я буду вне доступа? Нет, пожалуй, с ума сойду. Нельзя вопросов задавать. Надо, чтобы категорично, прямо: скоро, мол, буду, жди, мол.

«Оля, я хочу тебе сказать одну очень важную вещь, но ты меня дождись, я тебе лично скажу», — побежали буквы.

— Я что, в армию ушел? Две недели подождет, подумает! Зачем это вообще писать? Тьфу, ерунда какая-то! — Молодой проводник бросил телефон на сиденье и стал тоскливо смотреть в окно. Пробегали все те же поля.

В коридоре послышалось ворчание:

— Что за страна такая, ей-богу? Все — на рельсы, да еще и, извиняюсь, подтереться нечем! Эй, проводник! — В дверь пару раз легонько стукнули, наверное, одной костяшкой. — Спишь? Бумага, я извиняюсь, туалетная закончилась в вагоне. Подкинь, будь добр.

Игорь достал два рулона бумаги и вышел в коридор. Жалобщик мялся за дверями.

— Я уж не говорю о мыле, — следуя за Игорем, продолжал нудить пассажир. — Почему оно такое грязное и волосатое? Что, я извиняюсь, им мыли? Страшно представить.

Игорь повесил рулон и попытался выйти из туалета, но жалобщик преградил ему проход.

— Я извиняюсь, а это? — И недовольный ткнул пальцем в розовый лохматый обмылок.

— Буду я из-за каждого прилипшего волоска кусок менять! — огрызнулся Игорь и закрыл туалет.

— Э, мне, извиняюсь, надо... — Пассажир потянулся к ручке.

— Санитарная зона! — с нескрываемым удовольствием ответил молодой проводник и скрылся в купе.

— Та-ак. На чем я тут остановился?.. Мыло им волосатое, надо же! Что моют, такое и мыло!

«Оля, я все решил. Скоро я приеду, и мы поговорим».

— Вот. И никаких рассусоливаний. По-мужски. Нет! Не годится! Что за ультиматумы? Ой, дурак, дурак, дубина! — И Игорь принялся стирать написанное.

Поезд взвизгнул, подскочил, и телефон нырнул куда-то под стол.

— В гробу я видал эту работу... — скрипел сложенный в четыре раза Игорь, нащупывая в пыльном углу свой аппарат. — Тьфу!

Наконец он выудил телефон. В этот момент состав затормозил. В окне показался сельский полустанок. Игорь оставил телефон на сиденье и помчался открывать дверь вагона.

Налетели приткие бабульки с корзинами и ведрами. Желающих отовариться пассажиров Игорь прогнал: стоянка три минуты. Тогда бабульки развернули «оконную» продажу: ловко сметали деньги у свисающих из вагона рук и рассовывали по этим рукам пакеты, кульки и бутылки.

Молодой проводник прятал лицо от липучего солнца. Он ничего не замечал вокруг и непроизвольно тер мокрые ладони о заднюю часть форменных брюк.

— Берите кабачки! Сказка, а не кабачки! Для тех, кто вширь растет. Я вот на кабачковую диету села, так пять кило за неделю убежало! Сейчас вам покидаю! — влетело Игорю в правое ухо.

— Как мятые? Что значит — мятые? Вкуснятина мятой не бывает! — влетело молодому проводнику в левое ухо.

Игорь мотнул головой, словно пытаюсь высыпать на асфальт суету, и запрыгнул в поезд. Шурша пакетами и чавкая, вагон глотал пирожки. Плацкартная духота пахла горелым жиром. Поезд дзынькнул, твякнул и покатился дальше.

Молодой проводник в такой спешке открывал дверь своего купе, что весьма чувствительно треснул об нее коленкой. На здоровой ноге он допрыгал до телефона, впился в него и, убедившись, что глухой полустанок обеспечен мобильной связью, набрал чей-то номер.

— Ольга! — крикнул Игорь. — Слышишь меня? Слы... Черт возьми, как же ты меня замутила! Я люблю тебя! Люб... Да! Тебя! Я! Люблю! А ты меня любишь? Ну же, отвечай! Сейчас сеть пропадет!

Но трубка затихла. В окне опять покатались поля.

Добрый день, уважаемый Игорь Михайлович.

Хочу предложить редакции прозу, примера которой не было, на мой взгляд, в «Юности» ни в 1964–65 гг. (когда я получал журнал по подписке), ни в последующие годы (когда я читал «Юность» эпизодически), ни в «Заовражье» (знаете ли Вы, Игорь Михайлович, что в некоторых интернет-публикациях это имеет место под названием «ЗАО Вражье?»), ни в «Письмах из недалека» (возможно, потому, что Ваша проза названа Анненским «стихами в прозе»).

Варианты примерного объема предложения:

- 1. World, шрифт Times New Roman, размер 12, 219 стр., 2,17 Мб.*
- 2. 182 листа обычного формата книги.*
- 3. 19 уч.-изд. листов.*

Сообщите, пожалуйста, примет ли редакция пробные части в электронном виде и в каком объеме?

Автор, рабочее название и оглавление предлагаемого:

Борис Гончаров

М (мужчина) и Ж (женщина): сублимация в Паутине

Оглавление

- 1. Предисловие.*
- 2. Введение 1.*
- 3. Введение 2.*
- 4. Времена года (части целого).*
 - 4.1. Зима.*
 - 4.2. Весна.*
 - 4.3. Лето.*
 - 4.4. Осень.*
 - 4.5. Зима (другая).*
- 5. Послесловие – комментарий и досье имени.*

С уважением, С. Г. Бондарев, г. Орел

Галка ГАЛКИНА:

Дорогой С. Г. Бондарев! Такой прозы в «Юности» действительно не было! Что там 64–65-м гг.? Думаю, что с момента основания, с 1955 года!

Никогда Валентину Катаеву и последующим редакторам в страшном сне не могло присниться, что появитесь Вы со своими 19 уч.-изд. листами.

Особо впечатляют названия глав, одна из которых повергла в шок Игоря Михайлова: «Зима (другая)».

Игорь Михайлов в пароксизме жгучей зависти высказался в том роде, что С. Г. Бонда-

рев, дескать, открыл новое время года: другая зима. И теперь их пять!

Такого еще не было!

Еще Вы, дорогой наш автор, внесли смятение в стройный хор критиков: Анненский или Аннинский, Иннокентий или Лев?

Иннокентий по вполне понятным причинам ничего не написал об Игоре Михайлове, а Лев написал, но он, к сожалению, не Анненский.

Словом, сублимация вполне себе состоялась. Такой прозы в «Юности» действительно не было.

И никогда не будет!

Проказник* ГЕО, человек-космонавт

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К ЗВЕЗДАМ

- ❖ Вышел утром на орбиту
и поймал за хвост Кончиту!
- ❖ А на Марсе, а на Марсе
все русалки жили в трансе!
- ❖ А на нашей на Луне я катался на слоне!
- ❖ А однажды на Плутоне
встретил маленькую Тоню!
- ❖ Я к Юпитеру летел, тихо песенку гудел!
- ❖ Перигей ли апогей —
рвался к звездам Берендей!
- ❖ Я Венеру посещал, к венерологу попал!
- ❖ Я доехал на Меркурий —
не осталось даже шкурий!
- ❖ Солнце светит в правый глаз,
дядя Степа — водолаз!
- ❖ Солнце светит в левый глаз,
ест Онегин ананас!

Фаза месяца:

Курлыкря!

ПОД ФАНФАРЫ

- * Славься, наша улица, Жирик и Кустурица!
- * Славься, целая страна, редька, хрен
и Кострома!
- * Славься, остров Сахалин, губернатор,
керосин!
- * Славься, маршал Сердюков, ел, гулял
и был таков!
- * Славься, славный Коктебель, угодил
Волошин в щель!
- * Черубина Габриак забралась на Чимбулак!
- * Мы поедем на курорт, упадем
зубами в торт!
- * Славься, наш родной Ильич,
с днем рождения, вечный хрыч!
- * Травка пробивается — сказка начинается!
- * В космонавты я б пошел,
путь по звездочкам нашел!

PHOTOSTOP

© Фото Игоря МИХАЙЛОВА

* Мужик-проказник
работает и в праздник (народная мудрость).

SMS'ка, отправленная Псаки:

Геть!